

ISSN 2413-8584

ЭКОНОМИКА ПРОФЕССИЯ БИЗНЕС

e-mail: ef@asu.ru сайт: <http://journal.asu.ru>

2018. № 4

ECONOMICS PROFESSION BUSINESS

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2018

Научный рецензируемый журнал. Издается с 2014 г. Выпускается 4 раза в год

Учредитель

ФГБОУ ВО «Алтайский государственный университет»

Главный редактор

В. В. Мищенко, доктор экономических наук, профессор

Заместитель главного редактора

Т. Г. Строителева, доктор экономических наук, профессор

Редакционный совет

Е. А. Ан, д-р экон. наук (Казахстан);
А. М. Асалиев, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
А. В. Боговиз, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
Г. Г. Вукович, д-р экон. наук, проф., акад. РАН (г. Краснодар);
Ю. В. Рагулина, д-р экон. наук, проф. (г. Москва);
В. И. Суслов, д-р экон. наук, проф., чл.-корр. РАН
(г. Новосибирск);
Сюй Линьши, д-р экон. наук, проф. (г. Харбин, Китай);
В. И. Тинякова, д-р экон. наук, проф. (г. Москва)

Редакционная коллегия

В. И. Беляев, д-р экон. наук, проф.;
С. Н. Бочаров, д-р экон. наук, проф.;
С. В. Лобова, д-р экон. наук, проф.;
С. И. Межов, д-р экон. наук, проф.;
Е. Е. Шваков, д-р экон. наук, проф.

ISSN 2413-8584

Журнал зарегистрирован в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по Алтайскому краю и Республике Алтай (Управление Роскомнадзора по Алтайскому краю и Республике Алтай). Свидетельство о регистрации ПИ № ТУ22–00576 от 20 ноября 2015 г.

Индекс в каталоге российской прессы «Почта России» **50302**.

Статьи журнала включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный в Интернете по адресу: <http://www.elibrary.ru> (Научная электронная библиотека).

Все права защищены. При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Founder

Federal state budgetary educational institution of “Altai State University”

Editor-in-Chief

V. V. Mishchenko, Prof.

Deputy Editor-in-Chief

T. G. Stroiteleva, Prof.

Editorial Council

E. A. An, Prof. (Kazakhstan);
A. M. Asaliyev, Prof. (Moscow);
A. V. Bogoviz, Prof. (Moscow);
G. G. Vukovitch, Prof., Academician of RANH (Krasnodar);
Yu. V. Ragulina, Prof. (Moscow);
V. I. Suslov, Prof., Corresponding member of RAS (Moscow);
Sui Linshi, Prof. (Harbin, China);
V. I. Tinyakova, Prof. (Moscow)

Editorial Board

V. I. Belyaev, Prof.;
S. N. Bocharov, Prof.;
S. V. Lobova, Prof.;
S. I. Mezhev, Prof.;
E. E. Shvakov, Prof.

The journal is registered in the Office of the Federal Service for Oversight in Communication, Information Technologies and Mass Media in Altai region and Altai Republic (Office Roscomoversight in Altai region and Altai Republic). The Certificate of Registration PI №ТУ22–00576 is issued on November 20, 2015.

Index in the Catalogue of Russian Press “Pochta Rossii” is 50302.

The articles published in the journal are included in the Russian Index of Scientific Quotation (RISQ), available at the Internet address <http://www.elibrary.ru> (Scientific Electronic Library).

All rights reserved. Reference to the journal is required when using any part of the content.

© Оформление.

Издательство Алтайского государственного университета, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Беляев В. И., Кузнецова О. В.</i> ОХРАНА И ГУМАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТРУДОВОГО ОПОРТУНИЗМА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ЦЕПЯХ МЕЖФИРМЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ.....	5
<i>Бородин В. А., Шунина О. А.</i> АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФАКТОРОВ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)	16
<i>Домалатов Е. Б., Дубина И. Н., Тургинбаева А. Н.</i> СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА: СРАВНЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКОЙ	21
<i>Кылыгдай А. Ч.</i> О ПРОБЛЕМАХ РЫНКА ТРУДА И О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В ТЫВЕ	30
<i>Крышка В. И.</i> ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ОСНОВЫ (СУБСТАНЦИИ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ И КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ.....	35
<i>Мищенко И. В., Куртешева В. Н.</i> АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗОЛОТОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)	45
<i>Сабына Е. Н., Неупокоев М. Ю.</i> ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА МАТЕРИАЛАХ г. БАРНАУЛА)	50
<i>Сергиенко А. М.</i> ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ГДЕ КОНЦЕНТРИРУЮТСЯ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ?	57
<i>Сундеева М. А.</i> К ВОПРОСУ О ВЫЗОВАХ И УГРОЗАХ РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1991–2017 гг.	68
<i>Троцковский А. Я., Перекаренкова Ю. А.</i> ДИСБАЛАНСЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ.....	75
<i>Шавандина О. А., Макушева Г. Н., Харина О. В., Шарикова Т. Г.</i> МНОГОМЕРНАЯ ФАКТОРНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ ДОЛИ РЫНКА ТРУДА С УЧАСТИЕМ СТУДЕНТОВ	86
<i>Юдинцев А. Ю., Величко О. В., Трошкина Г. Н.</i> АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МАКРОКОМПЕТЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ЭКОНОМИКЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ	91
НАШИ АВТОРЫ	99
ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС»	101

CONTENTS

<i>Belyaev V. I., Kuznetsova O. V.</i> LABOUR PROTECTION AND HUMANISATION: INTEGRATIONAL CONCEPTION IN INSTITUTIONAL STRUCTURE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN ORDER TO SOLVE PROBLEMS OF LABOUR OPPORTUNISM AT ENTERPRISES AND IN INTER-FIRM INTERACTIONS	5
<i>Borodin V. A., Shunina O. A.</i> ANALYSIS AND ESTIMATION OF FACTORS RESTRICTING GROWTH OF LABOR PRODUCTIVITY AND EMPLOYMENT IN MANUFACTURING INDUSTRY (CASE STUDY ON INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE ALTAI TERRITORY).....	16
<i>Domalatrov E. B., Dubina I. N., Turginbayeva A. N.</i> CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INNOVATION SPHERE OF KAZAKHSTAN: COMPARISON WITH INTERNATIONAL PRACTICE	21
<i>Kylgyday A. Ch.</i> LABOR MARKET PROBLEMS AND ADAPTABILITY OF RURAL TOURISM IN TUVA	30
<i>Krishka V. I.</i> GENERAL ECONOMIC APPROACH TO BASIS (SUBSTANCE) STUDY OF NON-PROFIT AND COMMERCIAL ENTERPRISES ACTIVITIES	35
<i>Mishchenko I. V., Kurtseva V. N.</i> ANALYSIS OF GOLDEN BRANCH INDUSTRY STATE AND DEVELOPMENT (CASE STUDY ON THE ALTAI REPUBLIC).....	45
<i>Sabyna E. N., Neupokoev M. Yu.</i> PROFESSIONAL EXPECTATIONS OF GRADUATES OF A MODERN UNIVERSITY (CASE STUDY ON THE CITY OF BARNAUL)	50
<i>Sergienko A. M.</i> INCOMES OF ALTAI TERRITORY POPULATION: WHERE DO CHALLENGES AND THREATS FOCUS?	57
<i>Sundeeva M. A.</i> ON CHALLENGES AND THREATS TO DEVELOPMENT OF AGRICULTURE OF THE ALTAI TERRITORY IN 1991–2017	68
<i>Trotskovsky A. Ya., Perekarenkova Yu. A.</i> IMBALANCES IN THE ALTAI TERRITORY SPATIAL DEVELOPMENT IN CONTEXT OF LONG-TERM STRATEGY	75
<i>Shavandina O. A., Makusheva G. N., Harinova O. V., Sharikova T. G.</i> MULTIDIMENSIONAL FACTOR SEGMENTATION OF LABOR MARKET SHARE WITH THE PARTICIPATION OF STUDENTS	86
<i>Yudintsev A. Yu., Velichko O. V., Troshkina G. N.</i> ANALYSIS OF INNOVATION POTENTIAL OF MICROCOMMERCE IN CONTEXT OF THE FORMATION OF CHAINS OF ADDED VALUE CREATION IN ECONOMY OF THE ALTAI TERRITORY	91
OUR AUTHORS.....	99
ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR “ECONOMICS. PROFESSION. BUSINESS”.....	101

ОХРАНА И ГУМАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ПРИНЦИПЫ ИНТЕГРАЦИИ В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ СТРУКТУРЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В ЦЕЛЯХ РЕШЕНИЯ ПРОБЛЕМ ТРУДОВОГО ОППОРТУНИЗМА НА ПРЕДПРИЯТИЯХ И В ЦЕПЯХ МЕЖФИРМЕННЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ¹

В. И. Беляев, О. В. Кузнецова

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена решению проблем преодоления трудового оппортунизма в сфере охраны труда, причины которого обусловлены сложившимися противоречиями между гуманистическими целями в этой сфере управления и экономическими интересами менеджмента как предприятий, так и их кооперационных объединений. Финансовую выгоду менеджмент видит исключительно в сокращении затрат на мероприятия по улучшению условий труда и обеспечению его безопасности. В результате вместо выгоды предприятия и кооперационные сети несут весьма ощутимые потери. Решение проблемы авторы видят в институциональной трансформации социально-трудовых отношений предприятий и сетей, направленных на усиление такого типа социально-трудовых отношений, как партнерство, и ослабление оппортунизма (институционального и трудового). Институциональную трансформацию предлагается осуществить на принципах гуманизации труда, которые на комплексной основе предлагается органично ввести в действующую систему охраны труда. Предлагаемый методический подход рекомендуется использовать и на отдельных предприятиях, и в сетях межфирменных взаимодействий, организованных и функционирующих в форме цепочек добавленной стоимости.

Ключевые слова: социально-трудовые отношения, социальное партнерство, оппортунизм, институты социально-трудовых отношений, охрана труда, условия труда, качество трудовой жизни, гуманизация труда, принципы гуманизации труда.

LABOUR PROTECTION AND HUMANISATION: INTEGRATIONAL CONCEPTION IN INSTITUTIONAL STRUCTURE OF SOCIAL AND LABOR RELATIONS IN ORDER TO SOLVE PROBLEMS OF LABOUR OPPORTUNISM AT ENTERPRISES AND IN INTER-FIRM INTERACTIONS

V. I. Belyaev, O. V. Kuznetsova

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted the problems of overcoming labor opportunism in the field of labor protection the causes of which are explained by the contradictions between the humanistic goals in this field of management and the economic interests of management of both enterprises and their cooperative associations. Financial benefit is only in reducing the cost of measures to improve labor conditions and ensure its safety. As a result, instead of the benefits, enterprises and cooperative networks suffer very significant losses. The authors point of view is in

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Научный проект № 18-010-00593. «Исследование глобальных цепочек создания добавленной стоимости как фактора повышения эффективности экономики региона».

the solution of the problem in the institutional transformation of social and labor relations of enterprises and networks aimed at strengthening such types of social and labor relations as partnership, and the weakening of such types as opportunism (institutional and labor). Institutional transformation is proposed to be carried out on the principles of humanization of labor, which should be integrated into the existing system of labor protection. This methodological approach is recommended to be used both in individual enterprises and in networks of inter-firm interactions, organized and functioning in the form of value chains.

Keywords: social and labor relations, social partnership, opportunism, institutes of social and labor relations, labor protection, working conditions, quality of working life, humanization of labor, principles of humanization of labor.

Проблемы с охраной труда были всегда — и в прошлые века, и в советское время, есть они и сейчас. И не надо быть сколько-нибудь глубоким психологом, чтобы понять, что и в те далекие времена, и сейчас тайные скрытые механизмы порождения многих из них кроются в оппортунистических намерениях руководителей (владельцев) предприятий, стремящихся к извлечению финансовой выгоды посредством нанесения умышленного ущерба безопасности труда. Делается это действительно умышленно с надеждой на то, что ничего плохого не произойдет. Однако часто бывает как раз наоборот — надежды не сбываются.

Явление это нередкое. Оно представляет собой одну из форм трудового оппортунизма, который формируется в институциональной структуре социально-трудовых отношений предприятий и в их кооперационных объединениях и проявляется со стороны владельцев бизнеса и менеджмента по отношению к работникам в сфере охраны труда. Итогом являются низкие результаты эффективности и результативности деятельности предприятий и цепей межфирменных взаимодействий. Причины проблемы кроются в том, что охрана труда всегда требует немалых финансовых вложений, причем вложений «здесь и сейчас». Отдача же от них не выглядит такой быстрой и очевидной, как, допустим, получение выручки от перепродажи товаров или спекуляций на фондовых биржах. Более того, эту отдачу невозможно ощутить, почувствовать; ее можно только понять. И от того, как менеджмент предприятия поймет и, самое главное, воспримет эту отдачу, зависит поведение менеджеров при принятии ими решений о возможности осуществления инвестиций в сферу охраны труда. Если при восприятии возобладают гуманистические начала — возникнет желание не просто улучшить условия труда, сделав труд безопасным в соответствии с требованиями регламентов по его охране, но и повысить качество трудовой жизни. Но если же у менеджмента возникнет желание лишь симитировать обеспечение безопасности труда, утаив часть необходимых на его охрану

инвестиционных средств, с целью использования их «здесь и сейчас», а не в каком-то необозримом будущем, да еще и в иллюзорной форме — сомневаться в принятии менеджментом оппортунистических решений не следует. Таким образом, между гуманистическими целями охраны труда и экономическими интересами бизнеса существуют реальные противоречия. Они носят оппортунистический характер. Чтобы снизить потенциал оппортунистических намерений руководства предприятий при решении проблем в сфере охраны труда, предлагается переосмыслить принципиальную ее основу, органично введя в теоретические основы охраны труда элементы гуманизма. Сделать это нужно так, чтобы в улучшении условий труда бизнес увидел реальную экономическую выгоду.

Охрана труда и национальная идея общества: соотношение понятий и взаимообусловленность. В общем и целом, под охраной труда, как следует из статьи 209 Трудового кодекса РФ, понимается «система сохранения жизни и здоровья работников в процессе их трудовой деятельности, включающая в себя правовые, социально-экономические, организационно-технические, санитарно-гигиенические, лечебно-профилактические, реабилитационные и иные мероприятия» [1]. Если на это официальное определение охраны труда посмотреть с общественно-гуманистической точки зрения, то можно увидеть, что ее сущность отнюдь не ограничивается исключительно сохранением жизни и здоровья работников; она направлена на сбережение народа вообще, о чем, рассуждая о национальной идее России, писал А. И. Солженицын в начале нынешнего века: «... Я предложил бы национальную идею, которая изложена 250 лет назад елизаветинским придворным Иваном Петровичем Шуваловым. Он предложил Елизавете руководствоваться как главным законом — сбережением народа. Какая здесь мысль! Сбережение народа как главная задача. Романовы, к сожалению, на всем протяжении своей династии мало воспользовались этим принципом. Каждый шаг, каждый закон должен быть направлен — бере-

гает он народ или нет. Если нет — прочь его! Каждый закон, каждый шаг правительства должен быть на это направлен» [2]. Многие из современных политиков, и президент страны не является исключением, в своих речах и выступлениях, касающихся проблем повышения благосостояния людей, все чаще стали употреблять термин «сбережение народа», хотя на официальном и общественном уровне он пока и не принят в качестве целевого ориентира национальной идеи страны. Но, несмотря на это, можно констатировать, что обозначенное в Трудовом кодексе определение охраны труда как системы сохранения жизни и здоровья работников в полной мере соответствует гуманистическим представлениям о национальной идее в нашей стране, обсуждение которой началось еще в далеком XVIII в.

Однако на практике эти гуманистические устремления Трудового кодекса зачастую подвергаются жестким оппортунистическим корректировкам, и порой весьма значительным. Дело в том, что если на охрану труда посмотреть с точки зрения экономики, то ее сущностное предназначение сводится к минимизации потерь общества при осуществлении людьми трудовой деятельности на предприятиях, посредством предотвращения производственного травматизма и профессиональных заболеваний. Так следует из законодательных регламентов. Казалось бы, все нормально. Но на деле менеджмент предприятий экономии зачастую ищет не в улучшении условий труда, направленном на предотвращение травматизма и т. п., а в сокращении затрат на охрану труда. Так, в частности, нередки случаи, когда средства индивидуальной и коллективной защиты закупаются предприятиями с отступлениями от требований по условиям труда, поскольку они дешевле. Но при этом оснащение рабочих мест средствами защиты менеджмент предприятий документально оформляет в соответствии с требованиями. И подобных примеров много. Есть свидетельства о том, что аналогичная порочная практика имеет место быть и на зарубежных предприятиях. Так, Майкл Армстронг, анализируя положение дел с охраной труда в Великобритании, отмечает, что «важность политики и практики в отношении здоровья и безопасности, к сожалению, часто недооценивается теми, кто занимается вопросами управления предприятиями, а также отдельными менеджерами внутри этих предприятий» [3, с. 711]. Автор, очевидно, по соображениям толерантности, весьма осторожно пишет об этой проблеме; речь следует вести отнюдь не о «недооценке», ибо это мягко сказано, а о намеренном извлечении финансовой выгоды администрациями предприятий за счет умышленного создания таких условий труда, в которых работники подвержены риску травматизма, получения профессиональных заболеваний и даже ги-

бели. И называть эти явления «недооценкой», если руководствоваться принципами гуманизма, вряд ли допустимо; это трудовой оппортунизм со стороны менеджмента по отношению к работникам в его классической форме. И в нем четко просматриваются реальные противоречия между гуманитарным предназначением охраны труда и экономическими интересами менеджмента предприятий, о чем уже упоминалось выше. И, следует подчеркнуть особо, эти противоречия, к сожалению, документально закреплены в организационных структурах и прочно укоренились в организационных культурах предприятий; как в России, так и за рубежом. В этом и суть нашей беды, о которой говорил А. И. Солженицын, рассуждая о национальной идее России.

Охрана труда и качество трудовой жизни: гипотеза о наличии связи и ее содержании. Поскольку охрана труда ориентирована на решение гуманитарных задач, многие авторы справедливо увязывают содержание ее деятельности с улучшением качеством трудовой жизни.

Однозначного определения понятия «качество трудовой жизни» нет. Профессор Б. М. Генкин относит это понятие с качеством жизни вообще, как часть и целое, отождествляя при этом качество трудовой жизни с условиями труда. Так, в частности, он утверждает, что «условия, в которых осуществляется трудовая деятельность человека, принято называть качеством трудовой жизни, или условиями труда». Но затем, объясняя это понятие в более широком понимании, он уходит от полного тождества этих безусловно близких по содержанию понятий и обращает внимание на присущие качеству трудовой жизни характеристики рабочих мест, производственной среды, организации и оплаты труда, взаимоотношений в производственных коллективах [4, с. 47–48].

Есть и другие определения понятия «качество трудовой жизни»; их много. Довольно полный обзор этих определений представлен в фундаментальной монографии О. В. Зоной и Е. В. Нехода [5, с. 29–62]. Не вдаваясь в подробный анализ каждого из них, поскольку он уже сделан в вышеуказанной монографии, резюмируем, что под качеством трудовой жизни, в общем и целом, следует понимать уровень удовлетворенности личных экономических и социальных потребностей, а также профессиональных и культурных интересов работников, работающих в конкретной организации. Из этого определения следует, что качество трудовой жизни характеризуется санитарно-гигиеническими, экономическими, организационно-культурными, социально-психологическими условиями труда, позволяющими человеку реализовать свои профессиональные знания и навыки и удовлетворить свои потребности в самоактуализации.

На основе этих утверждений можно сформулировать гипотезу о том, что у каждого работника имеются две целевые установки, мотивирующие его к работе на конкретном предприятии. Во-первых, ему необходимы приемлемые с его точки зрения бытовые (безопасность и комфорт) и экономические (зарплата и премии) условия труда. Во-вторых, он нуждается в удовлетворении присущих человеку социально-культурных потребностей. Это показывают и наблюдения за поведением работников учебных заведений и государственных учреждений, и экспертные опросы некоторых из них. В своих оценках качества трудовой жизни опрашиваемые отмечают два фундаментальных фактора¹, которые, по их мнению, формируют это качество изначально, и обеспечивают его развитие в перспективе:

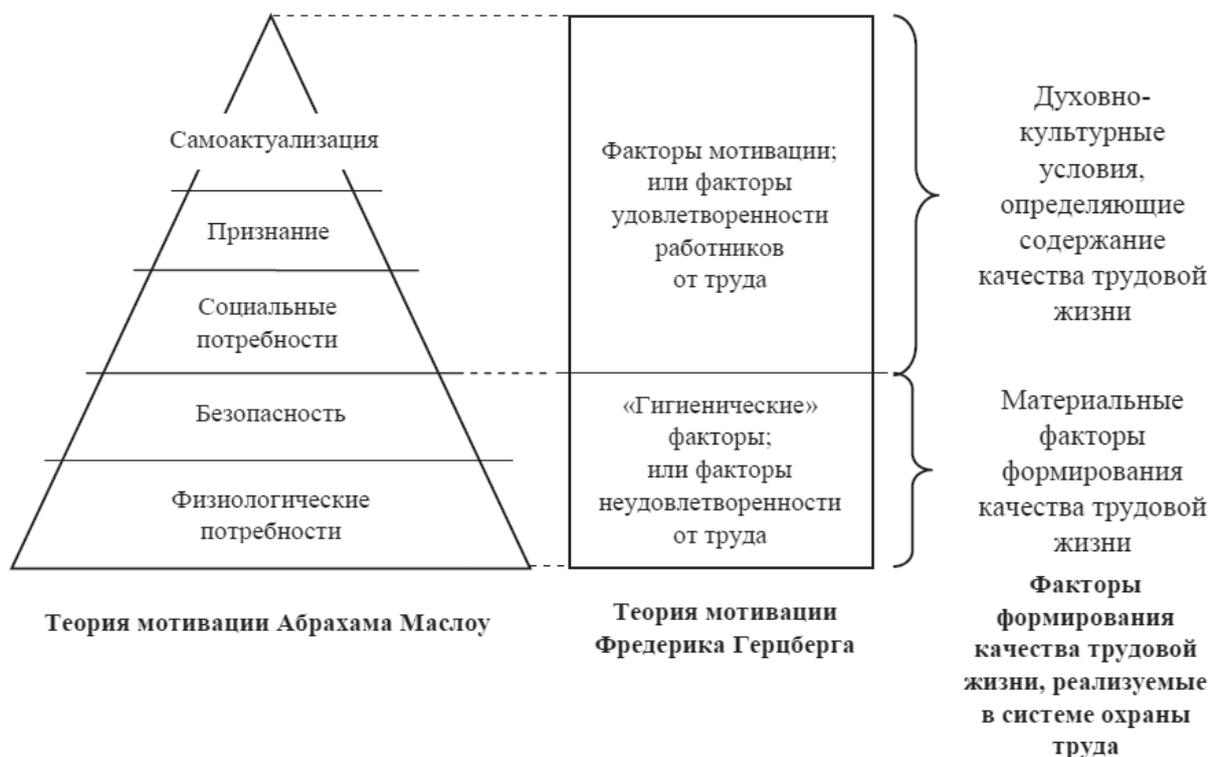
- 1) материально-организационные и экономические возможности и условия, которые формируют трудовую среду на предприятии в ее осязаемом (материальном) воплощении;

¹ Фактор (от лат. *factor*) представляет собой движущую силу какого-либо процесса, характеризующего его природу, или природу его отдельных составляющих. Традиционно в качестве факторов обозначают предметы, силы, условия, определяющие развитие чего-либо: общества, отрасли, региона. Например, труд, земля, капитал называют факторами развития производства.

- 2) духовно-культурные условия, определяющие содержание (характер) трудовых отношений как между работниками и менеджментом, так и между самими работниками при исполнении ими своих должностных обязанностей; как факторы они формируют собственно социально-психологическую атмосферу труда (трудовой климат) на предприятиях или в сетях межфирменных взаимодействий.

Справедливость выдвинутой гипотезы о причинах формирования и развития качества трудовой жизни, ее связи с охраной труда можно обосновать, в том числе, исходя из содержания охраны труда с содержанием известных теорий мотивации.

Мотивация труда и качество трудовой жизни: обоснование гипотезы взаимосвязи охраны труда и качества трудовой жизни. Труд, его результаты в экономике труда и в теории менеджмента всегда связывают с мотивацией работников. Представленный выше подход к определению содержания качества трудовой жизни и формированию гипотезы о причинах его формирования и развития полностью соответствует содержанию известных теорий мотивации. На рисунке представлено сопоставление предлагаемой трактовки качества трудовой жизни и причин его формирования с теориями мотивации Абрахама Маслоу и Фредерика Герцберга [6, с. 366–368; с. 372–376].

Соотношение факторов формирования качества трудовой жизни и известных теорий мотивации труда

На рисунке нетрудно увидеть отсутствие противоречий между содержанием факторов формирования качества трудовой жизни, реализуемых в системе охраны труда, и факторов мотивации работников к труду. Поскольку качество трудовой жизни содержательно связано с мотивами людей, побуждающими их к работе на данном предприятии, и поскольку действенность факторов мотивации из представленных на рисунке теорий многократно подтверждена на практике, можно сделать заключение о том, что выдвинутая гипотеза о причинах формирования и развития качества трудовой жизни верна. И в дальнейших исследованиях опираться следует на то, что охрана труда и качество жизни связаны между собою; причем связаны так, что материальные факторы формирования качества трудовой жизни обуславливаются совершенствованием материальной основы трудовой среды, связанной с гигиеной и безопасностью. Как в системах мотивации А. Маслоу и Ф. Герцберга материальная основа мотивов является первичной, так и в формировании качества жизни мероприятия, связанные с материальным улучшением условий труда, являются изначальной базой для развития качества трудовой жизни. Как физиологические потребности и потребности в безопасности А. Маслоу, составляющие в совокупности «гигиенические» факторы мотивации труда по теории Ф. Герцберга, представляют собой лишь элементарные возможности для труда, так и мероприятия охраны труда, имеющие под собой только материальную основу, создают изначальные возможности для осуществления трудовых процессов. И не более.

Ф. Герцберг, называя материальные мотивы к труду «гигиеническими» факторами, пояснял, что гигиена не может излечить от болезни, но она может предотвратить заболевание. Следовательно, сначала внимание нужно обращать именно на гигиенические факторы мотивации, способные только обеспечить трудовую деятельность, которая, однако, вряд ли может принести человеку удовлетворенность от труда. А завлечь работников в творческий созидательный трудовой процесс, отличающийся высокой результативностью и эффективностью, могут только факторы истинной мотивации, которые приводят человека к удовлетворенности от свершения им трудовых действий и процедур. Точно также и в формировании качества трудовой жизни: материальная составляющая охраны труда создает безопасные условия для трудовой деятельности; духовно-культурная составляющая призвана приносить трудящемуся человеку удовлетворенность от трудовых достижений. И если все взаимодействующие работники в коллективе будут испытывать чувства удовлетворен-

ности, в организации будет складываться особая атмосфера, побуждающая людей к производительному труду.

Поскольку гипотеза о содержательной зависимости охраны труда и качества трудовой жизни подтверждается на логическом и практическом уровнях, гуманистические принципы и действия охраны труда с исключительно материальных основ следует распространить и на духовно-культурную сферу, так как качество жизни отнюдь не ограничивается одной материальной составляющей трудовой жизни людей. Это предполагает переосмысление содержания деятельности охраны труда в направлении распространения принципов гуманизма и на духовно-культурную составляющую условий труда.

Одной из важных сторон качества трудовой жизни часто называют социально-психологический климат, в котором осуществляются трудовые процессы, и охране труда в формировании такого климата следует отводить далеко не последнее место.

Охрана труда и социально-психологический климат в спектре оценочных показателей качества трудовой жизни. Организационно-культурные и социально-психологические условия часто называют социально-психологической атмосферой трудового коллектива, или социально-психологическим климатом, или трудовым климатом, в котором работники трудятся, реализуя свои профессиональные знания, навыки и умения. Социально-психологический климат можно оценивать экспертным путем на континууме, где противоположными полюсами являются: наличие в коллективе отношений сотрудничества и взаимопомощи; наличие отношений внутренней конкуренции, выражающейся в противоборстве за продвижение по службе, где сотрудничеству и взаимопомощи места нет. В такой системе оценки под качеством трудовой жизни рекомендуется понимать системное сочетание санитарно-гигиенических и экономических характеристик трудовой среды с социально-психологическим климатом взаимодействия работников с менеджментом и друг с другом при исполнении ими своих должностных обязанностей. В общем и целом, оценочных характеристик качества трудовой жизни много; более того, каждый работник, глядя на упомянутый выше континуум, по-своему оценивает его уровень. Однако есть предложения и по определению обобщенных оценок, разработаны и алгоритмы количественной оценки качества трудовой жизни. Так, в частности, в монографии О. В. Зоной и Е. В. Нехода представлены результаты исследования по созданию методики измерения качества трудовой жизни [5, с. 63–113].

Охрана труда, опираясь на свои целевые установки, посредством улучшения санитарно-гигиенических условий и обеспечения безопасности труда создает осязаемую основу воздействий на сознание работников при оценке ими качества трудовой жизни в его материально-организационной составляющей. В этой ипостаси охрана труда является первичной, базовой основой качества трудовой жизни, что отнюдь не противоречит основному философскому постулату о первичности материальных начал в общественной жизни людей. И поскольку «бытие определяет сознание», санитарно-гигиенические условия труда и материальное обеспечение его безопасности определяют и формирование духовно-культурной основы трудовой среды предприятия. Таким образом, охрана труда играет определяющую роль в повышении качества трудовой жизни на предприятии, в том числе и в части его духовно-культурных начал; это, естественно, повышает трудовую отдачу работников. Следовательно, менеджмент предприятий свои усилия должен сосредоточивать отнюдь не на сокращении затрат на охрану труда, как это наблюдается в настоящее время, а наоборот, улучшать условия труда в соответствии с требованиями санитарно-гигиенических норм и безопасности труда.

Так должно обстоять дело с точки зрения материально-организационных условий. А с позиции духовно-культурных условий менеджмент предприятий должен создавать предпосылки для профессионального и духовного роста работников. Таким образом, на предприятии будет создаваться благоприятная социально-психологическая основа труда и трудовая отдача будет непременно возрастать; созданию предпосылок для экономического роста предприятия это будет способствовать гораздо в большей степени, чем оппортунистическое сокращение затрат на охрану труда.

Гуманизация труда: содержание и связь с охраной труда и качеством трудовой жизни. Преодолевать противоречия между гуманитарными целями охраны труда и экономическими интересами менеджмента предприятий, диктуемых откровенно оппортунистическими намерениями современного менеджмента, предлагается посредством целенаправленной гуманизации труда, мероприятия которой должны быть ориентированы как на материально-организационную составляющую качества трудовой жизни, так и на ее духовно-культурную составляющую.

В литературе можно найти немало определений и описаний содержания гуманизации труда. Довольно часто гуманизацию определяют как «приспособление (адаптацию) той или иной стороны трудовой жизни к человеку» [7, с. 161]. Это очень общее и широко распространенное определение.

Профессор Г. Э. Слезингер вывел из него суждение о том, что гуманизация предполагает создание на предприятиях наиболее благоприятных условий труда для осуществления работниками своих производственных функций и реализации их потенциала в трудовой деятельности. Условия труда он представил в виде системной совокупности четырех факторов трудовой деятельности человека:

- 1) трудовой процесс;
- 2) окружающая (производственная) среда;
- 3) внешнее оформление места работ;
- 4) отношение работника к выполняемой работе.

Первые три из них должны предоставляться работодателем, последний же фактор, как справедливо утверждает Г. Э. Слезингер, формируется самим работником, хотя во многом зависит и от работодателя [7, с. 161–166].

Если сопоставить эти четыре фактора, формирующие по Слезингеру условия труда, с факторами двухфакторной модели качества трудовой жизни, предложенной авторами этих строк, то нетрудно заметить их содержательное сходство. А именно, первые три фактора Слезингера представляют собой организационно-материальную основу качества трудовой жизни (первый фактор по двухфакторной модели). Последний фактор Г. Э. Слезингера, выражающий не только отношение работников к труду, но и их отношения к работодателю, менеджменту, друг к другу, есть не что иное, как духовно-культурная составляющая качества трудовой жизни (второй фактор двухфакторной модели).

Может возникнуть вопрос о целесообразности такой перегруппировки факторов, а также показаться, что никакого особого смысла в этом нет. На самом же деле, конечно, это не так. Предлагаемая авторами двухфакторная модель качества трудовой жизни, объединяющая по материальному признаку три фактора Г. Э. Слезингера в один, позволяет четко подразделять и мероприятия, и средства по направлениям их использования в процессах гуманизации труда с целью повышения качества трудовой жизни, и источники этих средств. Так, все что касается регламентов по материальному обеспечению безопасности труда и что непременно должно быть исполнено, сведено в одну группу, которую в любой момент можно представить в сколь угодно подробном виде, в том числе и с учетом специфики предприятия. Это позволит разрабатывать четкие очевидные однозначные структурные схемы контроля и учета средств, направляемых на улучшение материальной основы обеспечения безопасности труда; следует ожидать, что качество управления охраной труда в таких условиях повысится. Здесь просматривается примерно такой же подход, который применил

и Ф. Грецберг, перегруппировав пять факторов мотивации А. Маслоу также в два фактора (см. рис.).

Второй фактор двухфакторной модели, который выражается не только в отношениях работников к работе, как это отметил Г. Э. Слезингер, но и в отношениях их к менеджменту, в отношениях, сложившихся в коллективе, а также и в интересах работников в профессиональном росте, самоактуализации. Это также требует разработки и реализации определенных мероприятий, направленных уже не столько на структурную составляющую управления охраной труда, сколько на его культурную составляющую, ибо речь здесь идет о духовной стороне трудовой деятельности.

Таким образом, в решении проблем охраны труда посредством его гуманизации сочетание задач материального обеспечения безопасности труда с задачами духовного развития работников, как это предусматривается двухфакторной моделью, является не только оправданным, но и необходимым условием для повышения качества трудовой жизни. Решить ее можно посредством институциональной трансформации социально-трудовых отношений, которые складываются на каждом предприятии и имеют присущую каждому конкретному предприятию специфику.

Институциональная трансформация социально-трудовых отношений в решении проблем охраны труда и повышения качества трудовой жизни. Сущностной основой духовно-культурной среды качества трудовой жизни, адекватной по содержанию факторам повышения удовлетворенности от труда, если судить об этой проблеме по теории мотивации Ф. Герцберга, являются отношения, которые складываются на предприятиях и в сетях межфирменных взаимодействий под воздействием организационных структур и организационных культур.

В рассматриваемом контексте речь следует вести о социально-трудовых отношениях, ибо они являются сущностной основой трудового поведения работников. В целом, под социально-трудовыми отношениями следует понимать «объективно существующие взаимозависимость и взаимодействие субъектов этих отношений в процессах труда, нацеленных на регулирование качества трудовой жизни» [8, с. 48]. В зависимости от того, каким образом принимаются решения в сфере труда, социально-трудовые решения классифицируются по типам. По этому признаку выделяют следующие типы социально-трудовых отношений: солидарность, патернализм, субсидиарность, партнерство, конфликт, дискриминация [8, с. 53–56]. Профессор Б. М. Генкин выделил еще один тип социально-трудовых отношений, а именно внутрифирменную конкуренцию. Кроме того, Б. М. Генкин сгруппиро-

вал все известные типы социально-трудовых отношений в две группы: конструктивные и деструктивные [4, с. 355–358]. Авторы этих строк, используя матричный метод классификации по признакам «противодействие и сопротивление персонала (сильное — слабое)» и «форма проявления (явная — неявная)», выделили еще три новых типа деструктивных социально-трудовых отношений: трудовая конфронтация, трудовой эгоизм (фрирайдерство), трудовой оппортунизм [9, с. 100–102; 10, с. 153–162]. Таким образом, можно вести речь о десяти типах социально-трудовых отношений, среди которых есть и деструктивные, и конструктивные отношения.

Нельзя сказать, что на предприятии формируется только какой-то один тип социально-трудовых отношений. На каком-либо отдельном предприятии они могут присутствовать все в определенных долях, складываясь в уникальные институциональные образования. Источниками формирования институтов социально-трудовых отношений являются организационные структуры любых уровней и организационные культуры предприятий. Организационные структуры формируют официальные регламенты, направленные на организацию трудовой деятельности. К таким регламентам следует относить рекомендации Международной организации труда, Трудовой кодекс РФ, трудовые договоры, приказы, распоряжения предприятий и др. Они призваны упорядочивать трудовую деятельность посредством разработки и внедрения норм и правил трудового поведения работников. К таким регламентам, безусловно, относятся и правила по технике безопасности по видам работ. Внедренные в трудовые производственные процессы эти нормы и правила по-разному воспринимаются работниками: некоторые из них принимаются однозначно; некоторые неявным образом корректируются; а какие-то отчасти игнорируются или отвергаются полностью. Источником такого восприятия официальных трудовых регламентов являются организационные культуры, которые представляют собой укоренившиеся в сознании людей нравы, обычаи, ценностные ориентиры, обуславливающие их поведение, в том числе и трудовое. Под воздействием культурных влияний в организации складываются неофициальные правила трудового поведения. В совокупности официальные нормы трудового поведения, задаваемые официальными регламентами, и неофициальные правила, источником которых являются организационные культуры, и формируют институты социально-трудовых отношений. Именно в них и проистекают все трудовые процессы; именно институциональная структура социально-трудовых отношений определяет трудовое поведение и рядовых работников,

и менеджеров. Все события, которые происходят в сфере охраны труда, также определяются содержанием и институциональной структурой социально-трудовых отношений. В частности, нарушения менеджмента в области обеспечения безопасности труда работников — это одно из неформальных правил сложившегося института социально-трудовых отношений. И ничего с этим сделать нельзя до тех пор, пока эта институциональная норма, имеющая под собой организационно-культурную основу, не будет изменена, скорректирована. И таких неофициальных, полуофициальных деструктивных правил организации труда, трудового поведения работников и менеджмента по отношению к работникам на предприятиях и их кооперационных объединениях достаточно много. К корректировке деструктивных типов социально-трудовых отношений, порождающих такие правила, и сводится суть их институциональной трансформации.

Применительно к охране труда и повышению качества трудовой жизни укрупненную методику проведения институциональной трансформации социально-трудовых отношений можно представить в следующем виде.

На первом этапе надо сориентироваться с прикладной областью, в рамках которой намечается провести трансформацию. В данном случае такой предметной областью является охрана труда. Следовательно, на первом этапе нужно сделать подробный анализ действующих официальных норм и правил деятельности всех служб охраны труда, а также необходимо проанализировать все принятые в последние годы мероприятия по охране труда, оценить их действенность.

На втором этапе, используя методы наблюдений, опросов, анкетирования, изучения документов и др., следует установить структуру институтов социально-трудовых отношений. А именно выявить долю таких деструктивных типов социально-трудовых отношений, как трудовой оппортунизм, трудовой конфликт, трудовой эгоизм (возможно, другие).

На третьем этапе необходимо наметить те конструктивные типы социально-трудовых отношений, усиление которых поможет снизить потенциал действия деструктивных типов социально-трудовых отношений. Применительно к охране труда это могут быть отношения партнерства.

Это укрупненная методическая схема институциональной трансформации социально-трудовых отношений. Подробную схему можно разработать только применительно к условиям конкретного предприятия. Для того чтобы разрабатываемая конкретная (подробная) методика оказалась более действенной, рекомендуется при ее разработке руководствоваться принципами гуманизации труда.

Принципы гуманизации труда, ориентированные за обеспечение его безопасности и духовное развитие человека. Под принципом (от лат. *principium*) понимают некое основополагающее утверждение, на основе которого создаются научные теории, нормы поведения в обществе, на работе, правила решения конкретных проблем и т. п. В данном случае речь идет о формировании основополагающих утверждений в области управления охраной труда, ориентированной на повышение качества трудовой жизни и преодоление противоречия между гуманитарными целями охраны труда и экономическими интересами бизнеса.

Нельзя сказать, что до сих пор никто не занимался разработкой принципов охраны труда. Например, Н. Н. Карнаух предложил 18 принципов управления охраной труда на уровне предприятий, среди которых есть и принципы, ориентированные на укрепление организационно-материальной основы качества трудовой жизни. Так, в частности, двенадцатый принцип гласит: «Введите приоритет, по которому закупки оборудования и средств индивидуальной защиты определяются их функциональными свойствами, а не ценой» [11, с. 120]. Этот принцип «не в бровь, а в глаз» бьет по трудовому оппортунизму, проявляемому менеджментом по отношению к работникам. В обсуждаемом контексте заслуживает внимания и первый принцип, сформулированный Н. Н. Карнауком: «Создайте новую культуру охраны труда» [11, с. 116]. Автор имеет в виду создание в организациях такой системы отношений менеджмента и работников к охране труда, при которой официальные регламенты не будут нарушаться, а неофициальные культурные правила будут направляться на повышение качества трудовой жизни.

Нисколько не приуменьшая значения принципов охраны труда, разработанных Н. Н. Карнауком, вместе с тем предложим новые принципы, учитывающие гуманитарные начала в организации труда и направленные на повышение качества трудовой жизни. На это обращает внимание и Т. А. Самойлюк. Например, в своей статье автор акцентирует внимание на два постулата, которыми необходимо соблюдать при решении задач повышения качества трудовой жизни [12, с. 40–41].

1. Основным мотивом к труду является удовлетворенность от самореализации работника в процессе труда, наличия возможности для самовыражения.

2. Удовлетворенность от самореализации и самовыражения, от полученных трудовых результатов возможна только при создании безопасных условий труда.

Эти два постулата соответствуют двухфакторной модели формирования качества трудовой жизни

ни, реализуемой в системе охраны труда, предлагаемой нами, и факторам теории мотивации Ф. Герцберга. Отличия состоят только в порядке расположения и вербальных формулировках. И эти постулаты, и двухфакторная модель формирования, предлагаемая в данной статье, должны составить исходную базу для формирования принципов повышения качества трудовой жизни в системе охраны труда, которые, в свою очередь, должны послужить основой для институциональной трансформации социально-трудовых отношений, направленной на преодоление противоречия между гуманитарными целями охраны труда и экономическими интересами владельцев и менеджеров предприятий. Предлагаются следующие принципы гуманизации труда, на основе которых и следует выстраивать охрану труда, ориентированную на достижение этих целей.

1. Принцип полной уверенности работников в безопасности труда. Работнику не просто предоставляются соответствующие регламентам условия труда; он должен быть уверен в безопасности, т. е. несколько не сомневаться в том, что на рабочем месте ничто не угрожает его здоровью и жизни.

2. Принцип полной уверенности в профессиональном и карьерном росте.

3. Принцип полной уверенности в росте (или, как минимум, сохранении) уровня доходов, в справедливости вознаграждения, в сохранении занятости.

4. Принцип полной уверенности в повышении содержательности труда, в наличии самореализации на своем рабочем месте (в своей должности).

5. Принцип соблюдения менеджментом официальных трудовых регламентов, гарантирующих безопасность труда.

6. Принцип гласности; работники должны быть ознакомлены с содержанием официальных трудовых регламентов с тем, чтобы они могли контролировать их соблюдение со стороны менеджмента.

7. Принцип обучения работников правилам техники безопасности.

8. Принцип привлечения работников к генерированию эффективных и результативных мероприятий по улучшению условий труда, повышению его безопасности с целью повышения качества трудовой жизни.

9. Принцип мотивации работников за развитие системы охраны труда и повышение качества трудовой жизни.

10. Принцип воспитания в работниках бережного отношения к своему здоровью и здоровью коллег посредством соблюдения трудовых регламентов, стремлению к улучшению условий труда и обеспечению еще большей его безопасности.

Реализация этих принципов в сфере охраны труда, безусловно, будет способствовать повышению качества трудовой жизни, что не замедлит сказаться и на повышении трудовой отдаче работников. Реализация этих принципов, безусловно, потребует от менеджмента организаций не просто соблюдения трудовых регламентов в сфере охраны труда, но и, наоборот, выделения больших средств на улучшение условий труда, на повышение квалификации работников, на внедрение новых более эффективных и безопасных средств труда, способных повысить интерес работника к своей профессии, к своим профессиональным обязанностям. Но менеджмент пойдет на это, если будет уверен в том, что трудовая отдача работников превысит возможную оппортунистически обусловленную «экономия» средств на охрану труда.

Реализация принципов гуманизации в институциональной трансформации социально-трудовых отношений при решении задач повышения качества трудовой жизни в системах охраны труда: общие рекомендации. Предложенные принципы гуманизации труда в действующих системах обеспечения его безопасности могут быть реализованы через посредство организационных структур и организационных культур. Первый путь — через структуры — традиционный. Его суть заключается в разработке и внедрении официальных регламентов; в случае необходимости создаются структурные подразделения по их внедрению и использованию. Второй путь в практике регламентации труда до сих пор не использовался; опыта его применения нет. Но именно в сфере культуры и формируются правила, формирующие деструктивные формы поведения как менеджеров, так и работников. Ясно, что культурные правила поведения в приказном порядке внедрить нельзя. По большому счету, их и не внедрять нужно, а вживлять в социальную ткань организации на уровне социально-трудовых отношений. В этом и заключается суть институциональной трансформации социально-трудовых отношений. Последние пять принципов из предложенных авторами этих строк и представленных выше как раз и направлены на решение этой задачи. Так, в частности, соблюдение менеджментом официальных трудовых регламентов, если это увидят и осознают работники, повысит уровень их доверия к менеджменту, что будет способствовать становлению партнерских отношений. Привлечение же сотрудников к разработке мероприятий по обеспечению большей надежности охраняемых регламентов, безусловно, будет способствовать снижению оппортунистических намерений в трудовом поведении (как можно нарушать то, что предложили сами). А мотивация деятельности менеджеров и работ-

ников по разработке мероприятий, направленных на охрану труда и повышение качества жизни, будет укреплять в трудовом коллективе отношения солидарности и партнерства.

В итоге институциональная структура социально-трудовых отношений на предприятии станет меняться; доля конструктивных начал в ней будет увеличиваться, а деструктивных — уменьшаться, в чем, собственно, и заключается суть институциональной трансформации социально-трудовых отношений. Цели же этой трансформации лежат значительно глубже. Она постепенно должна привести к ослаблению противоречий между гуманитарными целями охраны труда и экономическими интересами собственников и менеджмента предприятий. Другими словами, вложениям в безопасный труд нужно стать более выгодными не только наемным работникам, но и менеджменту предприятий. Они должны приносить трудовую отдачу предприятию в значительно больших объемах выручки, прибыли, чем иллюзорная «экономия» на вложениях в охрану труда. При достижении этих целевых рубежей институциональная трансформация социально-трудовых отношений, несомненно, будет способствовать улучшению качества трудовой жизни на предприятиях.

В решении данной задачи, безусловно, могут быть применены и другие методические подходы к институциональной трансформации социально-трудовых отношений; многое определяется сложившейся структурой отношений и спецификой трудовой деятельности предприятия. Главное — выдержать целевой ориентир трансформации, суть которого изложена выше.

Реализация принципов гуманизации труда в цепях межфирменных взаимодействий (в качестве постановки задачи). Современный бизнес многолик и многообразен. Многие предприятия ищут выгоду в формировании различного рода кооперационных альянсов. Весьма популярными являются разнообразные цепи (сети) межфирменных взаимодействий. Методология и методики их формирования и обеспечения эффективного функционирования в некоторой степени уже отработаны. Можно перечислить много методик формирования цепей различной конфигурации, но ни в одной из них не освещены вопросы, касающиеся охраны труда и обеспечения его безопасности. Как будто бы в цепях межфирменных взаимодействий нет ни труда, ни проблем с его охраной. И труд, и проблемы охраны труда в цепях межфирменных взаимодействий, безусловно, есть. А коль скоро они есть, то существуют и социально-трудовые отношения, оформляющиеся постепенно, в виде институтов. Эти институты могут как способствовать, так и противодействовать улучшению условий труда

на предприятиях, входящих в цепи, повышению качества трудовой жизни в них и, следовательно, росту и развитию каждого отдельного предприятия, входящего в цепь, а также всей цепи в целом.

Методические подходы к решению этих проблем, в целом, аналогичны подходам, которые рекомендованы к применению на отдельных предприятиях. Отличие может заключаться в нюансах, которые, конечно же, иногда могут иметь определяющее значение. Следовательно, при заключении контрактов на участие в цепи межфирменных взаимодействий, кроме вопросов, касающихся взаимных обязательств предприятий по поставкам и т. п., как полагают авторы этих строк, необходимо специально оговаривать и отражать в контрактах определенные аспекты и по охране труда тоже. В настоящее время при заключении контрактов на участие в цепях предполагается по умолчанию, что каждое предприятие самостоятельно обеспечивает безопасный труд своих работников и никакой солидарной ответственности участники цепи за это не несут. Однако есть немало видов работ, которые выполняются работниками какого-либо одного предприятия — участника цепи — но предназначены они и для других участников цепи тоже. И если на таких работах возникает страховой случай, думается, распределять ответственность и между другими участниками цепи будет более чем справедливо. Это во-первых. А во-вторых, важно не только решать гуманитарные задачи на каждом из предприятий, входящем в цепь межфирменных взаимодействий; важно также, чтобы и на уровне кооперационных объединений сглаживались противоречия между гуманитарными целями организации труда, которые стоят перед каждым предприятием в отдельности, и экономическими интересами всех участников таких объединений. Решение этих задач и в цепях межфирменных взаимодействий, безусловно, будет способствовать улучшению качества трудовой жизни в стране и одновременно повышать трудовую отдачу работников предприятий, участников цепей, формируя добавленную стоимость их совокупному продукту.

Конечно, институциональная трансформация социально-трудовых отношений в цепях межфирменных взаимодействий в своей методической части будет отличаться от решения таких же задач на отдельных предприятиях, что предполагает проведение специальных исследований, предметом которых должны стать социально-трудовые отношения, их содержание, формирующиеся в процессах кооперационных взаимодействий участников цепей.

Таким образом, институциональная трансформация социально-трудовых отношений как на от-

дельных предприятиях, так и в цепях межфирменных взаимодействий призвана способствовать сглаживанию противоречий между гуманитарными целями охраны и организации труда и экономическими интересами владельцев предприятий и менеджмента. Что касается цепей межфирменных

взаимодействий, то, учитывая тенденцию их роста в нашей стране и за рубежом, необходимо проводить специальные исследования, направленные на поиск путей решения проблем турового оппортунизма и в структурах кооперационных объединений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Трудовой кодекс РФ (ТК РФ) от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 28.06.2014) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Солженицын А. И. Национальная идея — сбережение народа // *Гудок*. 11.06.2005.
3. Армстронг М. Практика управления человеческими ресурсами. 8-е изд-е. СПб., 2004. 832 с.
4. Генкин Б. М. Экономика и социология труда. 6-е изд., доп. М., 2006. 448 с.
5. Зонova О. В., Нехода Е. В. Качество трудовой жизни в Российской Федерации: измерение и оценка. М., 2017. 232 с.
6. Мескон М. Х., Альберт М., Хедоури Ф. Основы менеджмента. М., 1992. 702 с.
7. Слезингер Г. Э. Труд в условиях рыночной экономики. М., 1996. 336 с.
8. Экономика труда и социально-трудовые отношения / под ред. Г. Г. Меликьяна, Р. П. Колосовой. М., 1996. 623 с.
9. Беляев В. И., Самсонов Р. А., Пяткова О. Н. Экспликация, таксономия и институциональная трансформация трудового оппортунизма в системе социально-трудовых отношений предприятия // *Журнал экономической теории*. № 4. 2015. С. 98–113.
10. Оппортунизм в структуре в структуре социально-трудовых отношений / колл. авт. под ред. В. И. Беляева, А. Н. Мельникова, Р. А. Самсонова. Барнаул, 2015. 236 с.
11. Карнаух Н. Н. Охрана труда. М., 2011. 380 с.
12. Самойлюк Т. А. Гуманизация труда — основное направление повышения качества трудовой жизни // *Креативная экономика*. 2014. Т. 8. № 5. С. 40–46.

REFERENCES

1. The Labor Code of the Russian Federation dated December 30, 2001 No. 197-FZ (as amended on June 28, 2014). «Consultant Plus».
2. Solzhenitsyn, A. I. National idea — saving people. *Gudok*, 11.06.2005 (in Russian).
3. Armstrong, M. (2004) The practice of human resource management. 8th ed. Saint Petersburg, 832 (in Russian).
4. Genkin, B. M. (2006) Economics and sociology of labor. 6th ed., ext. Moscow, 448 (in Russian).
5. Zonova, O. V. & Nekhoda, E. V. (2017) Quality of working life in the Russian Federation: measurement and evaluation. Moscow, 232 (in Russian).
6. Meskon, M. H., Albert M. & Hedouri F. (1992) Fundamentals of Management. Moscow, 702 (in Russian).
7. Slezinger, G. E. Labor in a market economy. (1996) Moscow, 336 (in Russian).
8. Labor Economics and Labor Relations (1996) Ed. G. G. Melikyan & R. P. Kolosova. Moscow, 623 (in Russian).
9. Belyaev, V. I., Samsonov, R. A. & Pyatkova, O. N. (2015) Explication, taxonomy and institutional transformation of labor opportunism in the system of social and labor relations of an enterprise. *Journal of Economic Theory*, 4, 98–113 (in Russian).
10. Opportunism in the structure in the structure of social and labor relations (2015) Ed. V. I. Belyaev, A. N. Melnikova & R. A. Samsonov. Barnaul, 236 (in Russian).
11. Karnaukh, N. N. Occupational Safety and Health (2011). Moscow, 380 (in Russian).
12. Samoylyuk, T. A. (2014) Humanization of labor as the main direction of improving the quality of working life. *Creative Economics*, vol. 8, no 5, 40–46 (in Russian).

Поступила в редакцию: 02 октября 2018 г.

Принята к печати: 09 ноября 2018 г.

АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ФАКТОРОВ, ОГРАНИЧИВАЮЩИХ РОСТ ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА И ЗАНЯТОСТИ В ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ АЛТАЙСКОГО КРАЯ)

В. А. Бородин¹, О. А. Шунина²

¹Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Экономический рост, как правило, объясняют накоплением запасов производственных факторов и человеческого капитала. Эффективное взаимодействие этих двух составляющих, называемое производительностью, во многом определяет степень экономического развития и технологического прогресса. Статья направлена на исследование проблем создания высокопроизводительных рабочих мест в промышленности Алтайского края. К факторам, определяющим уровень занятости и потребность в высокопроизводительных рабочих местах в промышленном секторе, авторами отнесены следующие: объем производства, состояние основных фондов и производительность труда. Авторы приводят оценку основных факторов, ограничивающих рост производительности труда и занятости обследованных промышленных предприятий. Помимо прочего, отмечены проблемы отсутствия привлекательности и престижности труда в промышленности, механизмов мотивации рабочих и инженерно-технических работников.

Ключевые слова: занятость, высокопроизводительные рабочие места, производительность труда, человеческий капитал, промышленность, регион.

ANALYSIS AND ESTIMATION OF FACTORS RESTRICTING GROWTH OF LABOR PRODUCTIVITY AND EMPLOYMENT IN MANUFACTURING INDUSTRY (CASE STUDY ON INDUSTRIAL ENTERPRISES OF THE ALTAI TERRITORY)

V. A. Borodin¹, O. A. Shunina²

¹I. I. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

Economic growth, as a rule, is explained by the accumulation of stocks of production factors and human capital. The effective interaction of these two factors, called productivity, partly determines the degree of economic development and technological progress. The article is aimed at research and analysis of the problems of creating high-productivity jobs in the industry of the Altai territory. Authors consider such factors as the volume of production, the state of fixed assets and labor productivity as ones determining the level of employment and the need for high-productivity jobs in the industry.

In the article an assessment of the main factors limiting the growth of labor productivity and employment of the surveyed industrial sector organizations in Altai Krai is given. Also, a lack of attractiveness and prestige of labor in the industry, as well as the mechanisms of workers and engineers motivation is highlighted.

Keywords: employment, high-productivity jobs, labor productivity, human capital, industry, region.

Известно, что экономика Алтайского края держится на «трех китах»: сельское хозяйство, промышленность, торговля и услуги (в последнем случае речь, как правило, идет о так называемом малом бизнесе). Эти отрасли определяют и занятость населения в производственном секторе.

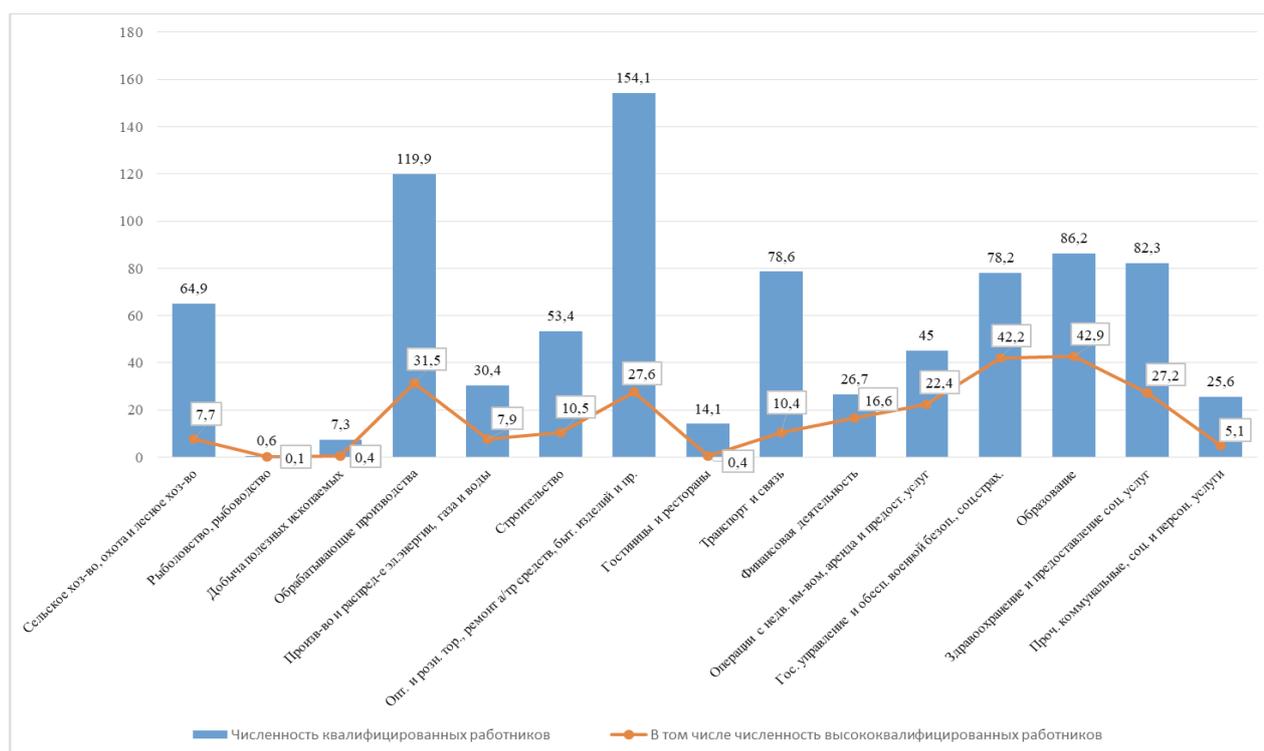
По данным статистики, из общего количества занятых в региональной экономике, около 17% трудятся в сфере промышленности, порядка 14% — в сельском хозяйстве, в торговле и сфере услуг — 19%. В производственном секторе занято 42%, в непроизводственном — 41,6%.

Занятость в промышленности определяется такими производственными факторами, как объем производства, состояние производственных мощностей (технологический фактор) и производительность труда. Рассмотрение демографических и социальных факторов, которые, безусловно, также определяют занятость, не входит в предмет нашего исследования.

Объем производства промышленной продукции после резкого падения в 1992–1999 гг. до 32%

к дореформенному уровню в последующие годы медленно восстанавливался, составляя к настоящему периоду около 75% от показателей 1991 г. Обрабатывающая промышленность остается ведущей в промышленности края (72% от объема производства).

Численность занятых в промышленности за постреформенный период существенно сократилась. Так, в промышленном производстве в 1990 г. работало 400,0 тыс. чел., в 1999 г. — 212,0 тыс. чел., или 53% от дореформенного периода, в том числе в обрабатывающем секторе — 102,0 тыс. чел., или 77,5% от всех занятых в промышленности. В последующий период, несмотря на рост объемов производства, продолжала сокращаться. По состоянию на 01.06.2017 г. в промышленности работало 176,0 тыс. чел. На рисунке представлены данные о численности квалифицированных и высококвалифицированных работников в крае по видам экономической деятельности, в том числе и в промышленности.

Численность квалифицированных и высококвалифицированных работников в Алтайском крае по видам экономической деятельности в 2016 г., тыс. чел.

Снижение за период рыночной трансформации доли промышленности в структуре валового регионального продукта края, а также снижение числа занятых в ней, негативно влияет на качество человеческого капитала в регионе. Считается,

что одним из критериев отнесения отрасли (предприятия) к числу наукоемких служит доля занятых в ней с высоким уровнем профессионального образования, а развитие высокотехнологичной обрабатывающей промышленности (машиностроения,

приборостроения и др.) служит обязательным условием сохранения и преумножения человеческого капитала [4, с. 51].

По данным Алтайкрайстата, численность занятых с высшим образованием в экономике региона в 2016 г. составляла 29,1% от количества квалифицированных работников и 23,9% от общего числа занятых в экономике края. В целом же по России численность занятых в экономике с высшим образованием превышает 30% с тенденцией к росту. Отставание доли занятых с высшим образованием в крае от Российской Федерации может быть связано с высокой долей аграрного сектора в его экономике и, соответственно, доли сельского населения (в 2016 г. — 43,6% в Алтайском крае и 25,8% — в Российской Федерации).

Теперь о двух других факторах, определяющих занятость в промышленном производстве: состоянии производственных мощностей и производительности труда. Эти факторы взаимосвязаны: состояние производственных мощностей прямо влияет на производительность, а последняя, в свою очередь, определяет количество рабочих мест и уровень занятости.

Износ основных фондов в промышленности Алтайского края составляет около 57%, а их активной части — производственного оборудова-

ния — доходит до 70%, что характеризует низкий качественный уровень и определяет конкурентоспособность производственных мощностей. При этом коэффициент обновления производственных мощностей едва достигает 4% в год, что явно не соответствует темпам износа. По данным исследования группы авторов (Д. Галимов и др.), средний коэффициент обновления по обрабатывающей промышленности Российской Федерации составил за период 2012–2015 гг. около 6%. Отставание от средних по России темпов обновления производственных мощностей в Алтайском крае объясняется хроническим недоинвестированием предприятий, вызванным недостатком у них собственных средств при отсутствии доступа к недорогим заемным ресурсам. Обследование предприятий обрабатывающей промышленности края показало, что доля инвестиционно активных из них едва достигает 15% [1]. Налицо технологическое отставание обрабатывающей промышленности.

Основные факторы, ограничивающие рост производства организаций добывающих, обрабатывающих производств, производства и распределения электроэнергии, газа и воды (в процентах от общего числа обследованных организаций) [3, с. 97]:

Факторы	2012	2013	2014	2015	2016
Недостаточный спрос на продукцию организации на внутреннем рынке	34	48	46	51	44
Недостаточный спрос на продукцию организации на внешнем рынке	20	26	21	23	11
Конкурирующий импорт	22	17	24	26	9
Высокий уровень налогообложения	50	38	51	49	51
Изношенность и отсутствие оборудования	30	40	44	32	40
Неопределенность экономической ситуации	27	15	36	46	40
Высокий процент коммерческого кредита	26	26	21	26	14
Недостаток финансовых средств	38	47	49	54	51
Недостаток квалифицированных рабочих	23	24	19	14	21

Следует отметить, что наиболее существенными факторами, сдерживающими, по мнению руководителей предприятий, экономический рост, являются высокий уровень налогообложения; недостаточный спрос на внутреннем рынке, обусловленный низкой платежеспособностью потребителей (как населения, так и организаций), что закономерно приводит предприятия к дефициту финансовых средств.

Подрывают потенциал промышленных предприятий как изношенность и дефицит современного высокотехнологичного оборудования, так и неопределенность экономической ситуации — об этом заявили 40% руководителей.

На значительной части обследованных нами предприятий (до 23%) в процессе разработки Программы промышленного развития края на период до 2020 г. отмечается недостаточность квалифицированных рабочих кадров. Прогноз потребности в квалифицированных рабочих кадрах 35 крупных и средних предприятий машиностроения и химического комплекса на 2018–2020 гг. составил 15,1% к среднегодовой численности промышленно-производственного персонала.

Теперь о производительности труда. Замедление темпов роста ВВП в России Правительство РФ связывает с низкой производительностью труда и опережающим ростом заработной платы. Про-

веденные исследования [2] показывают, что среди 107 стран, совокупный ВВП которых составляет 96,2% к общемировому, РФ по показателю производительности труда стоит на 49-м месте, превышая средний уровень и показывая динамику роста 117% к уровню 1990 г. В частности, по этому показателю мы опережаем такие страны, как Китай (74-е место), Индия (80-е), ЮАР (62-е), Бразилия (69-е место). На наш взгляд, тезис о низкой производительности труда россиян нельзя рассматривать в отрыве от состояния производственных мощностей, темпы обновления которых существенно отстают от нарастающего износа их активной части (технологического оборудования).

Технологическое отставание отечественной промышленности влияет не только на производительность труда, но и на квалификацию занятых. Недоинвестирование программ технологического развития, а в кризисные периоды их полное «замораживание» не позволяет прогнозировать в ближайшие годы сколько-нибудь значительного роста производительности труда и реализации программы создания высокопроизводительных рабочих мест.

Таким образом, постреформенный период внес серьезные коррективы в качественную структуру промышленного производства в Алтайском крае. Такие высокотехнологичные наукоемкие отрасли, как энергомашиностроение, производство дизельных двигателей, тракторостроение и ряд других испытывают серьезные проблемы с рыночной востребованностью их продукции, зна-

чительно сокращая потребность в высококвалифицированных инженерных и рабочих кадрах, в прикладных научных школах. Это ведет к примитивизации как экономики в целом, так и уровня профессиональной подготовки кадров, что является серьезной социально-экономической проблемой Алтайя. Она ждет своего решения на путях, прежде всего, технологического обновления промышленности, перехода ее в рамки современного технологического уклада.

Примеры этому у нас есть. За последние годы ускоренное развитие получили предприятия оборонно-промышленного комплекса (ОПК). Объемный рост производства на этих предприятиях и его финансирование в рамках гособоронзаказа потребовало обновления технологий и технологического оборудования, существенного роста производительности труда, создания новых высокопроизводительных рабочих мест. Чтобы это стало не отдельным эпизодом, нужна программа технологического перевооружения приоритетных отраслей обрабатывающей промышленности, обеспеченная источниками финансирования. До сих пор такой программы нет, а ее разработка под разными предлогами откладывается экономическим блоком Правительства РФ [6, 7].

Еще одна проблема — снижается привлекательность и престижность труда в промышленности. Для их восстановления, на наш взгляд, необходимо сделать акцент на развитие механизмов мотивации рабочих кадров и инженерно-технических работников.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Бородин В. А. Алтай промышленный: монография. Барнаул, 2016. 263 с.
2. Лавровский Б. Мировые тренды производительности труда и потребления: эмпирический анализ // Проблемы теории и практики управления. 2017. №7. С. 52–56.
3. Алтайский край в цифрах. 2012–2016: стат. сб. Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2017. 236 с.
4. Елисеев Д. О. Человеческий капитал как фактор экономического роста // Современные тенденции развития науки и технологий. 2016. №7–7. С. 49–53.
5. Галимов Д., Гнидченко А., Михеева О., Рыбалка А., Сальников В. Производственные мощности обрабатывающей промышленности России // Вопросы экономики. 2017. №5. С. 60–88.
6. Эскиндаров М. На пути к «экономизации» экономической политики России (2018–2024) // Проблемы теории и практики управления. 2018. №3. С. 46–47.
7. Аганбегян А. Почему экономика России топчется на месте? // Проблемы теории и практики управления. 2018. №3. С. 11–26.

REFERENCES

1. Borodin, V. A. (2016) *Altai, The Industrial: monograph*. Barnaul, 263 (in Russian).
2. Lavrovskiy, B. (2017) World Trends in Labor Productivity and Consumption: An Empirical Analysis. *Theoretical and Practical Aspects of Management*, 7, 52–56 (in Russian).
3. Altai Krai in numbers. 2012–2016: Statistics Digest (2017) Office of the Federal State Statistics Service for the Altai Krai and the Altai Republic. Barnaul, 236 (in Russian).
4. Eliseev, D. O. (2016) Human capital as a factor of economic growth. *Current trends in the development of science and technology*, 7–7, 49–53 (in Russian).
5. Galimov, D., Gnidchenko, A., Mikheeva, O., Rybalka A. & Salnikov, V. (2017) Production facilities of manufacturing industry in Russia. *Issues of Economics*, 5, 60–88 (in Russian).
6. Eskinarov, M. (2018) On the road to the «economization» of Russia's economic policy (2018–2024). *Theoretical and Practical Aspects of Management*, 3, 46–47 (in Russian).
7. Aganbegyan, A. (2018) Why does the Russian economy trample on the spot? *Theoretical and Practical Aspects of Management*, 3, 11–26 (in Russian).

Поступила в редакцию: 07 октября 2018 г.

Принята к печати: 09 ноября 2018 г.

СОСТОЯНИЕ И РАЗВИТИЕ ГОСУДАРСТВЕННО- ЧАСТНОГО ПАРТНЕРСТВА В ИННОВАЦИОННОЙ СФЕРЕ КАЗАХСТАНА : СРАВНЕНИЕ С МЕЖДУНАРОДНОЙ ПРАКТИКОЙ

Е. Б. Домалатов¹, И. Н. Дубина^{2,3}, А. Н. Тургинбаева¹

¹Казахский национальный университет им. аль-Фараби (Алматы, Казахстан)

²Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

³Новосибирский государственный университет (Новосибирск, Россия)

Рассматривается значение государственно-частного партнерства (ГЧП) для устойчивого роста и повышения конкурентоспособности национальной экономики; представлен опыт реализации ГЧП в Республике Казахстан и ряде других стран. Определены сдерживающие факторы развития сотрудничества в сфере государственно-частного партнерства и использования его механизмов в развитии процессов инновационного инвестирования в экономику Казахстана.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, инновационная экономика, финансирование инноваций, научные исследования и разработки, Казахстан.

CURRENT STATE AND DEVELOPMENT OF PUBLIC-PRIVATE PARTNERSHIP IN INNOVATION SPHERE OF KAZAKHSTAN: COMPARISON WITH INTERNATIONAL PRACTICE

E. B. Domalatov¹, I. N. Dubina^{2,3}, A. N. Turginbayeva¹

¹Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Kazakhstan)

²Altai State University (Barnaul, Russia)

³Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russia)

This article discusses the role of public-private partnership (PPP) as a factor of sustainable growth and competitiveness of a national economy and presents the experience of implementing PPP in the Republic of Kazakhstan and several other countries. The authors identify some constraints of the development of cooperation in the field of public-private partnership and the use of its mechanisms in the development of innovation investment processes in the economy of Kazakhstan.

Keywords: public-private partnership, innovation economy, innovation investment, research and development, Kazakhstan.

Сегодня одним из главных трендов развития национальной экономики становится переход к модели инновационного развития. На современном этапе развития казахстанской экономики, которая пока еще остается экономикой сырьевой направленности, перед Казахстаном стоит задача диверсификации экономики на основе развития инноваций и привлечения инвестиций в главные стратегические отрасли.

В современном понимании инновационная экономика — это экономика, основанная на производстве знаний и их практической реализации в форме инноваций в различных сферах социально-экономической деятельности [1]. Переход на инновационный путь развития требует существенных инвестиций для модернизации экономики. Однако в Казахстане, как и во многих других развивающихся экономиках, из-за бюджетных ограничений

существует проблема финансовой поддержки и развития проектов инновационного типа, в том числе из-за несовершенства механизма инвестиций в инновации. Нехватка государственного финансирования приводит к задаче поиска частных инвестиций. Решение этих проблем возможно на основе кардинального улучшения и расширения бизнес-среды и передачи ряда государственных услуг бизнесу через ГЧП [2]. При этом, как показывает международный опыт, реализация проектов ГЧП — это еще и путь повышения эффективности управления государственным сектором [3]. Потребность ГЧП в инновационной сфере обосновывается также тем, что инновационная деятельность не является предпринимательской активностью в чистом виде, и государство должно выполнять доминирующую роль в финансировании инновационных проектов на ранней стадии, когда требуются «быстрые деньги» («speed money»), и быть гарантом начала финансирования инновационных проектов.

В литературе представлен широкий спектр исследований в области ГЧП и его роли в развитии инновационной экономики: концепция, теория, методология, модели взаимодействия государственных и бизнес-структур в рамках ГЧП, подходы к оценке его эффективности и др. [4, 5, 6, 7, 8], сравнительный анализ международного опыта реализации проектов ГЧП [9, 10, 11, 12]. Во многих развитых и развивающихся странах государственно-частное партнерство выступает одним из основных организационно-экономических механизмов активизации инновационной активности и привлечения долгосрочных инвестиций. ГЧП как инструмент активизации и развития инновационной активности широко используется развитыми странами и на практике доказал свою эффективность. Анализ 48 проектов, реализуемых по схемам ГЧП, проведенный Европейской экономической комиссией ООН, показал, что 80% таких проектов было реализовано с меньшими затратами, чем запланированный бюджет, и 60% проектов было завершено ранее запланированных сроков при улучшении сервиса. С другой стороны, 64% проектов, выполненных государственными структурами, было завершено позднее запланированного срока [12].

Несмотря на большое число публикаций по проблемам ГЧП в инновационной экономике, многие вопросы формирования национальной инновационной системы в рамках государственно-частного партнерства в развивающихся странах с сырьевой экономикой еще не получили достаточного исследования. В частности, исследования в области ГЧП в Республике Казахстан (РК) относительно малочисленны (например, в базе Scopus на момент подготовки данной статьи (октябрь 2018 г.) зарегистрировано 16741 публикация, где

в теме, аннотации и (или) ключевых словах встречается термин «public-private partnership» («государственно-частное партнерство»), из которых содержание всего 39 статей связано с Казахстаном; причем все статьи опубликованы в период 2013–2017 гг.), что и определяет актуальность анализа состояния, проблем и перспектив развития ГЧП в Казахстане.

Институты ГЧП в Республике Казахстан. Основными компонентами ГЧП в инновационном секторе Казахстана являются власть, образование, наука и бизнес. Цель государственно-частного партнерства в инновационной сфере — развитие научно-технического потенциала и формирование конкурентной отрасли для функционирования отечественного и глобального рынков. В рамках этого партнерства роли участников распределяются следующим образом: государство устанавливает «правила игры», создает благоприятную институциональную среду для деятельности всех участников, способствует выработке фундаментальных знаний (государственных научно-исследовательских центров, академий, технопарков, университетов) и обеспечивает необходимой информационно-технологической базой. Бизнес же, в свою очередь, реализует инновации, основанные на собственных или привлеченных результатах НИОКР.

Государственно-частное партнерство в Республике Казахстан до 2015 г. регулировалось в основном законом № 167-III «О концессиях» от 7 июля 2006 г., и только в 2015 г. был принят основной закон № 379-V «О государственно-частном партнерстве» от 31 октября 2015 г., который определяет правовые условия государственно-частного партнерства, его способы осуществления, и регулирует общественные отношения, возникающие в процессе подготовки и реализации проекта государственно-частного партнерства, заключения, исполнения и прекращения договора государственно-частного партнерства, а также особенности правового регулирования государственно-частного партнерства в инновациях.

В мировой практике выделяются 4 уровня институциональной инфраструктуры ГЧП [13]:

- 1) государственный уровень;
- 2) региональный уровень;
- 3) ведомственный (министерства, отраслевые);
- 4) уровень профессиональных объединений.

В Республике Казахстан в соответствии с законом «О государственно-частном партнерстве» выделяются два основных уровня реализации проектов ГЧП: республиканский и местный уровни (рис. 1).

В соответствии с действующим законодательством по концессиям определена ответственность

каждого государственного органа в концессионном процессе. Учитывая предусмотренные функции, ос-

новными институтами являются государственные органы и организации, указанные в таблице 1.

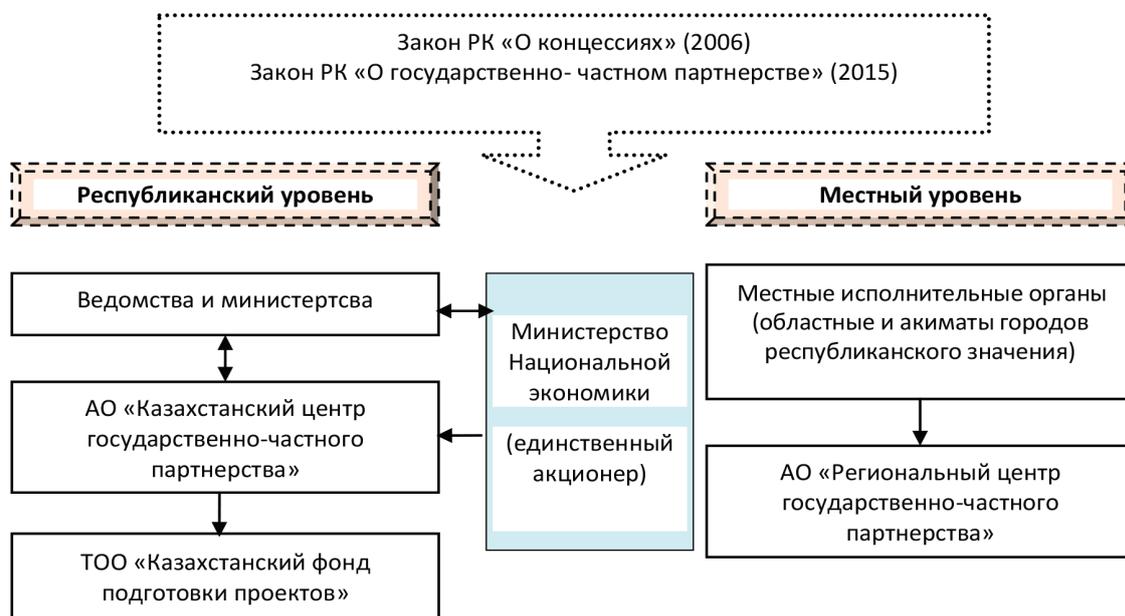

Рис. 1. Институциональная и законодательная база ГЧП РК [14]

Таблица 1

Функции действующих институтов РК по вопросам ГЧП

Институты	Зоны ответственности
Министерство национальной экономики РК	Государственная политика и рамки реализации проектов ГЧП и координации деятельности ГЧП внутри страны; перечень «особых проектов ГЧП» и объектов ГЧП, требующих закрытых конкурсных торгов; соглашения о государственной гарантии и государственных поручительствах
Отраслевые министерства и ведомства	Проекты ГЧП в масштабах страны в рамках своих сфер ответственности; предложения по концессиям и организация тендеров
Местные органы управления	Небольшие региональные проекты ГЧП в регионах; предложения по проектам в масштабах муниципалитетов и организация тендеров или прямых переговоров (список проектов ГЧП должен быть одобрен местным парламентом (маслихатом))
Центры ГЧП республиканского и регионального уровней	Прием объектов, построенных в рамках реализации концессионного договора, в собственности государству; привлечение аудиторов и проведение финансового аудита экономической деятельности концессионера, управляющего объектами, находящимися в государственной собственности; подготовка к участию новых концессионеров в реализации концессионных проектов в случае преждевременного расторжения ранее присужденной концессии в отношении объектов государственной собственности; экспертиза концессионных заявок, предложений и проектов
Национальный управляющий холдинг «Байтерек» (Центр сопровождения проектов ГЧП, Казахстанский фонд подготовки проектов)	Оказание услуг по структурированию и сопровождению инфраструктурных проектов, в том числе реализуемых по механизму ГЧП; разработка документации (концессионное предложение, конкурсная документация, проект договора концессии), ведение переговоров с потенциальными инвесторами и концессионерами; согласование проектной документации с государственными органами

Финансирование инноваций в рамках ГЧП.

Государственно-частное партнерство в инновационной сфере в Казахстане в соответствии с законом «О государственно-частном партнерстве» направлено на достижение следующих задач:

- 1) разработка новых технологий, технологических процессов, технических регламентов и их усовершенствование;
- 2) изготовление опытного образца, опытно-конструкторской установки, проведение

испытаний (включая опытно-промышленные испытания), исследований (включая лабораторные исследования);

- 3) организация мелкосерийного производства (опытно-промышленного производства) и реализацию научно-технических проектов (включая создание стартап-компаний).

Основными направлениями ГЧП в инновационной сфере являются:

- 1) участие государства в развитии финансирования предприятий через капиталовложения;
- 2) государственно-частное финансирование различных программ инновационной направленности, государственного заказа на научные исследования и развитие;
- 3) государственная поддержка создания институтов современного рынка инноваций;
- 4) венчурное финансирование, осуществляемое фондами рискованного капитала путем предоставления денежных ресурсов на безпроцентной основе без гарантий их возврата (венчурное финансирование также является одной из форм инвестиций частного капитала в акционерный капитал вновь создаваемых малых высокотехнологичных перспективных компаний, ориентированных на разработку и производство наукоемких продуктов).

Основным игроком в венчурном финансировании НИР является АО «Национальное агентство по технологическому развитию» (АО «НАТР»), который является правопреемником АО «Национальный инновационный фонд». По состоянию на 31 декабря 2017 года инвестиционный портфель АО «НАТР» состоит из 5 венчурных фондов (2 отечественных и 3 зарубежных) и 5 проектных компаний с общей суммой первоначальных инвестиций 6,5 млрд тенге и справедливой стоимостью 3,2 млрд тенге [15].

В настоящее время в мировой практике успешно функционируют венчурные фонды, такие как SBIC (США), YOZMA (Израиль) и др. В Финляндии государство содействует развитию инноваций через Финский Фонд изобретений, который активно участвует в формировании инновационной системы. Фонд предоставляет молодым высокотехнологичным компаниям бизнес-консультационную и финансовую помощь для развития инноваций, а также осуществляет оценку новых продуктов, ведет патентный поиск и дальнейшую коммерциализацию продуктов. Если проект будет реализован, фонд получает свою долю прибыли, в противном случае — субсидии, списанные в убыток. В Финляндии бюджетными сред-

ствами поддерживаются 23 технологических центра и технопарка, каждый из которых рассчитан на обслуживание 225 тысяч населения. При такой интенсивной господдержке финских технопарков, а также привлечении лидеров в области технологий, в том числе концерна Nokia, инновационная политика страны стала образцом для подражания в международном масштабе. Кроме того, в рамках модели ГЧП для НИР Финляндия мобилизует около 6 млрд евро в год (почти 1% от общего расхода на НИР), при этом 70% этой суммы приходится на частный бизнес, а 30% — на государственный бюджет [16].

Международный опыт развития ГЧП в инновационном секторе демонстрирует целый ряд успешных масштабных программ и проектов, например: программа совместных научно-исследовательских центров Австралии, программы компетентностных центров Австрии; программа «Ведущие институты технологий» в Нидерландах; программа поддержки технологических центров Испании; программа «Национальные центры технологических исследований и инноваций» во Франции.

В Казахстане на данный момент ГЧП в инновационной сфере развито слабо, так как немногие представители частного сектора (бизнеса) проявляют интерес к проектам ГЧП. В основном партнерство государства и субъектов частного предпринимательства ограничивается рамками хозяйственных проектов с частичным финансированием НИР. Общее распределение проектов ГЧП Казахстана представлено в таблице 2. Среди наиболее крупных проектов ГЧП в республике — железнодорожная линия «Станция Шар — Усть-Каменогорск»; линия электропередачи «Северный Казахстан — Актюбинская область»; международный аэропорт в Актау.

Из таблицы 2 следует, что большая доля заключенных проектов ГЧП относится к местному уровню. Если сравнить совокупность заключенных договоров по республиканскому и местному уровню, то можно сделать вывод, что в тройке отраслей-лидеров относятся: образование (строительство и эксплуатация школ и детских садов) — 66,97%, здравоохранение (строительство и эксплуатация объектов здравоохранения) — 16,51%, физическая культура и спорт (строительство и эксплуатация спортивных сооружений) — 6,23%.

По официальным данным Комитета по статистике Министерства национальной экономики РК, доля инновационной продукции в ВВП в 2015 г. составила 0,92%, а в 2017 г. — 1,59%. Объемы финансирования инновационных разработок по источникам финансирования представлены в таблице 3.

Таблица 2

Количество заключенных договоров, планируемых и объявленных проектов ГЧП по отраслям [17]

№	Отрасль ГЧП	Заключенные договора		Планируемые к реализации		Объявленные конкурсы	
		Республиканский уровень	Местный уровень	Республиканский уровень	Местный уровень	Республиканский уровень	Местный уровень
1	Аэрокосмическая деятельность			1			
2	Жилищное строительство		3		4		
3	Здравоохранение		53	2	57		21
4	Инфраструктура		1		3		
5	Культура				2		3
6	Образование	1	214	1	92		17
7	Охрана общественного порядка			1	3		
8	Охрана окружающей среды				2		
9	Пассажирский транспорт и автомобильные дороги	2	1	2	6		1
10	Предпринимательство				2		1
11	Сельское хозяйство		7		2		
12	Социальная сфера		4		3		
13	Строительство		2		6		1
14	Телекоммуникация			1			
15	Транспорт и логистика	2	1		10		
16	Туризм				3		
17	Управление объектами ТБО		1				
18	Физическая культура и спорт		20		20		8
19	Энергетика и ЖКХ	1	8		42		10
Итого:		6	315	8	257	0	62

Таблица 3

Затраты на инновации по источникам финансирования, млн тенге

	2015	2014	2013	2012	2011	2010
Собственные средства предприятий	277 117,5	259 812,2	285 044,4	3 867,6	114 565,8	219 441,9
Республиканский бюджет	32 194,2	37 591,1	17 465,6	4 976,9	12 873,1	5 516,6
из них						
институты развития	3 871,6	3 113,5	-	983,8	12 390,8	2 949,7
инновационные гранты	2 521,0	1 485,9	2 821,0	547,2	228,9	808,9
Местный бюджет	2 321,0	2 114,1	3 743,4	97,6	6 613,4	44,2
Иностранные инвестиции	974,2	3 537,2	856,8	302,4	40 060,7	1,7
Венчурные фонды	-	-	-	60,3	6,1	-
Прочие средства	350 365,4	135 434,4	124 883,6	-	-	-
из них						
займы банков	55 224,6	112 501,2	50 895,9	-	-	-
кредиты и займы на льготных условиях	55 224,6	34 201,7	13 327,5	31,0	8 481,0	5 369,5
займы небанковских юридических лиц	1 225,9	13 239,2	6 441,1	-	-	-
Всего	662 972,3	438 489,2	431 993,8	9 335,9	194 990,9	235 501,7

Примечание. Подготовлено авторами на основе ежегодного статистического бюллетеня Комитета по статистике Национальной экономики РК [18].

Из таблицы 3 следует, что в Республике Казахстан доминирующее положение в осуществлении научных исследований и инновационных проектов (около 47% финансирования НИР) принадлежит собственным средствам компаний и государственному бюджету. Также следует учесть, что большинство организаций, которые занимаются научно-исследовательской работой (университеты и научно-исследовательские институты), также финансируются из госбюджета. Инновационная активность бизнес-сектора довольно низкая. По данным комитета РК, по статистике в 2012 г. в Казахстане из 21452 предприятий, включенных в анализ, 1215 имели инновации, т.е. инновационная активность составила всего 5,7%. Для сравнения, в Канаде в 2011 г. частный сектор был самым крупным источником финансирования НИР (13,9 млрд долл., что составило 0,81% ВВП), а объемы государственного финансирования НИР и сектора высшего образования составили 6,0 млрд долл. (0,35% ВВП) и 5,4 млрд долл. (0,31% ВВП) соответственно [19]. Исходя из опыта Канады, в Республике Казахстан необходимо принятие системных мер, направленных на повышение мотивации субъектов частного предпринимательства в участии в инновационном процессе.

Оценка развития ГЧП Казахстана международными организациями. Для понимания состояния и перспектив развития ГЧП в Республике Казахстан важной является внешняя оценка, осуществляемая с 2008 г. по совместной инициативе Европейского банка реконструкции и развития и Азиатского банка развития для развивающихся стран. Мониторинг и оценка качества институциональной среды ГЧП приводится по таким параметрам, как концепция ГЧП, сфера регулирования, конкурсные процедуры, проектная документация, финансирование и государственная поддержка, разрешение споров и др.

На рисунке 2 представлен индекс готовности к инновациям стран Азиатско-Тихоокеанского региона [20]. Согласно исследованию [21], развивающиеся экономики в Азиатско-Тихоокеанском регионе, включая Казахстан, значительно улучшили свой потенциал по выполнению проектов ГЧП. Их нормативная и институциональная база, инвестиционный климат и финансовые средства все чаще ориентируются на продвижение ГЧП. И это, возможно, привело к растущему использованию ГЧП для инфраструктуры в некоторых странах.

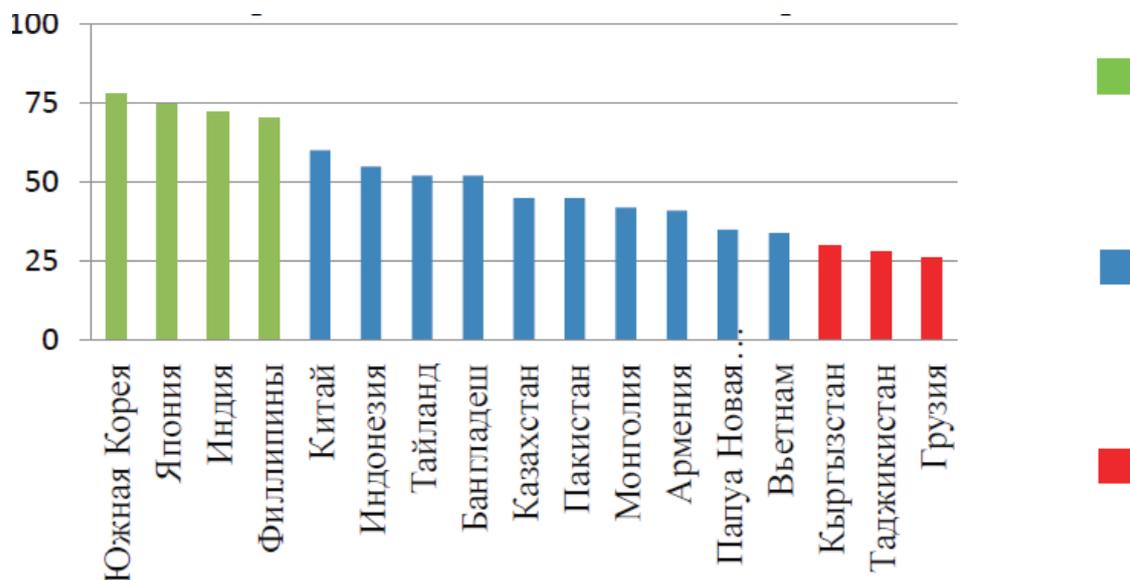

Рис. 2. Готовность к государственно-частному партнерству в Азиатско-Тихоокеанском регионе, 2014 г. (подготовлено авторами по [20, 21])

По данным доклада «Глобальный инновационный индекс» [22], подготовленного Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС), Корнельским университетом и исследовательским институтом INSEAD, Казахстан занимал с 75-го по 84-е место в период 2011–2017 гг. (рис. 3). Несмотря на относительно стабильные позиции Казахстана по значениям инновационного индекса,

наблюдается тенденция снижения позиций республики в этом рейтинге. Эффективность инновационной деятельности зависит от общей экономической ситуации в стране и государственной научно-технической стратегии, от полноценного ресурсного обеспечения, конъюнктуры рынка, наличия профессиональных кадров и эффективного менеджмента. Улучшение ситуации в этой сфере возможно,

в том числе, и на основе активизации государственно-частного партнерства и повышения заинтересо-

ванности частного сектора в разработке и внедрении инноваций.

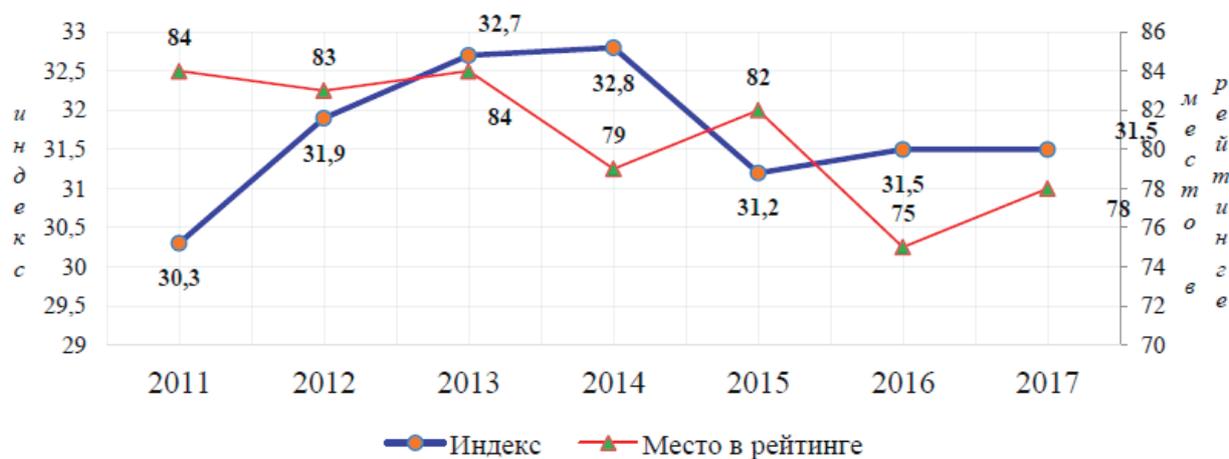

Рис. 3. Рейтинг Казахстана в глобальном инновационном индексе, 2011–2017 гг. (подготовлено авторами по данным [22])

Проведенный анализ состояния ГЧП в Республике Казахстан демонстрирует, что в настоящий момент Казахстан находится на начальном этапе развития ГЧП с низким уровнем его реализации.

Международная практика, в том числе рассмотренная в данной статье, показывает, что государственно-частное партнерство в инновационном секторе позволяет решать целый ряд проблем развития ГЧП и имеет следующие преимущества:

- обеспечивает большую отдачу от финансирования научных исследований, и субъекты бизнеса заинтересованы в успешном решении вопросов дальнейшей коммерциализации их результатов;
- способствует привлечению опыта частного сектора и созданию конкурентной среды для открытых и прозрачных тендеров в реализации инновационных проектов;
- распределяет ответственность между партнерами: государство устанавливает цели проекта с точки зрения общественных интересов, определяет стоимость и качество параметров, делает мониторинг реализации проектов, а частный партнер берет на себя оперативную деятельность на разных этапах проекта — развитие, финансирование, строительство и эксплуатация, управление, практическая реализация услуг и продуктов.

Механизмы ГЧП открывают новые возможности для инновационного сектора и стимулируют спрос на инновации в бизнес секторе. Тем не менее следует отметить негативные особенности развития ГЧП в инновационной сфере: государство, активно вмешиваясь в стадии инновационного процесса, которые традиционно считались исключительно частными, пытается инициировать активное участие бизнеса в инновационной системе и тем самым повышает вероятность вытеснения и замены денег частного сектора.

К существенным проблемам инструментов развития ГЧП в инновационной сфере, в частности, в Казахстане, также можно отнести неравные властные отношения членов партнерства. Эта тенденция противоречит основным принципам формирования ГЧП. Суть принципа равных прав и экономической ответственности заключается в том, что все участники ГЧП имеют равные права в вариантах осуществления эффективного достижения целей и задач.

Таким образом, внедрение инноваций и новых технологий является очень трудоемким процессом, требующим интеграции и общих усилий органов власти, образования, науки и бизнеса, которое может повысить конкурентоспособность национальной экономики. Для развития этого направления необходимо расширять знакомство с международным опытом организации эффективного государственно-частного партнерства в инновационной деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Dubina I. N., Carayannis E. G., Campbell D. F. J. (2012) Creativity economy and a crisis of the economy? Coevolution of knowledge, innovation, and creativity, and of the knowledge economy and knowledge society // *Journal of the Knowledge Economy*. 3 (1). Pp. 1–24.
2. Назарбаев Н. А. Послание Президента Республики Казахстан народу Казахстана 31 января 2017 г. «Третья модернизация Казахстана: глобальная конкурентоспособность» // Официальный сайт Президента Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: <http://www.akorda.kz> (дата обращения: 20.10.2018).
3. Shmelev S. E., Sagiyeva R. K., Kadyrkhanova Z. M., Chzhan Y. Y., Shmeleva I. S. (2018) Comparative sustainability analysis of two Asian cities: A multidimensional assessment of Taipei and Almaty // *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*. 5 (3). Pp. 143–155.
4. Ablayev I. M., Akhmetshina E. R. (2016) The role of the public private partnership in the innovation cluster development // *Journal of Economics and Economic Education Research*. 17 (4). Pp. 220–232.
5. Javed A. A., Lam P. T. I., Chan A. P. C. (2014) Change negotiation in public-private partnership projects through output specifications: an experimental approach based on game theory // *Construction Management and Economics*. 32 (4). Pp. 323–348.
6. Cruz C. O., Marques R. C. (2014) Theoretical considerations on quantitative PPP viability analysis // *Journal of Management in Engineering*. 30 (1). Pp. 122–126.
7. Berezin A., Sergi B. S., Gorodnova N. (2018) Efficiency assessment of public-private partnership (PPP) projects: The case of Russia // *Sustainability: Open Access*. 10 (10). 3713. Pp. 1–18.
8. Cong X., Ma L. (2018) Performance evaluation of public-private partnership projects from the perspective of Efficiency, Economic, Effectiveness, and Equity: A study of residential renovation projects in China // *Sustainability: Open Access*. 10 (10). 1951. Pp. 1–21.
9. Akintoye A., Beck M., Kumaraswamy M. (2016) *Public Private Partnerships: A Global Review*. Taylor and Francis, 412 p.
10. Roumboutsos A. (2015) Public Private Partnerships in Transport Infrastructure: An International Review // *Transport Reviews*. 35 (2). Pp. 111–117.
11. Ullah F., Ayub B., Siddiqui S. Q., Thaheem M. J. (2016) A review of public-private partnership: critical factors of concession period // *Journal of Financial Management of Property and Construction*. 21 (3). Pp. 269–300.
12. Ларин С. Н. Государственно-частное партнерство: зарубежный опыт и российские реалии // *Государственно-частное партнерство в инновационных системах / под общ. ред. С. Н. Сильвестрова. М., 2008. 312 с.*
13. Ястребов О. А. Формирование институциональной инфраструктуры государственно-частного партнерства в Российской Федерации // *Проблемы современной экономики*. 2011. № 2 (38). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3605> (дата обращения: 1.10.2018).
14. Домалатов Е. Б. Қазақстан Республикасының ұлттық инновациялық жүйесінің жағдайы // *Materials of International Scientific Conference of Students and Young Scientists «Farabi alemi»*. Almaty: Kazakh University, 2018. Pp. 10–13.
15. Проектное и венчурное финансирование [Электронный ресурс]. URL: <https://natd.gov.kz/activity/project-venture-financing/> (дата обращения: 11.10.2018)
16. Михеев О. Л. Финансовые и правовые проблемы частно-государственного партнерства. М., 2009. С. 15.
17. База проектов государственно-частного партнерства [Электронный ресурс]. URL: http://kzppp.kz/project_base (дата обращения: 11.10.2018)
18. Официальный сайт комитета по статистике Министерства национальной экономики Республики Казахстан [Электронный ресурс]. URL: www.stat.gov.kz (дата обращения: 11.10.2018).
19. State of the Nation 2012 Canada's Science, Technology and Innovation System: Aspiring to Global Leadership [Электронный ресурс]. URL: [http://www.stic-csti.ca/eic/site/stic-csti.nsf/vwapj/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf/\\$file/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf](http://www.stic-csti.ca/eic/site/stic-csti.nsf/vwapj/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf/$file/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf) (дата обращения: 19.10.2018).
20. The Economist Intelligence Unit. The 2014 Infrascope Index and Report [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eiu.com> (дата обращения: 20.10.2018).
21. Lee M., Han X., Gaspar R., Alano T. (2018) Deriving Macroeconomic Benefits from Public-Private Partnerships in Developing Asia // *ADB Economics Working Paper Series, 551/ [Электронный ресурс]*. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/438786/ewp-551-macroeconomic-benefits-ppps-asia.pdf> (дата обращения: 20.10.2018).
22. The Global Innovation Index [Электронный ресурс]. URL: <http://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4193&plang=EN> (дата обращения: 21.10.2018).

REFERENCES

1. Dubina, I. N., Carayannis, E. G., Campbell, D. F. J. (2012) Creativity economy and a crisis of the economy? Coevolution of knowledge, innovation, and creativity, and of the knowledge economy and knowledge society. *Journal of the Knowledge Economy*, 3 (1), 1–24.
2. Nazarbayev, N. A. (2017) The Message of the President of the Republic of Kazakhstan to the people of Kazakhstan on January 31, 2017 «The Third Modernization of Kazakhstan: Global Competitiveness». The official website of the President of the Republic of Kazakhstan. URL: <http://www.akorda.kz/>.
3. Shmelev, S. E., Sagiyeva, R. K., Kadyrkhanova, Z. M., Chzhan, Y. Y. & Shmeleva, I. S. (2018) Comparative sustainability analysis of two Asian cities: A multidimensional assessment of Taipei and Almaty. *The Journal of Asian Finance, Economics and Business*, 5 (3), 143–155.
4. Ablaev, I. M., Akhmetshina, E. R. (2016) The role of the public private partnership in the innovation cluster development. *Journal of Economics and Economic Education Research*, 17 (4), 220–232.
5. Javed, A. A., Lam, P. T. I. & Chan, A. P. C. (2014) Change negotiation in public-private partnership projects through output specifications: an experimental approach based on game theory. *Construction Management and Economics*, 32 (4), 323–348.
6. Cruz, C. O., Marques, R. C. (2014) Theoretical considerations on quantitative PPP viability analysis. *Journal of Management in Engineering*, 30 (1), 122–126.
7. Berezin, A., Sergi, B. S. & Gorodnova, N. (2018) Efficiency assessment of public-private partnership (PPP) projects: The case of Russia. *Sustainability: Open Access*, 10 (10), 3713, 1–18.
8. Cong, X. & Ma, L. (2018) Performance evaluation of public-private partnership projects from the perspective of Efficiency, Economic, Effectiveness, and Equity: A study of residential renovation projects in China. *Sustainability: Open Access*, 10 (10), 1951, 1–21.
9. Akintoye, A., Beck, M. & Kumaraswamy, M. (2016) *Public Private Partnerships: A Global Review*. Taylor and Francis.
10. Roumboutsos, A. (2015) Public Private Partnerships in Transport Infrastructure: An International Review. *Transport Reviews*, 35 (2), 111–117.
11. Ullah, F., Ayub, B., Siddiqui, S. Q. & Thaheem, M. J. (2016) A review of public-private partnership: critical factors of concession period. *Journal of Financial Management of Property and Construction*, 21 (3), 269–300.
12. Larin, S. N. (2008) *Public-private partnership: foreign experience and Russian realities. Public-private partnership in innovation systems*. Moscow (in Russian).
13. Yastrebov, O. A. (2011) Formation of the institutional infrastructure of public-private partnership in the Russian Federation. *Problems of the modern economy*. №2 (38). URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=3605> (in Russian).
14. Domalotov, E. B. (2018) The state of the national innovation system of the Republic of Kazakhstan. *Materials of International Scientific Conference of Students and Young Scientists «Farabi alemi»*. Almaty, Kazakh University, 10–13 (in Kazakh).
15. Project and Venture Financing. URL: <https://natd.gov.kz/activity/project-venture-financing/>.
16. Mikheev, O. L. (2009) *Financial and legal problems of public-private partnership*. Moscow (in Russian).
17. The database of public-private partnership. URL: http://kzppp.kz/project_base.
18. The official site of the Committee on Statistics of the Ministry of National Economy of the Republic of Kazakhstan. URL: www.stat.gov.kz.
19. State of the Nation 2012 Canada's Science, Technology and Innovation System: Aspiring to Global Leadership. URL: [http://www.stic-csti.ca/eic/site/stic-csti.nsf/vwapj/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf/\\$file/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf](http://www.stic-csti.ca/eic/site/stic-csti.nsf/vwapj/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf/$file/StateOfTheNation2012-may16-eng.pdf).
20. The Economist Intelligence Unit. The 2014 Infrascope Index and Report. URL: <https://www.eiu.com>.
21. Lee, M., Han, X., Gaspar, R. & Alano, T. (2018) Deriving Macroeconomic Benefits from Public-Private Partnerships in Developing Asia. *ADB Economics Working Paper Series*, 551. URL: <https://www.adb.org/sites/default/files/publication/438786/ewp-551-macroeconomic-benefits-ppps-asia.pdf>.
22. The Global Innovation Index. URL: <http://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4193&plang=EN>.

Поступила в редакцию: 31 октября 2018 г.

Принята к печати: 06 ноября 2018 г.

О ПРОБЛЕМАХ РЫНКА ТРУДА И О ВОЗМОЖНОСТЯХ РАЗВИТИЯ СЕЛЬСКОГО ТУРИЗМА В ТЫВЕ

А. Ч. Кылгыдай

Тувинский институт комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия)

Статья посвящена проблемам сельской безработицы, способам решения проблем на рынке труда. Повсеместно сельские жители сталкиваются примерно с одинаковым набором проблем: безработица, резкое сокращение денежных доходов населения, вытеснение трудовых ресурсов в сферу личного крестьянского хозяйства, которое из подсобного превратилось в основной фактор выживания сельского населения региона.

Ключевые слова: регион, занятость, безработица, сельский туризм.

LABOR MARKET PROBLEMS AND ADAPTABILITY OF RURAL TOURISM IN TUVA

A. Ch. Kylgyday

Tuvinian Institute for Exploration of Natural Resources SB RAS (Kyzyl, Russia)

The article is devoted to the problems of rural unemployment, ways of solving problems in the labor market. Commonly country people face roughly the same set of problems: unemployment, spending slash, crowding out labor resources into the sphere of individual farm holding which became the main survival factor of country people.

Keywords: region, employment, unemployment, rural tourism.

В Республике Тыва ситуация на рынке труда относится к одной из самых напряженных в Сибири и характеризуется, с одной стороны, высоким уровнем безработицы, с другой — острой нехваткой квалифицированных кадров. Для рынка труда республики характерны хроническая, застойная и скрытая безработица.

Среди регионов Сибирского федерального округа самый высокий уровень безработицы в 2016 г. 16,6% наблюдается в Республике Тыва, самый низкий — в Красноярском крае 6,1% (рис.). Уровень безработицы в Тыве выше, чем по России в 3 раза, Сибирскому федеральному округу — в 2,1 раза.

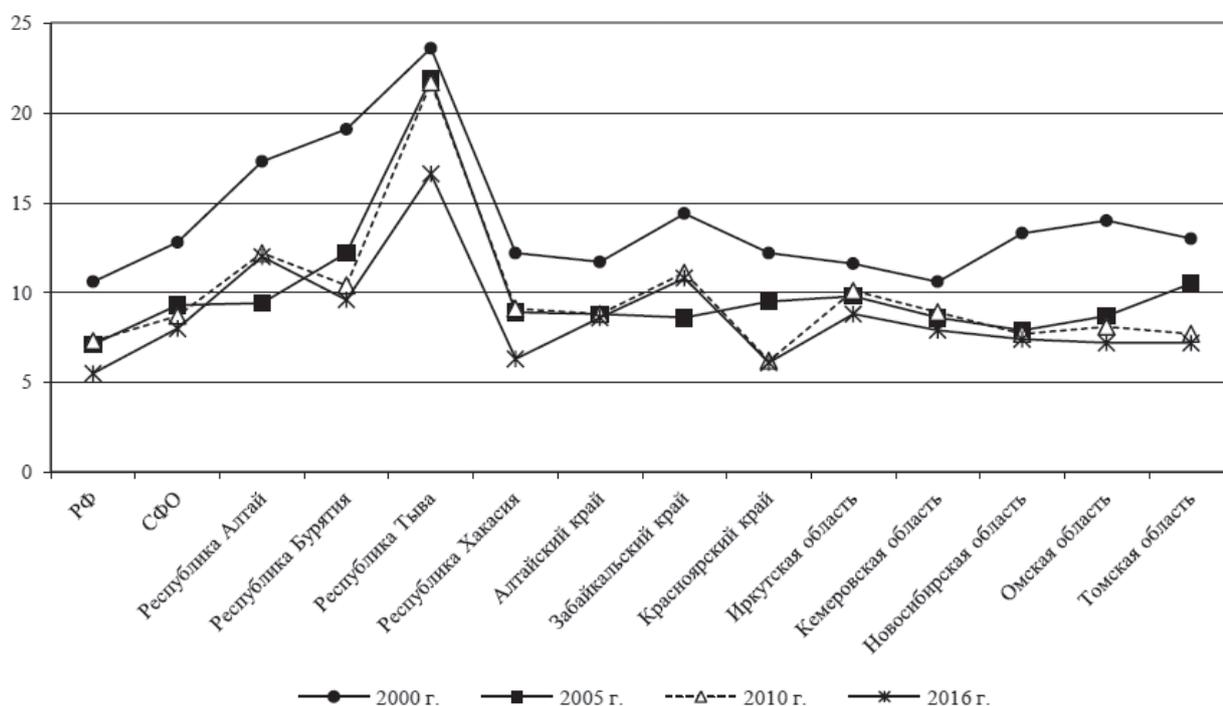
В Республике Тыва наиболее негативной тенденцией развития рынка труда является хроническая сельская безработица: 65% безработных проживают в сельской местности.

Стихия рыночных преобразований больно ударила по сельским сообществам — нанесла рас-

кол в прежде достаточно однородную структуру сельского населения. Общие проблемы аграрного сектора, связанные с диспаритетом цен на продукцию сельского хозяйства и обслуживающих его отраслей, банкротством большого числа коллективных хозяйств, снижением порядка и ответственности в производственной и бытовой сферах, привели к резкому ухудшению материального положения большинства сельских жителей, усилению имущественного неравенства внутри сел, анклавизации сельских поселений, оставшихся без крупного работодателя [6, с. 534]. Работоспособное и энергичное сельское население мигрирует в города, которое приводит к обезлюдению многих сельских территорий, утрате традиционного образа жизни, культуры и традиций. Все эти проблемы — следствие неразвитости сельской экономики, в первую очередь отсутствия перспектив альтернативной занятости сельского населения (и несельскохозяйственной,

и в нишевом аграрном производстве) [5, с. 84]. Основным источником дохода для сельских жи-

телей являются личное подсобное хозяйство и социальные пособия.

Уровень безработицы по регионам Сибирского федерального округа, %

Проблема развития альтернативной занятости в сельской местности как один из приоритетов федеральной политики была впервые поставлена на национальном уровне в принятой в 2007 г. «Государственной программе развития сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия на 2008–2012 годы» [5, с. 84–85]. Политика стимулирования альтернативной занятости в сельской местности на основе использования имеющихся ресурсов (например, лесных) и с учетом географических особенностей региона (развитие туризма) будет способствовать уменьшению бедности среди ее жителей [5, с. 97]. Мировой финансовый кризис заставляет задуматься о долгосрочной стратегии развития экономики, об определении ее приоритетных отраслей, которые могут явиться «локомотивом» преодоления негативных воздействий кризиса на экономику в целом. Одной из таких отраслей является сельское хозяйство, развитие которого имеет мультипликативный эффект (сельское хозяйство является одним из крупнейших потребителей промышленной продукции, и каждый занятый в нем обеспечивает от 5 до 10 рабочих мест в других отраслях экономики), кроме того, сельское хозяйство, по сути, сфера жизни почти трети населения России [3, с. 16].

В настоящее время процессы, происходящие на селе Тывы, обуславливают ситуацию, при которой положение сельхозпроизводителей остается крайне неустойчивым, отсутствуют возможности обеспечения полной занятости, а отраслевая структура рабочих мест практически не меняется. Ограниченность сферы приложения труда на селе, отсутствие постоянной работы, низкая оплата труда — среднемесячная заработная плата в сельском хозяйстве в 2016 г. была самой низкой среди отраслей экономики и составила 9679,4 руб., 32,4% к средней заработной плате по республике и 95,8% к прожиточному минимуму трудоспособного населения [8, с. 83, 91], также более низкие показатели уровня жизни в сельской местности: неблагоустроенное жилье, низкая обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, небольшие пенсии, высокие цены на продовольственные и промышленные товары из-за транспортных издержек, вынуждает людей в поисках лучшей жизненной перспективы переезжать в городские поселения.

Уровень сельской безработицы в Тыве превышает уровень городской безработицы 1,2 раза. При этом среди занятого населения соотношение другое: доля сельского населения составляет 45,6%, городского — 54,4%.

Сельские жители республики, пытаются приспособиться к сложившимся условиям, наряду с приоб-

ретенением скота и увеличением поголовья животных в личной собственности, расширением личных подсобных хозяйств, осваивают и нетрадиционные сферы занятости: женщины все больше устраиваются на работу в сфере торговли, а для многих мужчин способом адаптации стала маятниковая миграция.

Оценивая уровни занятости и безработицы, наблюдаемые на селе Тывы, можно утверждать, что дефицита рабочей силы здесь нет, но существует проблема вовлечения потенциальной незанятой части населения, особенно безработных, в трудовую деятельность. В самой сельской местности имеется земля в виде пашни, сенокосов, пастбищ, природно-рекреационных ресурсов и при правильном решении вопросов занятости, развитии предпринимательства на селе в принципе не должно быть безработных. Нужно только желание каждого трудиться, зарабатывать себе на жизнь, постепенно уходить от психологии иждивенчества.

Развитие сельского туризма является одним из направлений саморазвития при активном влиянии государства на процесс обустройства сельских территорий при эффективном экономическом регулировании — разработка мер региональной политики по стимулированию альтернативной занятости на основе использования имеющихся ресурсов, с учетом географических особенностей региона и государственной поддержки несельскохозяйственного бизнеса, формирующего спрос.

В частности, развитие сельского туризма для Республики Тыва может иметь большое значение в виде дополнительного источника дохода, дополнительных рабочих мест, решения текущих проблем, связанных с занятостью сельского населения. Ресурсами для развития сельского туризма в Тыве являются многочисленные целебные источники, уникальные природные условия, благоприятные для превращения региона в один из мощных рекреационно-оздоровительных центров страны. Кроме того, сельские территории Тывы характеризуются уникальными видами деятельности: оленеводство, яководство, табунное коневодство, пчеловодство, разведение верблюдов, маралов, развитие охотничьих хозяйств, звероводства, рыбная ловля и др. [7, с. 205].

Своеобразие природы Тывы, наличие большого числа природных и археологических памятников, целебных грязевых озер и минеральных источников в сочетании с живописными ландшафтами, богатством растительного и животного мира является основой развития международного санаторно-курортного лечения, отдыха и туризма в регионе. Постоянный рост урбанизации в мире повышает рекреационную ценность малоосвоенных терри-

торий с широким диапазоном ландшафтного разнообразия и требует бережного отношения к ним в ранге общечеловеческого наследия.

Богатство и разнообразие рекреационных ресурсов Тывы обусловлены географическим положением ее территории на стыке Сибирских таежных и центральноазиатских полупустынных и пустынных ландшафтов. Республика Тыва расположена в центральной части Азиатского материка между югом Восточной Сибири и севером Республики Монголии. Территория республики значительно (2,5–3 тыс. км) удалена от теплых вод Атлантического и Тихого океанов, а также от холодного Северного Ледовитого.

При анализе рекреационных ресурсов Тывы основное внимание было уделено использованию минеральных вод как одного из наиболее важных показателей потребления рекреационных ресурсов. В частности, рассматривается наличие минеральных источников, являющихся основой для развития санаторно-курортной базы. Резко континентальный климат с высокой активностью солнечной радиации и большой прозрачностью атмосферы, обусловленной значительной сухостью воздуха и создающей благоприятные условия для проникновения биологически активных ультрафиолетовых лучей также способствуют организации гелиотерапии [4, с. 34] (солнечные ванны).

Тыва известна большим количеством природных источников, обладающих лечебными свойствами, к которым относятся термальные, углекислые, радоновые, сероводородные и железистые воды, а также лечебными грязями соленых озер. В республике богатейшие запасы питьевой и минерализованных вод (34 группы минеральных источников и 11 солено-грязевых озер). Открыты углекислые радоновые, сероводородные и другие виды холодных и термальных вод, крупные месторождения подземной питьевой воды.

Рекреационные ресурсы республики используются недостаточно: функционирует сезонный курорт «Уш-Белдир»; известный курорт «Чедер» (на лечебных грязях) в настоящее время не работает. Остальные минеральные источники используются местным и приезжим населением из других регионов страны «диким» способом для летнего купания и лечения различных заболеваний без медицинских рекомендаций и врачебного контроля.

Ежегодно с середины июля по август, даже в начале сентября тысячи людей отдыхают и лечатся на целебных водах, курс лечения прост и традиционен: он занимает от 7 до 9 дней, 14 и 21 дня и включает питье, полоскание, душ, ванны.

В настоящее время заметно активизировалась частная предпринимательская деятельность

по организации и инфраструктурному обеспечению отдыха пока еще стихийного лечения на некоторых аржаанах Тувы, например, Сенек (Улуг-Хем), Ак-Хайыракан (Эрзин), Ала-Тайга (Монгун-Тайга) и др. [1].

Минеральные источники (аржааны) — прекрасный объект для туризма. Число людей, пользующихся услугами лечебно-оздоровительных источников, из года в год растет. В связи с возрастающим интересом населения других регионов в аржаанный сезон спрос на места размещения отдыхающих на территориях лечебных источников Тывы зачастую превосходит все предложения, а это открывает широкое поле деятельности для ведения сельского бизнеса, основанного на сельском туризме [7, с. 205].

Широкий спектр лечебных ресурсов, распространенность в Тыве феномена «аржаанного лечения», известность многих аржаанов, соленых и грязевых озер за пределами республики позволяют считать перспективным направлением развитие туристско-рекреационных особых экономических зон на природных аржаанных комплексах. Такие зоны в будущем можно было бы создать в Бай-Тайгинском, Монгун-Тайгинском, Тоджинском, Терехольском, Овюрском и Эрзинских кожунах.

Широко используются местным населением и приезжими для отдыха и лечения озера Дус-Холь и Хадын, которые испытывают огромную антропогенную нагрузку, связанную преимущественно с неорганизованным посещением отдыхающих. В связи с чем в использовании озер предлагаются развитие туристической инфраструктуры и природоохранной, эколого-познавательной деятельности (ликвидация экологической безграмотности населения) [2, с. 57–58].

Таким образом, в Тыве огромные природные богатства, и если направить их в нужное русло, то можно расширить рекреационное обслуживание как крупную отрасль экономики региона.

В сфере туризма Республики Тыва имеются свои проблемы и трудности. Это выражается в отсутствии современной туристской инфраструктуры, ее несоответствии международным стандартам, низком сервисном обслуживании, что уменьшают туристический поток в республику. Однако в настоящее время эти потоки еще не сформировались, так как для большинства населения путевки (туры), проезд, питание, развлечения, лечение стали непомерно дороги. Высокая их стоимость вызвана многократным ростом издержек предприятий, оказывающих эти услуги.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аржааны Тувы. Наиболее известные минеральные аржааны: интервью с канд. хим. наук К. Д. Аракчаа // Тув. университет. 2011. №5 (37).
2. Кальная О. И., Аюнова О. Д., Забелин В. И., Арчимбаева Т. П., Рычкова К. М. Бальнеологические свойства и экологические проблемы озер Дус-Холь и Хадын // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов: опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний, лечения и реабилитации больных : материалы II Международной научно-практической конференции / гл. ред. К. Д. Аракчаа. Абакан, 2015. С. 56–60.
3. Лобова С. В., Чурина Е. В. Государственная поддержка сельского хозяйства в Алтайском крае в современных условиях // Региональная экономика. Теория и практика. 2010. №1 (136). С. 16–20.
4. Монгуш С. П., Кылгыдай А. Ч. Основы формирования и организации рекреационных (санаторно-курортных) ресурсов Тувы // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов: опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний, лечения и реабилитации больных : материалы II Международной научно-практической конференции / гл. ред. К. Д. Аракчаа. Абакан, 2015. С. 33–35.
5. Серова Е., Леман Ц., Звягинцева Д. Диверсификация источников дохода сельских домохозяйств и альтернативная занятость: результаты обследования // Вопросы экономики. 2008. №6. С. 84–97.
6. Фадеева О. П. Социальный капитал сибирского села // Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития. Новосибирск, 2008. С. 534–553.
7. Чысыма Р. Б. Лечебно-оздоровительный туризм как перспективная инновация в сельском бизнесе // Курортная база и природные лечебно-оздоровительные местности Тувы и сопредельных регионов: опыт и перспективы использования в целях профилактики заболеваний, лечения и реабилитации больных : материалы II Международной научно-практической конференции / гл. ред. К. Д. Аракчаа. Абакан, 2015. С. 205–206.
8. Статистический ежегодник Республики Тыва : стат. сборник / Тывастат. Кызыл, 2017.

REFERENCES

1. Tuva Arjaans. The most famous mineral arjaans: interview with PhD (Chem.) K. D. Arakchaa (2011) *Tuva University*, 5 (37) (in Russian).
2. Kalnaya, O. I. Ajunova, O. D., Zabelin, V. I., Archemieva, T. P. & Rychkova, K. M. (2015) Balneological properties and environmental problems of lakes Dus-Khol and Hadyn. *Resort base and natural therapeutic areas of Tuva and adjacent regions: experience and prospects of use in disease prevention, treatment and rehabilitation of patients: materials of II International scientific-practical conference*. Ed. K. D. Arakchaa. Abakan. 56–60 (in Russian).
3. Lobova, S. V. & Churina, E. V. (2010) State support of agriculture in the Altai region in modern conditions. *Regional economy. Theory and practice*, 1 (136), 16–20 (in Russian).
4. Mongush, S. P. & Kylgyday, A. Ch. (2015) Fundamentals of formation and organization of recreation (health resort) resources of Tuva. *Resort base and natural therapeutic areas of Tuva and adjacent regions: experience and prospects of use in disease prevention, treatment and rehabilitation of patients: materials of II International scientific-practical conference*. Ed. K. D. Arakchaa. Abakan. 33–35 (in Russian).
5. Serova, E., Leman, Zh. & Zvyagintsev, D. (2008) Diversification of sources of income of rural households and alternative employment: the results of the survey. *Issues of Economics*, 6, 84–97 (in Russian).
6. Fadeeva, O. P. (2008) Social capital of Siberian village. *Russia and Russians in the new century: challenges of time and horizons of development*. Novosibirsk. 534–553 (in Russian).
7. Chysyma, R. B. (2015) Healthcare tourism as a promising innovation in rural business. *Resort base and natural therapeutic areas of Tuva and adjacent regions: experience and prospects of use in disease prevention, treatment and rehabilitation of patients: materials of II International scientific-practical conference*. Ed. K. D. Arakchaa. Abakan. 205–206 (in Russian).
8. Statistical Yearbook of the Tyva Republic: Statistical Digest (2017). Kyzyl (in Russian).

Поступила в редакцию: 29 июня 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.

ОБЩЕЭКОНОМИЧЕСКИЙ ПОДХОД В ИССЛЕДОВАНИИ ОСНОВЫ (СУБСТАНЦИИ) ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕКОММЕРЧЕСКИХ И КОММЕРЧЕСКИХ ПРЕДПРИЯТИЙ

В. И. Крышка

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

Статья посвящена анализу основных общеэкономических системных категорий, связанных с изучением, исследованием и изложением материалов, определяющих основу (субстанцию) деятельности некоммерческих и коммерческих предприятий в современных рыночных условиях хозяйствования. В частности, рассматривается система «запасы-потоки», которая является исходной базой для образования пассивов/активов предприятий, фондов некоммерческих предприятий и капитала коммерческих предприятий. В статье критически анализируется необходимость выделения внеоборотных активов, доказывается, что основу некоммерческих предприятий составляют фонды, имеющие внешние источники финансирования, в то время как субстанцию деятельности коммерческих предприятий составляет капитал. Подчеркивается, что капитал — это не вещь, а определенный *капиталистический* способ хозяйствования на основе фондов, целью использования которых является получение чистого дохода во всех известных формах: процента, прибыли, ренты и предпринимательского дохода и т. д. Всеобщей и исходной формой капитала в современной рыночной экономике является денежный, точнее, финансовый капитал, который через ставки процента регулирует основные микро и макроэкономические процессы.

Ключевые слова: запасы, потоки, пассивы/активы, фонды и капитал.

GENERAL ECONOMIC APPROACH TO BASIS (SUBSTANCE) STUDY OF NON-PROFIT AND COMMERCIAL ENTERPRISES ACTIVITIES

V.I. Krishka

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article is devoted to the analysis of the main General economic system categories related to the study, research and presentation of materials that determine the basis (substance) of non-profit and commercial enterprises activities in modern market conditions. In particular, it discusses the “stock-flow” system, which is the starting point for the formation of liabilities/assets of enterprises, non-profit enterprises and capital of commercial enterprises. The article critically analyzes the need for allocation of non-current assets, proves that the basis of non-profit enterprises are funds with external sources of financing, while the substance of the commercial enterprises activities is capital. It is also emphasized that capital is not stuff, but a certain capitalist way of managing on the basis of funds, the purpose of which is to obtain net income in the all known forms: interest, profit, rent and entrepreneurial income, etc. The general and basic form of capital in a modern market economy is monetary, or rather, financial capital that generates interest, which regulates the basic micro and macroeconomic processes through interest rates.

Keywords: stocks, flows, liabilities/assets, funds and capital.

Постановка проблемы и ее значимость.

При написании докладов, рефератов, курсовых, выпускных квалификационных работ, диссертаций по актуальным проблемам экономики предприятия¹ молодые исследователи — студенты, магистранты, аспиранты и ассистенты — обычно сталкиваются с множеством трудностей. Одной из таких является наличие в экономических науках различных наименований и трактовок одной и той же основы (субстанции²) предприятий, т. е. вещественных и личных составляющих производительных сил, которые используются на предприятиях различных форм собственности и видов деятельности. Так, эта основа в микроэкономике называется факторами производства (земля, капитал, труд и организация); в бухгалтерском учете — внеоборотными и оборотными активами; в экономике предприятия (фирмы) — основными и оборотными фондами (капиталом); в финансах — основными и оборотными средствами. Перечень можно продолжить. Разногласия по поводу только одного названия основы деятельности предприятий объясняется, на наш взгляд, следующим.

Экономика предприятий, в которую входит и их основа деятельности, исследуется многими научными дисциплинами. У каждой из них *свой* предметный взгляд на один и тот же объект исследования. Эти подходы, как правило, связаны с выработкой собственного языка, научных терминов, понятий и определений одной и той же основы деятельности предприятий. В этом, разумеется, нет ничего предвзятого, но для понимания единства проблематики экономики предприятия в целом и его основ нужен либо «переводчик», который бы переводил с одного предметного экономического языка на другой, либо функцию выработки единой терминологии должна взять на себя *общая экономика* [1], которая по мере развития экономической науки, ее дифференциации, становится объединяющей наукой.

Общая экономика как отдельная и самостоятельная наука пока еще не получила общего признания. Ее возникновение и формирование первоначально, по нашему мнению, происходило в неявной форме в рамках политической экономии, начиная с начала XVII в. вплоть до возникновения чистой экономики (economics) конца XIX в. В явной форме общая экономика была изложена пер-

воначально в рамках учебной литературы по политической экономии как первый раздел учебника, имеющего вводное значение как для капитализма, так и для социализма [2]. В настоящее время общая экономика пока отсутствует в экономическом образовании, за исключением только программного содержания кандидатского экзамена по экономической теории по отдельным специальностям, например, региональной экономике. Выделение общей экономики как относительно самостоятельной научной и учебной дисциплины необходимо по следующим соображениям.

Во-первых, для того чтобы избежать повторений, прежде чем рассматривать и характеризовать *особенности* микро- и макроэкономики, экономики домохозяйств и фирм и т. д., необходимо выделить общие основы экономики как науки в целом. В этой связи требует переосмысления наследие Д. М. Кейнса, который впервые в истории экономической мысли употребил термин «общая теория» [3], по сути дела имея в виду *общее* экономическое содержание рыночных процессов.

Во-вторых, эти основы должны быть связаны с определением: а) предмета науки экономики в целом, в отличие от других естественных и гуманитарных наук; б) ее общей методологии и в) системы общих, фундаментальных понятий, которые являются общими для всех экономических наук.

В-третьих, наука экономики (экономология), несмотря на ее более чем 400-летнее существование в рамках политической экономии, микроэкономики, макроэкономики и других экономических дисциплинах, все же является относительно молодой наукой, которая находится в стадии своего научного становления. Становящийся характер общей экономической науки выражается в отсутствии признанной структуры экономической науки в целом, классификации экономических наук, их логической субординации и координации. По нашему мнению, общая экономика исторически и логически должна стать одной из исходных в структуре научного экономического знания.

Наконец, применительно к теме данной статьи общая экономика должна предложить систему категорий, связанных с пониманием основы и субстанции деятельности как некоммерческих, так и коммерческих предприятий.

Степень изученности проблемы. В реальной практической жизни *основа* деятельности предприятий скрыта за чередой обычной и зачастую рутинной деятельности, например, закупкой сырья и оборудования, приема и увольнения работников, организацией производственных процессов, их оперативным управлением, заключением договоров по продаже продукции и т. д. В этой че-

¹ Предприятие — самостоятельный хозяйствующий субъект, занимающийся различными видами экономической деятельности, производящий и реализующий товарную продукцию (услуги) в рыночной экономике.

² Субстанция — основа, причина самой себя (лат. — *causa se*).

реде событий выделить основу и тем более субстанцию деятельности предприятий довольно трудно или даже невозможно, ввиду сиюминутной занятости субъектов хозяйственной деятельности. Однако ее выделять необходимо хотя бы для того, чтобы сохранить предприятие в своей *основе*, в некоей фундаментальной целостности, несмотря на неопределенность и риски рыночной конъюнктуры. Задачу выявления основы деятельности предприятий должна брать и фактически берет на себя экономическая наука, в том числе и общая экономика.

Наиболее изученными аспектами проблемы являются следующие.

Во-первых, это кругооборот и оборот авансированных средств (фондов и капитала) как отдельных предприятий, так и в целом всех предприятий. Здесь можно указать на экономическую таблицу Ф. Кенэ, основной и оборотный капитал А. Смита, Д. Рикардо и К. Маркса. Воспроизводство и обращение общественного капитала К. Маркса. Схемы, модели М. Туган-Барановского и В. Леонтьева. Наконец, многочисленные отечественные работы, посвященные исследованию сущности социалистических предприятий, кругообороту и обороту их средств, таких авторов, как: Л. И. Абалкин, Г. А. Александров, Б. Ф. Андреев, С. Б. Барнгольц, П. Г. Бунич, К. К. Вальтух, С. А. Ленская, Н. С. Лисицян, Ю. И. Любимцев, В. А. Медведев, В. С. Павлов, П. М. Павлов, В. Д. Патрушев, В. В. Радаев, А. В. Сидорович, А. Д. Смирнов, С. Г. Струмилин, М. А. Тупичев, Н. А. Цаголов, В. А. Чемыхин и многих других.

Во-вторых, это внешняя денежная форма движения авансированных средств предприятий, движения, выраженного в потоках: 1) валовых денежных расходов (издержек авансированного капитала); 2) валовых денежных доходов (на авансированный капитал); 3) их соотношение и определение валовой бухгалтерской денежной прибыли (убытков).

В-третьих, выделение и анализ в бухгалтерском учете и бизнесе внеоборотных и оборотных активов предприятий, которые являются частью их имущественного баланса, документом первичного статистического наблюдения.

В-четвертых, состав и структура основного и оборотного капитала (фондов) фирм, рассчитанные на их основе разнообразные показатели эффективности деятельности предприятий, включая норму прибыли и рентабельность.

В-пятых, инвестиционная детальность предприятий, направленная на рост капиталовложений в основной и оборотный капиталы, включая внутреннее (самофинансирование) и внешнее финансирование за счет кредитов и многие другие аспекты деятельности предприятий, связанные с их основной и субстанцией.

В число наименее изученных или даже неизученных сторон указанной проблемы, на наш взгляд, можно отнести:

- определение конкретного содержания действительно *обращающейся стоимости* авансированных и вырученных средств предприятий, включая элементы материальных затрат, амортизированного износа, начисленной заработной платы, прибыли, процента, других элементов;
- мера включенности личного фактора производства в состав основных и оборотных средств предприятий, особенно в условиях развития робототехники и цифровой экономики;
- товарная форма кругооборота и оборота стоимости рабочей силы наемных работников и другие.

Наконец, постановочным является вопрос анализа основы, субстанции деятельности предприятий с позиции общей экономики.

Цель и задачи статьи. Исходя из актуальности проблемы и недостаточной степени ее изученности, цель данной статьи — исследование основы (субстанции) предприятий с позиции общей экономики для того, чтобы предложить молодым исследователям систему взаимосвязанных категорий, необходимых для проведения самостоятельных исследований.

Исходя из поставленной цели, в статье решаются следующие укрупненные задачи.

1. Рассматривается и анализируется система «потоки-запасы», применительно к основе деятельности предприятий.
2. Делается попытка определить основу некоммерческих предприятий.
3. Дается обоснование, что субстанцией коммерческих предприятий является производительный капитал.

Для достижения сформулированной цели и решения поставленных задач необходима адекватная методология, которая, на наш взгляд, вытекает из системы «запасы-потоки».

Система «запасы-потоки» в качестве теоретико-методологической основы статьи. Система «запасы-потоки» имеет длительную историю своего становления, развития и современного существования. Она возникла в рамках школы физиократов, получила развитие в работах К. Маркса, Н. Бернштейна, М. Туган-Барановского, А. Богданова, М. Бунятына, В. Леонтьева, Н. Кондратьева, Л. З. Слонимского, М. М. Филиппова, М. Герценштейна, Л. В. Курского, В. И. Маевского [4, с. 619–1170], в работах экономистов посткейнсианского периода [5–7].

В соответствии с современным ресурсно-ориентированным подходом началом позитивного изложения статьи является *запас благ*, под которым обычно понимается вся совокупность материальных и иных ценностей, средств производства предприятий, в виде сырья, неустановленного оборудования, запасных частей, топлива, полуфабрикатов, не используемых в данный момент в производстве и обращении, хранимых, как правило, на складе или других местах и предназначенных для последующего использования на предприятиях [8, с. 109].

Запасы существуют как сами по себе, составляют предмет логистики, так и в качестве основы для кругооборота и оборота товарно-денежных средств предприятий. В потоке обращения средства производства предприятий проходят некоторые условные «точки», моменты, фиксируемые в общеэкономических понятиях — ресурсы, пассивы, активы, сбережения, накопления, чистый доход (убытки) и другие моменты. Потоки в товарно-денежной рыночной экономике имеют две противоположные формы движения, поток расходов (издержек) и поток доходов (выручки) предприятий.

Систему «запасы-потоки» в целом можно символически представить таким образом:

$$Z \pm S, \quad (1)$$

где Z — положительные запасы, отрицательные запасы, т. е. долги предприятий в статье не рассматриваются; $\pm S$ — потоки, которые могут иметь как положительное (доходы), так и отрицательное (расходы) значение.

С учетом дифференциации потоков формулу 1 можно представить так:

$$Z - E + R \quad (2)$$

где Z — запасы; E — расходы; R — доходы.

Рассмотрим систему «запасы-потоки» как исходный пункт определения основы деятельности предприятий.

Основа деятельности предприятий в системе «потоки-запасы». Запасы, которые еще не вошли в процесс обращения средств предприятий, обычно называются ресурсами. Напротив, средства предприятий, которые временно вышли из производства и обращения, принято назвать резервами.

Ресурсы по источникам образования обычно подразделяют на: 1) естественные, созданные самой природой без непосредственного участия людей; 2) искусственные, созданные людьми, включая их самих.

Так, к естественным ресурсам обычно относят девственные леса, водоемы, сельскохозяйственные угодья, разведанные запасы полезных ископаемых, энергетических ресурсов, сырых материалов, дан-

ных природой сил солнца, ветра, воды и другие ресурсы. К искусственным — самих людей, носителей рабочей силы, запасы вещественных средств производства (вещественный капитал), т. е. полуфабрикаты, здания, сооружения, производственную и рыночную инфраструктуру и другие подобные элементы.

Ресурсы, формально вошедшие в процесс производства и обращения средств предприятий, но временно находящиеся в *бездеятельном* состоянии, приобретают общеэкономическую форму *пассивов*. Например, люди, достигшие совершеннолетия, т. е. полностью трудоспособного возраста, но продолжающие обучение в техникумах, колледжах и вузах, являются *пассивной рабочей силой*. Если продолжить примеры, то с бухгалтерской точки зрения пассивами являются все источники финансирования предприятий, т. е. собственные и привлеченные средства, долговые обязательства, нераспределенная прибыль и т. п.

Пассивы, которые «стали» деятельными, получили целевую определенность, актуально используются в производственном процессе и обращении, являются экономическими *активами*. Так, указанная выше пассивная рабочая сила после окончания обучения, успешного трудоустройства приобретает значение *активной рабочей силы*, в бухгалтерском учете активы — это часть бухгалтерского баланса (левая сторона), отражающая состав и стоимость имущества организаций и предприятий в денежной форме на определенную дату.

В бухгалтерском учете и современном бизнесе активы предприятий обычно делят на «так называемые» «внеоборотные активы» и «оборотные активы». Оговорка «так называемые» не является случайной, поскольку использование термина «внеоборотные активы» связано с возникновением следующих недоразумений.

Во-первых, термин «внеоборотные активы», точнее, его ошибочное употребление, вытекает из ошибки еще А. Смита, сводящего *основной капитал* к части капитала, который, по его мнению, находится вне движения, т. е. обращения [9, с. 291–297]. Ошибка А. Смита заключается в том, что, как отметил еще К. Маркс, *весь капитал*, т. е. и основной, и оборотный, находится в обращении [4, с. 210–245].

Во-вторых, термин «внеоборотные активы» фиксирует внимание, подчеркивает то обстоятельство, что из оборота средств предприятий часть их средств выключена. Это верно, но лишь отчасти. Так, для одного кругооборота из него выключены запасы материалов и сырья, находящихся на соответствующих складах, остаточная стоимость основных фондов (капитала), часть денежных средств, накапливаемых в пассивах и другое. Однако вы-

ключенность из одного *кругооборота* указанных частей активов не означает, что капитал выключен из непрерывного процесса обращения. Как указывалась выше, все активы предприятия находятся в обороте, но только с различной скоростью. Так называемые «внеоборотные активы» (стоимость заданий, сооружений, оборудования и других элементов основного капитала) совершают свой полный оборот за срок больше одного года, а «оборотные активы», как правило, несколько раз в год.

В-третьих, исходя из отмеченного в пунктах 1 и 2, вместо термина «внеоборотные активы» с позиции общей экономики точнее использовать термин «основные активы», который коррелирует с понятиями «основные средства», «основные фонды», «основной капитал» (будут рассмотрены ниже).

Фонд как основа деятельности некоммерческих предприятий. Пассивы предприятий, переходящие в активы в процессе обращения, активы, переходящие в пассивы в указанном процессе в общей экономике целесообразно именовать фондами, или фонд в целом (от лат. *fundus*, англ. *fund*) — это:

- 1) запас, накопление денежных средств, денежный капитал;
- 2) денежные и материальные средства, сосредоточенные в единую совокупность с целью использования их для определенных целей (например, пенсионный фонд);
- 3) организация, учреждение, созданные для оказания содействия определенным видам деятельности, социальным группам людей и государствам (например, международный валютный фонд, благотворительные, научные и культурные фонды) [8, с. 363–364].
- 4) в настоящее время *основа деятельности*, как правило, некоммерческих организации и предприятий, в недалеком прошлом — социалистических предприятиях, действовавших на хозрасчетных принципах окупаемости затрат и оперативного управления доходами.

Фонды, как основа деятельности некоммерческих предприятий, по стоимости постоянно находятся в обороте, в котором отдельный оборот называется кругооборотом, включающим: а) две стадии обращения (рынок факторов производства и рынок готовой продукции); б) стадию производства. Поэтому исходя из выделенных стадий, фонды предприятий необходимо подразделить на *фонды обращения* и *фонды производства*.

Фонды производства, или производственные фонды, и фонды обращения (в частности товарно-торговые фонды) в их натуральной форме постоянно находятся в соответствующих сферах, формируют в рамках макроэкономики товар-

ные и денежные агрегаты. В политической экономии социализма и современной экономике предприятий стоимость производственных фондов находится в процессе указанного кругооборота. В товарно-денежной (рыночной) экономике метаморфоз форм стоимости производственных фондов, без учета товарной формы рабочей силы, можно представить так:

$$(TC) - T(CP) \dots P \dots T(PQ) - D(TR), \quad (3)$$

где $D(TC)$ — денежные издержки; $T(CP)$ — товарная форма средств производства; $\dots P \dots$ процесс производства, в котором точки обозначают возможные перерывы между стадиями обращения и производства; $T(PQ)$ — готовая товарная продукция, включая товарные цены (P) и товарный выпуск (Q); $D(TR)$ — денежный доход (выручка) предприятий. В сокращенном (лапидарном) виде, т. е. в виде уравнения, кругооборот фондовых средств предприятий приобретает такой вид:

$$PF = A - TC + TR, \quad (4)$$

где PF — производственные фонды предприятий; A — активы предприятий в целом до начала процесса их расходования; TC — валовые расходы (издержки) предприятий; TR — валовые доходы (выручка) предприятий.

Уравнение кругооборота авансированной стоимости производственных фондов предприятий может находиться в состояниях равновесия и неравновесия.

Равновесие означает, что все элементы правой части последнего уравнения находятся в равенстве друг с другом, или

$$A = TC = TR \quad (5)$$

Данное равновесие означает, что в стоимостном кругообороте средств предприятий производственный фонды возвращаются к своему началу, первоначальным активам, в том же самом натуральном виде и объеме, а сам же фонд в движении представляет *сохраняющуюся* основу деятельности некоммерческих предприятий или

$$PF = B, \quad (6)$$

где B — сохраняющаяся основа деятельности некоммерческих предприятий.

Неравновесие означает, что между указанными элементами (активами, расходами и доходами) нет равенства, т. е. между ними устанавливается неравенство, которое можно подразделить на 1) частичное равновесие и неравновесие и 2) общее неравновесие.

Частичное равновесие и неравновесие имеет два вида:

$$1) A \neq TC, \text{ при } TC = TR,$$

2) $TC \neq TR$, при $A = TC$

Общее неравновесие означает, что

$A \neq TC \neq TR$

В целом общее равновесие, частичное равновесие и неравновесие, общее неравновесие можно выразить в обобщенной формуле

$$PF = \pm S + B \pm NR, \quad (7)$$

где $\pm S$ — положительно/отрицательные сбережения, возникающие соответственно за счет *экономики* используемых производственных ресурсов и отрицательные сбережения (долги предприятий); $\pm NR$ — положительно/отрицательный чистый доход предприятий, который, соответственно, равен положительной прибыли и отрицательным убыткам [10].

Производственные фонды предприятий с позиции постоянного возобновления кругооборота, т. е. оборота, целесообразно, как было в политической экономии социализма, делить на основные и оборотные.

Основные производственные фонды — это основные активы предприятий, длительного срока службы, которые изнашиваются постепенно. Их стоимость переносится бухгалтерами на готовый продукт не сразу, а по частям, по мере их износа. Источниками финансирования основных производственных фондов являются 1) накапливаемый фонд амортизации; 2) фонд сбережений, образованный за счет экономии использования средств производства; 3) привлеченные средства учредителей фонда и другие источники, как правило, внешнего финансирования.

Оборотные производственные фонды — это оборотные активы предприятий, которые постоянно находятся в обороте, включая стадии 1) покупки сырья и полуфабрикатов; 2) их производительного использования с учетом незавершенного производства; 3) реализацию готовой продукции; 4) поступления денежных средств на счет предприятий для последующего кругооборота. В отличие от основных фондов, стоимость оборотных фондов переносится бухгалтерами на готовый продукт не по частям, а в целом сразу по мере производительного потребления сырья, материалов, полуфабрикатов и иных оборотных средств.

Основные и оборотные фонды, как указывалось выше, находятся в обороте средств предприятий *в целом*, ту часть, которая находится в непосредственном кругообороте с позиции общей экономики, целесообразно называть *действительно обращающейся стоимостью*, причем последняя категория является новой для общэкономического анализа.

Капитал как субстанциональная основа коммерческих предприятий. Исходя из излагае-

мого теоретического материала, капитал — это фонд, использование которого направлено на получение *чистого дохода* в виде процента, прибыли, ренты и других форм чистого дохода. Проанализируем данное определение.

Во-первых, капитал — это фонд, но обратное суждение, фонд — это капитал, неверно. Поэтому отождествлять фонд и капитал, полагаем, нельзя, ввиду существенных различий в источниках финансирования фондов и капитала.

Так, источниками образования фондов некоммерческих организаций и предприятий, как правило, являются *внешние* источники финансирования.

Например, как хорошо известно, Пенсионный фонд России финансируется за счет: а) страховых взносов работодателей (организаций и предприятий); б) страховых взносов лиц, занимающихся индивидуальной трудовой деятельностью; в) страховых взносов других категорий работающих граждан Российской Федерации (РФ); г) ассигнований из федерального бюджета РФ на выплату государственных пенсий и пособий военнослужащим, их семьям и лицам, приравненным к ним; д) субсидий, выделяемых из федерального бюджета РФ; ж) средств, возмещаемых Пенсионному фонду РФ Государственным фондом занятости населения РФ в связи с назначением досрочных пенсий безработным; з) добровольными взносами юридических и физических лиц; д) доходами от деятельности фонда. Приведенный пример также подтверждается историческими фактами функционирования производственных фондов социалистических предприятий, которые находились в собственности социалистического государства, организацией деятельности Международного Валютного Фонда, фондов всех бюджетных организаций в РФ.

В этой связи главное отличие капитала от фондов заключается в том, что капитал образуется не за счет внешних источников финансирования, учредителей фонда как организации, а за счет внутренних, точнее, *собственных* средств хозяев предприятий по праву частной собственности.

Во-вторых, для превращения фонда в капитал на уровне микроэкономики необходим институт *децентрализованной частной собственности*. В этой связи можно высказать следующее, на первый взгляд, абсурдное суждение.

Социализм, который существовал в СССР, ряде стран Восточной Европы и Азии в послевоенный период был не абсолютно противоположен капитализму, ни как первая фаза коммунистического способа производства, ни как отдельный способ производства, а он был его особой формой существования как *высокоцентрализованный государственно-монополистический капитализм* с высокой степенью социальной защиты трудящегося

населения. Все недостатки «социализма» с позиции общей экономики можно свести к одному — отсутствию института *децентрализованной* частной собственности. Более подробное обоснование высказанного на первый взгляд абсурдного суждения выходит за рамки данной статьи.

В-третьих, для превращения фондов в капитал необходимы следующие изменения в принципах так называемого «хозяйственного расчета» в коммерческий расчет, который по сути дела является капиталистическим расчетом, поскольку направлен на максимизацию получения и присвоения чистого дохода во всех его формах существования. Конкретно речь идет о превращении:

- принципа *окупаемости* затрат фондов в принцип *самоокупаемости* авансированного капитала за счет предпринимательской деятельности в условиях неопределенности экономической конъюнктуры и связанных с ней риском;
- преимущественно внешнего финансирования роста фондов за счет субсидий и трансфертов к внутреннему *самофинансированию* на основе: а) коммерческого использования амортизационного фонда; б) части собственной прибыли, а также внешнему финансированию предприятий, но уже не основе указанных бесплатных субсидий и трансфертов, за счет процента на взятый в ссуду коммерческий кредит;
- главным образом за счет внешнего *развития* фондов некоммерческих организаций и предприятий за общественный или государственный счет к саморазвитию за счет *собственных* и *заемных* средств. В этой связи К. Маркс был, очевидно, прав, когда дал определение капиталу как *самовозрастающей* стоимости, всеобщая форма которого по Марксу имеет вид: $D-T-D'$, где D — авансированный денежный капитал; T — товарный капитал; D' — реализованный денежный капитал, включающий авансированный капитал и так называемую прибавочную стоимость, которую при отсутствии положительных и отрицательных сбережений фонда, можно свести к чистому доходу.

Остановимся на марксистском понимании капитала как субстанциональной основы деятельности коммерческих предприятий более подробно.

Во-первых, непреходящей заслугой К. Маркса является то, что в понимании капитала он вышел за догматические рамки теории факторов производства и придал капиталу, точнее, капитализму наиболее *общее* для своего времени значение — исторически определенного способа производства,

точнее, общественно-экономической формации. Вместе с тем, несмотря на попытку придать капиталу общее значение, в марксистском наследии сохраняются критически непреодоленные моменты, мешающие марксизму превратиться из почти забытого учения в современный неомарксизм, который занял бы более достойное место в истории экономических учений.

Во-вторых, *всеобщая форма* капитала по К. Марксу ($D-T-D'$), не соответствует своему *всеобщему содержанию*, поскольку капитал в действительности стремится охватить (это мы наблюдаем в развивающейся практике российского бизнеса) все стадии воспроизводства (т. е. производство, распределение, обмен и потребление) и все факторы производства (землю, капитал, труд и организацию), а не только производство и обращение, как у К. Маркса.

В-третьих, стадия производительного потребления средств потребления, которые при глобальном (всеобщем) господстве капитализма (частной собственности на основные средства потребления, например, жилье) постепенно для хозяев жилья превращаются в средство получения чистого дохода, т. е. превращаются в *потребительский капитал*, например, при сдаче жилья в аренду. Возможно, развитие в нашей стране так называемого *социального найма жилья* является современной тенденцией всеобщего охвата капиталом экономических процессов, включая процесс потребления.

В-четвертых, всеобщая лапидарная (сокращенная) форма капитала $D-D'$ является на деле, т. е. в действительности экономических процессов при капитализме, не сокращением формы товарно-торгового капитала, а исходной всеобщей по форме и содержанию сущностью капитала. Это подтверждается исторически, и логически проникновением капитала в виде $D-D'$ в хозяйственную жизнь. В этом случае процент — исходная форма чистого дохода, а прибыль промышленных и иных форм производительного капитала ориентируется на процент и ставку процента по кредитам. Так, в современной микроэкономике *нормальная экономическая прибыль* по сути дела сводится к проценту, процентная ставка занимает место нормы промышленной прибыли и рентабельности. В современной хозяйственной практике российской экономики Центральный банк, кредитная система в целом устанавливает свои *определяющие* правила развития всех бизнес-процессов в стране. Все это говорит о том, что современный капитализм по сути дела есть *финансовый* капитализм, который возник на рубеже XIX–XX вв.

В-пятых, деление К. Марксом авансированного капитала на постоянную и переменную части по отношению к производству прибавочной стои-

мости, на наш взгляд, имеет не абсолютное, а относительное значение. Дело здесь не только в так называемом противоречии между первым и третьим томами капитала, хотя и оно имеет значение, а в том, что весь капитал является *субстанциональной переменной самовозрастающей* величиной, или

$$K' = F(K) \quad (8)$$

Это уравнение показывает, что *капитал в целом* есть переменная величина по отношению к самому себе и, следовательно, является причиной самого себя, т. е. субстанцией. К. Маркс в первом томе «Капитала» противоречит сам себе. Сначала определяют капитал как *самовозрастающую* стоимость (т. е. в целом переменную величину) и через несколько страниц абсолютизирует различие между постоянным и переменным моментами капитала, т. е. придает одному моменту капитала характер абсолютного постоянства в процессе производства прибавочной стоимости. К. Маркс, как ученик Г. Гегеля в области научной методологии, нарушил завет учителя. У Г. Гегеля абсолютно все элементы процесса находятся в движении, в развитии, для него постоянство в развитии (сущность явления) есть лишь *снятый* момент развития [11]. У К. Маркса же постоянный капитал как момент капитала в целом *не снимается*, не входит в переменную величину, а принимает абсолютное значение. Это приводит к противоречию всей марксистской экономической системы в понимании капитала. Чтобы разрешить указанное противоречие необходимо, выполняя завет Г. Гегеля, придать постоянному капиталу не абсолютное, а *относительное* значение, тогда уравнение 8 приобретает следующий лапидарный относительный вид:

$$K' = k \cdot K, \quad (9)$$

где k — коэффициент постоянства капитала, который при простом воспроизводстве капитала, равен 1 или 100%, несмотря на относительные изменения (рост) номинальной ставки процента при расширенном воспроизводстве капитала $i = \frac{\Delta K}{K}$.

В-шестых, нельзя не отметить, что всеобщая форма капитала и его всеобщее содержание у К. Маркса не связаны с фактором земли. Земля у К. Маркса рассматривается не как капитал, а только как объект частной земельной собственности, которая реализуется в получении земельным собственником — земельной ренты как капитализированного процента. Данный подход К. Маркса вытекает из недостатков трудовой теории, которая оказалась неспособной объяснить «трудовую» стоимость земли, поскольку земля в целом, включая полезные ископаемые, не является *продуктом труда*, а является *продуктом природы*, и ее стоимость, на-

пример, можно определить через процесс дисконтирования потока земельной ренты к валовой номинальной, или реальной, ставке процента.

После некоторого критического отвлечения вернемся к позитивному изложению.

Исходя из различной роли пассивов/активов и, соответственно, фондов капитал коммерческого предприятия в целом в общей экономике целесообразно подразделять на *непроизводительный капитал* и *производительный капитал*.

Непроизводительный капитал — это часть фондов предприятий, которые не принимают непосредственного участия в производстве готовой товарной продукции, в оказании товарных услуг на сторону, не приносят владельцам прибыли, наоборот, для их существования необходимы либо дополнительные внешние источники, либо источником их финансирования является часть коммерческой прибыли. Поэтому нет ничего случайного в том, что в коммерческой практике соответствующие предприятия, как правило, пытаются уменьшить, свести к нулю, свой непроизводительный капитал, переложить бремя его финансирования на общественные или государственные плечи.

Производительный капитал — это часть производственных фондов, которые принимают непосредственное участие в производстве готовой товарной продукции и оказании товарных услуг на сторону с целью получения чистого дохода, для предприятия — прибыли.

Производительный капитал коммерческих предприятий традиционно, как и фонды, делится на основной и оборотный.

В данной статье основной производительный капитал — это основные фонды, которые предназначены для получения *части* чистого дохода, направленного на долгосрочное инвестиционное развитие предприятия.

Оборотный производительный капитал — это оборотные фонды, цель которых заключается в присвоении другой части чистого дохода, предназначенного для краткосрочного инвестирования в запасы сырья и материалов.

Производительный капитал предприятия, точнее, его стоимость, постоянно находится в процессе циклического кругооборота, который с позиции цикличности имеет, как правило, *спиралеобразную* форму. Если оставить в стороне цикл экономической конъюнктуры, то кругооборот денежной формы индивидуального производительного капитала предприятия имеет следующий вид:

$$D - T(\text{сп} + \text{рс}) \dots П \dots T' - D' \quad (10)$$

где D — авансированная капитальная стоимость в денежной форме; $T(\text{сп} + \text{рс})$ — товарная форма соответственно факторов производства, средств

производства (сп) и рабочей силы (рс); П — процесс производства, производительного потребления факторов производства; Т' — товарная форма готовой продукции, включая товарную форму прибыли предприятия; Д' — валовая выручка, валовой доход предприятия, издержки плюс прибыль.

Если оставить в стороне сферу обращения, $D - T \dots T' - D'$, то в процессе производства, $\dots P \dots$, производительный капитал предприятия является современной формой существования *производительных сил* предприятия. Производительные силы предприятия включают 1) вещественные (объективные) и 2) личные (субъективные) составляющие.

К вещественным элементам производительных сил предприятия относятся: а) земли сельскохозяйственного и промышленного назначения; б) полезные ископаемые, находящиеся в собственности предприятия; 3) строения, производственная, торговая и транспортная инфраструктура; 4) оборудование; 4) оборотные активы, т. е. все, что входит в так называемое движимое и недвижимое имущество предприятий, точнее, их собственников.

К личным элементам производительных сил предприятий обычно относят: а) основных и вспомогательных рабочих; б) управленческий персонал; в) инженерно-технических работников; г) работников экономических служб предприятия и другие категории персонала фирмы (предприятия).

Единство производительных сил предприятия выражается в двух основных технико-социально-экономических показателях. Так, объективный фактор производительных сил является основой

1) внутренней занятости работников, а субъективный — 2) производительности труда занятых на предприятии работников.

С позиции стоимости указанное единство выражается в *действительно обращающейся стоимости*, которая включает: 1) материальные затраты на сырье и полуфабрикаты; 2) перенесенную и сохраненную стоимость изношенной части основных фондов (капитала); 3) начисленный фонд оплаты труда; 4) все формы чистого дохода.

Более подробное рассмотрение указанного единства выходит за рамки статьи.

В результате проведенного исследования основы (субстанции) некоммерческих и коммерческих предприятий с позиции общей экономики можно сформулировать следующие выводы:

1. Логическая система категорий, связанных с исследованием основы (субстанции) деятельности некоммерческих и коммерческих предприятий, развивается по схеме: запасы — потоки — пассивы/активы — фонды — капитал.

2. Капитал — это не вещь, а определенный *капиталистический* способ хозяйствования на основе фондов, целью использования которых является получение чистого дохода во всех известных формах: процента, прибыли, ренты и предпринимательского дохода и т. д.

3. Всеобщей и исходной формой капитала в современной рыночной экономике является денежный, точнее, финансовый капитал, приносящий проценты, который через ставки процента регулирует основные микро- и макроэкономические процессы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Нижегородцев Р. М., Гусейнов Р. М., Крышка В. И., Иванов Е. Ю., Падалкин Н. А. Курс общей экономики / под общ. ред. Р. М. Нижегородцева, Р. М. Гусейнова. Новосибирск, 2007. 460 с.
2. Медведев В. А., Абалкин Л. И., Ожерельев О. И. и др. Политическая экономия : учебник. М., 1988. 735 с.
3. Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег. М., 1999. 352 с.
4. Маркс К. Капитал: критика политической экономии. Том II / пер. с нем., фр., англ. ; предисл. Л. Л. Васьиной, В. С. Афанасьева; послесл. В. И. Маевского. М., 2012. 1200 с.
5. Dos Santos C. H. Keynesian theorizing during hard times: stock-flow consistent as an unexplored "frontier" of Keynesian macroeconomics // Cambridge Journal of Economics. 2006. Vol. 30. Pp. 541–565. DOI: 10/1093/cje/bei069.
6. Dos Santos C. H. A stock-flow consistent general framework for Minskyan analyses of closed economies // Journal of Post-Keynesian Economics. 2005. Vol. 27, No. 4. Pp. 711–735.
7. Caiani A., Godin A., Lucarelli S. Innovation and finance: a stock flow consistent analysis of great surges of development // Journal of Evolutionary Economics. 2014. Vol. 24, No. 2. Pp. 421–448. DOI: 10.1007/s00191-014-0346-8.
8. Райзберг Б. А., Лозовский Л. Ш., Стародубцева Е. Б. Современный экономический словарь. М., 1996. 496 с.
9. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / пер. с англ. П. Клюкина. М., 2017. 1056 с.

10. Крышка В. И. Очерк общей теории производственных фондов : монография. Барнаул, 2015. 110 с.
11. Гегель Г. В. Ф. Наука логики : в 3 томах. М. : Мысль, 1970.

REFERENCES

1. Nizhegorodtsev, R. M., Guseinov, R. M., Krishka, V. I. & Ivanov, E. Yu. (2007) The course of general economy. Novosibirsk (in Russian).
2. Medvedev, V. A., Abalkin, L. I. & Ozherelyev, O. I. (1988) Political economy. Moscow (in Russian).
3. Keynes, J. M. (1999) General theory of employment, interest and money. Moscow (in Russian).
4. Marx, K. (2012) Capital: a critique of political economy. Vol. II. Moscow (in Russian).
5. Dos Santos, C. H. (2006). Keynesian theorizing during hard times: stock-flow consistent as an unexplored “frontier” of Keynesian macroeconomics. *Cambridge Journal of Economics*, 30, 541–565. DOI: 10/1093/cje/bei069.
6. Dos Santos, C. H. (2005). A stock-flow consistent general framework for Minskyan analyses of closed economies. *Journal of Post-Keynesian Economics*, 27 (4), 711–735.
7. Caiani, A., Godin, A., & Lucarelli, S. (2014). Innovation and finance: a stock flow consistent analysis of great surges of development. *Journal of Evolutionary Economics*, 24 (2), 421–448. DOI: 10.1007/s00191-014-0346-8.
8. Raizberg, B. A., Lozovskiy, L. Sh., & Starodubtseva, E. B. (1996) Modern economic dictionary. Moscow (in Russian).
9. Smith, A. (2017) Research about the nature and causes of the wealth of Nations. Moscow (in Russian).
10. Krishka, V. I. (2015) Essay of the General theory of production assets. Barnaul (in Russian).
11. Hegel, G. V. F. Science of logic. In 3 vols. Moscow (in Russian).

Поступила в редакцию: 9 сентября 2018 г.

Принята к печати: 01 октября 2018 г.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ И РАЗВИТИЯ ЗОЛОДОБЫВАЮЩЕЙ ОТРАСЛИ (НА МАТЕРИАЛАХ РЕСПУБЛИКИ АЛТАЙ)¹

И. В. Мищенко, В. Н. Куртешева

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье проводится анализ развития золотодобывающей отрасли России, где золото выступает как ключевое резервное средство страны. Россия традиционно является мировым лидером по добыче золота, велики прогнозные ресурсы отрасли. Это создает стабильную основу развития финансовой системы страны в условиях девальвации рубля и политических санкций. Выявлены основные тенденции развития отрасли. В качестве объекта исследования выбран горный регион — Республика Алтай. Регион обладает богатым ресурсным потенциалом, в том числе в сфере золотодобычи. На его примере авторами выявлены факторы, препятствующие развитию отрасли. К ним относятся загрязнение окружающей среды, нарушение природного ландшафта, низкая поддержка со стороны государства, отсутствие инвестиционных льгот. Решение этих проблем позволит выйти отрасли на более высокий уровень развития и обеспечит сохранность экологии региона.

Ключевые слова: развитие, золотодобывающая отрасль, резервы, Горный Алтай, факторы.

ANALYSIS OF GOLDEN BRANCH INDUSTRY STATE AND DEVELOPMENT (CASE STUDY ON THE ALTAI REPUBLIC)

I. V. Mishchenko, V. N. Kurtешева

Altai State University (Barnaul, Russia)

The article shows Russian gold mining branch development, where gold acts as key reserve mean of the country. Russia traditionally is the world leader in gold mining, as the branch is expected to have huge resources. It creates a stable basis of development of a financial system of the country in the conditions of devaluation of ruble and political sanctions. The main trends in the branch development are revealed. The mountain region of the Altai Republic is chosen as an object of the research. The region has rich resource potential, including in the sphere of gold mining. On his example, authors reveal the factors interfering the branch development such as environmental pollution, violation of the natural landscape, low support from the state, lack of investment privileges. The solution of these problems will allow the branch to reach the higher level of development and will ensure safety of the ecology of the region.

Keywords: development, gold mining branch, reserves, Altai Republic, factors.

Золотодобывающая отрасль обеспечивает формирование государственного золотовалютного фонда, роль которого, безусловно, высока для экономики страны в целом и ее экономической безопасности в частности.

После кризиса 2008 г. роль физического золота в золотовалютном резерве Российской Федерации возрастает. Правительство взяло курс на увеличение доли золота в резервах страны. Так, уже в 2018 г. она достигла 18%, впервые обогнав

¹ Данная научная работа выполнена при финансовой поддержке РФНФ (Грант № 17–12–22010 а (р) «Эффекты развития приграничных регионов в условиях интеграции экономик стран ЕвразЭС»).

по данному показателю Китай. По состоянию на 1 июня 2018 г. золотой резерв России составил 1928 тонн [1]. По данному показателю Россия занимает пятое место в мире после США, Германии, Италии, Франции. Запасы монетарного золота в международных резервах России с 2007 по 2018 гг. выросли в четыре раза (с 450,3 до 2170 т), а доля золота в резервах — увеличилась почти в пять раз (с 2,5 до 18%) [2, с. 10]. По мнению экспертов, золото создает стабильную основу для развития финансовой системы любой страны, так как оно защищает от валютных рисков, является страховкой от санкций, и дает возможность заработать. С января 2017 г. стоимость этого драгоценного металла в резервах России увеличилась на 27% — с 60,2 до 76,6 млрд долл. [3].

Увеличение запасов связано и с тем, что в кризисные моменты стоимость золота стабильна, его можно рассматривать в качестве относительно безрискового инструмента инвестиций. В этой связи золотодобывающая промышленность выступает

в числе стратегически важных отраслей экономики России.

Российская Федерация обладает значительным объемом геолого-промышленных запасов золота, находясь на одном из ведущих мест по его добыче и производству [4].

В 2017 г., согласно данным Союза золотопромышленников, предприятиями Российской Федерации произведено 317,66 т золота, что на 6,81% превышает показатель 2016 г. Таким образом, отрасль сохраняет стабильный рост на уровне 5–7% в год, который наблюдается с 2007 г. Благодаря таким темпам Россия остается третьей страной в мире по добыче золота (после Китая и Австралии) [5]. Согласно оценкам экспертов, прогнозные ресурсы золота в России более чем в три раза превосходят по объему разведанные запасы, что создает прочную основу для развития данной отрасли на перспективу [6, с. 2].

Подробнее динамика показателей добычи золота в России представлена в таблице 1 [5].

Таблица 1

**Добыча и производство золота в Российской Федерации
в 2015–2017 гг., кг**

Показатель	2015	2016	2017	2016/2015	2017/2016
Добыча	232341	238825	254216	102,79	106,44
Попутное производство	16604	14754	16459	88,86	111,56
Вторичное	38474	35014	36980	91,01	105,61
Золото в концентратах	6349	8825	10005	139,00	113,37
Всего:	293768	297418	317660	101,24	106,81

Источник: Союз золотопромышленников по добыче и производству золота в РФ.

Согласно данным таблицы 1, в период 2015–2017 гг. общий объем добычи и производства золота увеличивается. Следует отметить, что в 2016 г. показатели попутного производства и вторичного золота ниже показателей 2015 г., однако за счет роста добычи золота и золота в концентратах, общий показатель добычи и производства вырос.

За первое полугодие 2018 г. производство золота в РФ составило 122,5 т, что на 0,3 т больше аналогичного показателя предыдущего периода [7]. Крупнейшими производителями золота в России являются «Полус» (67,2%), Polymetal (28,75%) и Kinross Gold (16,34%) [5]. Данные компании входят в ТОП-20 компаний-производителей золота в мире и занимают 9-е, 18-е и 19-е места соответственно [8].

Сибирь и Дальний Восток традиционно рассматриваются властями и участниками рынка золота как лидеры в данной отрасли. Так, чемпионом

на протяжении последних десяти лет по добыче золота в России является представитель Сибирского федерального округа — Красноярский край [6].

Говоря о добыче золота в Сибирском федеральном округе, следует отметить, что объемы добытого в данном регионе благородного металла составляют значительную часть в производстве добытого золота страны. Более подробно объемы добытого золота представлены в таблице 2.

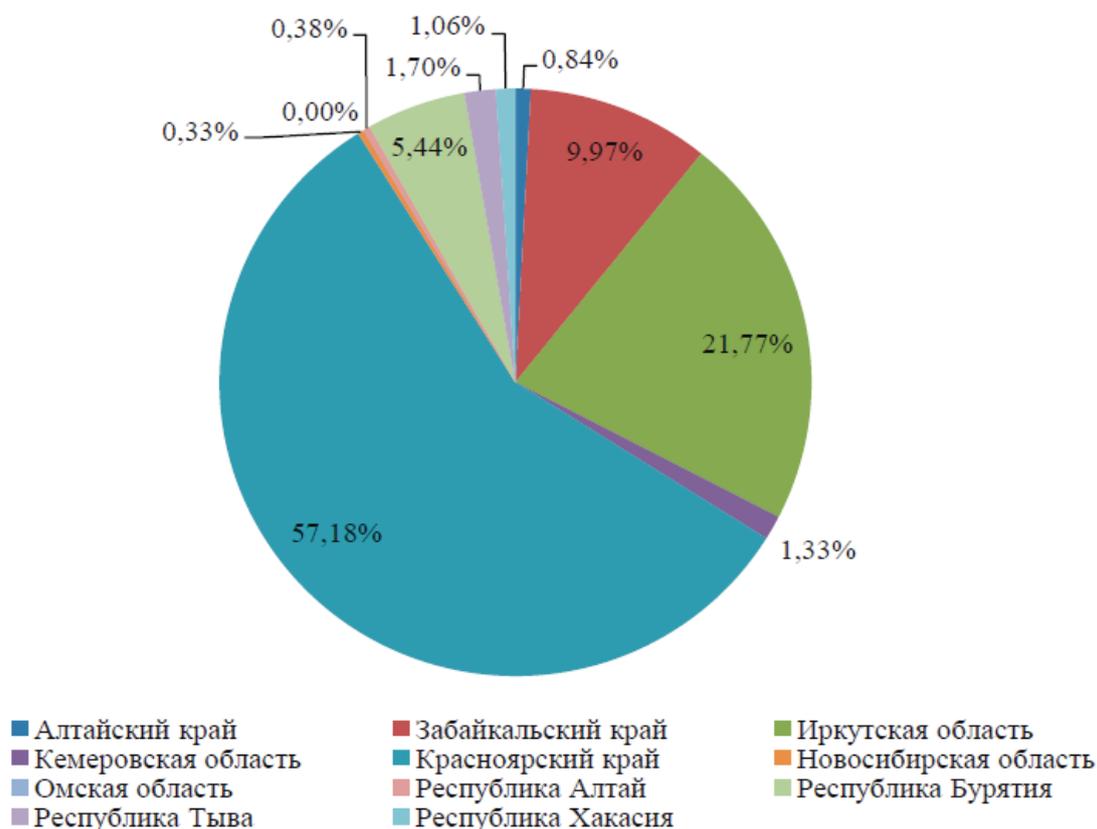
Лидером по добыче золота в СФО традиционно также выступает Красноярский край, на втором месте — Иркутская область. Для 2016 г. характерен значительный рост объемов добычи золота во многих регионах СФО. Так, в Кемеровской области производство золота увеличилось практически в 6 раз, в Республике Тыва и Новосибирской области более чем в 4 раза. Это во многом связано с ростом стоимости золота на мировой арене после трехлетнего спада.

Таблица 2

Производство добычного золота в Сибирском федеральном округе в 2015–2017 гг., кг

Субъект Российской Федерации	2015	2016	2017	16/15	17/16
Алтайский край	242,41	712,99	872,59	294	122
Забайкальский край	2 628,25	9 278,07	10 375,06	353	112
Иркутская область	9 127,97	22 449,82	22 653,85	246	101
Кемеровская область	243,38	1 458,93	1 383,50	599	95
Красноярский край	26 453,53	53 339,01	59 492,27	202	112
Новосибирская область	75,9	307,76	340,29	405	111
Республика Алтай	255,29	239,31	393,7	94	165
Республика Бурятия	2 247,21	5 942,74	5 663,19	264	95
Республика Тыва	508,96	2 371,37	1 766,10	466	74
Республика Хакасия	614,02	1 113,43	1 104,26	181	99
Всего	42 396,92	97 218,38	104 044,81	229	107

Источник: Министерство финансов Российской Федерации [9].

Структура производства золота в Сибирском федеральном округе по субъектам, 2017 г.

В структуре добычи золота СФО Республика Алтай занимает менее 1% (рис.). Республика Алтай относится к регионам, добыча золота в которых оценивается как нестабильная и небольшая по объему. Тем не менее среди полезных ископаемых республики золото имеет наибольшее значение. Следует отметить, что минеральные ресурсы весьма разнообразны, выявлены уникальные по за-

пасам месторождения редких металлов, а также месторождения цветных и драгоценных металлов. В настоящее время уже разведаны и подготовлены к использованию месторождения мраморов, гранитов, железа, каменного и бурого угля. На стадии изучения месторождения волластонита, гипса, разнообразных минеральных пигментов, минеральных и лечебно-столовых вод, лечебных грязей [10].

Северная часть республики является одним из старейших золотодобывающих районов России. Золотодобыча началась здесь с середины XIX в. и продолжается до сегодняшнего дня. Рассматривая данные о добыче золота в Республике Алтай, следует отметить, что в 2017 г. объем добытого золота увеличился на 65% по сравнению с 2016 г. Согласно данным Министерства финансов, за первое полугодие 2018 г. в данном субъекте уже произведено 255,29 кг золота [9].

Самым крупным месторождением золота в Республике Алтай является Синюхинское золото-медное, разработку которого с начала 50-х гг. ведет рудник «Веселый». Кроме этого резервом сырьевой базы рудника можно считать Ишинскую площадь, Чойское рудное поле, Майско-Лебедскую зону [10]. Данный рудник обеспечивает свыше 90% годовой добычи золота в субъекте. Другая часть добывается на более мелких месторождениях, и хотя разведываются некоторые новые месторождения, развитие отрасли не происходит стремительными темпами.

Развитию золотодобычи в регионе препятствуют некоторые факторы, связанные организацией процесса добычи золота. Так, в настоящее время разведано золоторудное месторождение Брекчия, расположенное на реке Чурия в 8 км от рекреационной зоны Телецкого озера. Процесс разработки данного месторождения, по мнению жителей республики, неизбежно приведет к нарушению природного состояния озера, ввиду использования в процессе производства ядовитого химиката — цианистого натрия. Телецкое озеро является уникальным природным символом Российской Федерации и привлекает множество туристов, а разработка месторождения приведет к нарушению экологии и превращению озера в безжизненный карьер [11]. Соответственно, жителями Республики Алтай была организована инициативная группа (преимущественно из жителей близлежащих поселков), силами которой привлечено внимание к проблеме сохранения озера и препятствию разработки золоторудных месторождений близ него.

Другой проблемой, также связанной с процессом организации добычи золота, является отсутствие рекультивации местности и укрепления

русла рек, в связи с чем жители республики также препятствуют разработке новых месторождений. Так, вдоль реки Чуйка в Турочакском районе Республики Алтай золотоискатели не осуществили рекультивацию местности, в настоящее время жители сравнивают берега реки с лунными пейзажами. Ввиду того, что золотопроизводители не осуществили закрепление берегов и отвалов растительностью, они продолжают обваливаться; в случае ливня река становится мутной, а забор воды из нее — невозможным [12].

Также не исключена вероятность нарушения экологии предприятиями, добывающими золото в Республике Алтай. Примером может служить загрязнение воды в реке Сия (Турочакский район) в 2016 г., ответственным за которое является ООО а/с «Горизонт» занимающееся добычей россыпного золота [13].

Кроме того, среди наиболее острых проблем данной отрасли золотодобывающие компании выделяют отсутствие региональных инвестиционных льгот. Также в результате опроса компаний, занимающихся золотодобычей, 71% респондентов указали на проблемы в области законодательства по недропользованию и недостаточную финансовую поддержку со стороны государства в инфраструктурных проектах [6, с. 28–29].

Таким образом, добыча золота в Республике Алтай ассоциируется у жителей республики с нарушениями экологии, уничтожением уникальных природных объектов, отсутствием рекультивации местности после разработки месторождений, в результате чего происходит препятствие развитию отрасли золотодобычи в регионе. Устранение факторов, препятствующих развитию данной отрасли в Республике Алтай, возможно путем усиления контроля над деятельностью существующих компаний, занимающихся добычей золота, а также путем обеспечения публичности и прозрачности новых проектов по разработке месторождений. Для развития самих золотодобывающих предприятий необходимо проработать нормативно-правовую базу, предусматривающую налоговые преференции и инвестиционные льготы, а также финансовую поддержку инфраструктурных проектов в данной сфере.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Центральный Банк РФ [Электронный ресурс]. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/ (дата обращения: 17.08.2018).
2. Золотодобывающая промышленность России: итоги 2015 года и прогноз развития отрасли до 2020 г. 2016. 17 с.
3. Запас прочности: зачем Россия скупает все больше золота // РИА новости [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/economy/20180227/1515321475.html> (дата обращения: 18.08.2018).

4. Никулина О. В., Понкратова К. А. Инновационный подход к управлению инвестиционными проектами предприятий золотодобывающей промышленности // Региональная экономика: теория и практика. 2016. №5 (428). С. 86–95.
5. Союз золотопромышленников [Электронный ресурс]. URL: <https://gold.1prime.ru/news/20180306/250443.html> (дата обращения: 17.08.2018).
6. Обзор золотодобывающей отрасли России за 2015–2016 гг. 2017. 32 с.
7. Регионы с небольшой и нестабильной добычей золота. URL: <https://zolotodb.ru/news/11470> (дата обращения: 17.08.2018).
8. Итоги добычи золота в 2016 г. // MINEX [Электронный ресурс]. URL: <http://zolteh.ru/results/obzor-raboty-zolotodobyvayushhej-otrasli-v-rf-po-itogam-2016-goda> (дата обращения: 18.08.2018).
9. Официальный сайт Министерства финансов Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.minfin.ru/> (дата обращения: 17.08.2018).
10. Природные ресурсы Республики Алтай [Электронный ресурс]. URL: <http://www.altai-republic.ru/about-the-region/natural-resursy/> (дата обращения: 17.08.2018).
11. Не все золото // Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2017/08/31/reg-sibfo/teleckoe-ozero-na-altae-okazalos-pod-ugrozoi-iz-za-zolotodobychi.html> (дата обращения: 17.08.2018).
12. «Никому до нас нет дела»: как живут алтайские села возле золота / Тайга. Инфо [Электронный ресурс]. URL: <https://tayga.info/135577> (дата обращения: 16.08.2018).
13. Добыча золота на реке Сия в Турочакском районе стала причиной загрязнения воды // Новости Алтая. 2016 [Электронный ресурс]. URL: <http://altai-info.com/novosti/1508-dobycha-zolota-na-reke-siya-v-turochakskom-rayone-stala-prichinoy-zagryazneniya-vody.html> (дата обращения: 17.08.2018).

REFERENCES

1. Central Bank of the Russian Federation. URL: https://www.cbr.ru/hd_base/mrrf/mrrf_m/.
2. The gold mining industry of Russia: the results of 2015 and the forecast of the development of the industry until 2020 (2016) (in Russian).
3. Safety factor: why does Russia buy more and more gold. *RIA Novosti*. URL: <https://ria.ru/economy/20180227/1515321475.html>.
4. Nikulina, O. V. & Ponkratova, K. A. (2016) Innovative approach to the management of investment projects of enterprises of gold mining industry. *Regional economy: theory and practice*, 5 (428), 86–95 (in Russian).
5. Union of gold producers. URL: <https://gold.1prime.ru/news/20180306/250443.html>.
6. Review of the gold mining industry in Russia for 2015–2016 (2017) (in Russian).
7. Regions with small and unstable gold mining. URL: <https://zolotodb.ru/news/11470>.
8. Results of gold mining in 2016. *MINEX*. URL: <http://zolteh.ru/results/obzor-raboty-zolotodobyvayushhej-otrasli-v-rf-po-itogam-2016-goda/>.
9. Official website of the Ministry of Finance of the Russian Federation. URL: <https://www.minfin.ru/>.
10. Natural resources of the Republic of Altai. URL: <http://www.altai-republic.ru/about-the-region/natural-resursy/>.
11. Not all is gold. *Rossiyskaya Gazeta*. URL: <https://rg.ru/2017/08/31/reg-sibfo/teleckoe-ozero-na-altae-okazalos-pod-ugrozoi-iz-za-zolotodobychi.html>.
12. “Nobody cares about us”: how do Altai villages live near gold. *Taiga. Info*. URL: <https://tayga.info/135577/>.
13. Gold mining on the river Sia in Turochaksky district caused water pollution (2016). *Novosti Altaia*. URL: <http://altai-info.com/novosti/1508-dobycha-zolota-na-reke-siya-v-turochakskom-rayone-stala-prichinoy-zagryazneniya-vody.html>.

Поступила в редакцию: 24 сентября 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ОЖИДАНИЯ ВЫПУСКНИКОВ СОВРЕМЕННОГО ВУЗА (НА МАТЕРИАЛАХ г. БАРНАУЛА)

Е. Н. Сабына, М. Ю. Неупокоев

Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

В статье рассмотрены профессиональные ожидания студентов. В ходе анализа выявлено три типа таких ожиданий: положительные, нейтральные и отрицательные. Результаты анкетирования репрезентативной выборки студентов показывают, что происходит их смешение, что вызывает возникновение «микса» ожиданий. Оно оказывает как положительное воздействие, являясь механизмом защиты, так и отрицательное, скрывая реальные проблемы как в сфере образования, так и в учебной деятельности самих студентов. Кроме того, выявлено различие в профессиональных ожиданиях у студентов технических и гуманитарных специальностей, основные причины возникновения негативных ожиданий.

Ключевые слова: профессиональные ожидания, студенты, смешение ожиданий, трудоустройство.

PROFESSIONAL EXPECTATIONS OF GRADUATES OF A MODERN UNIVERSITY (CASE STUDY ON THE CITY OF BARNAU)

E. N. Sabyna, M. Yu. Neupokoev

Altai State University (Barnaul, Russia)

In this paper, students' expectations are examined. In the course of the analysis, three types of expectations were identified: positive, neutral and negative. It is proved that their mixing occurs, which causes sort of a «mix» of expectations. This confusion has both a positive impact, being a defense mechanism, and a negative one hiding real problems both in the sphere of education and in the educational activity of the students. In addition, the difference in professional expectations among technical and humanitarian professions are exposed, as well as the main reasons for the emergence of negative expectations among students are highlighted.

Keywords: professional expectations, students, confusion of expectations, employment.

Одним из факторов, влияющих на успешное формирование компетенций, является профессиональное ожидание. Оно характеризует отношение к своей будущей профессии и формирует желание или нежелание работать в своей профессиональной области. Необходимо знать, какие профессиональные ожидания существуют у студентов, от каких социально-психологических факторов зависит их формирование с целью повлиять на возникновение ожиданий в процессе получения образования. Вероятно, ожидания могут быть зависимы от воздействий на человека на уровне социума, малых групп, а также от личностных качеств и потребностей. В качестве метода сбора ин-

формации был выбран анкетный опрос. Анкета включала 20 вопросов разной степени сложности и формализации.

Прежде чем начать описывать профессиональные ожидания, нужно дать определение самого понятия «ожидание». С. Ю. Головин дает следующую трактовку: «Ожидание — понятие, выражающее способность предвосхищения субъектом будущих событий» [6]. В словаре С. И. Ожегова «ожидания» обозначены как «виды, перспектива, намерения, предположения, планы» [5].

В психологических словарях представлена следующая формулировка: «Переменная в основной формуле предсказаний, мнения человека

о том, получит ли он подкрепление; вероятность, с точки зрения человека, того, что определенное подкрепление будет иметь место в результате конкретных действий с его стороны в конкретной ситуации или ситуациях». В психологической теории отдельно выделяют группу ожиданий — социальные.

По мнению А. В. Тышковского, профессиональное ожидание — это «психологическое состояние индивида, отражающее соотношение субъективной оценки актуальной ситуации им представлений о себе, как о субъекте поведения в данной ситуации».

Т. П. Борисова в своем диссертационном исследовании предлагает такое определение: «Ожидания — это совокупность представлений индивида о своем профессиональном будущем, основанное на мотивационно-когнитивном конструкторе и опосредованное типом социальной среды высшего учебного заведения».

В рамках психологии труда профессиональное ожидание является элементом профессионального самоопределения. В рамках социальной психологии социальные ожидания рассматриваются А. В. Петровским и М. Г. Ярошевским и «являются процессом ожидания исполнения индивидуумом своих социальных ролей».

Итак, профессиональные ожидания — это совокупность представлений индивида о своем про-

фессиональном будущем, опосредованное личностными и средовыми факторами.

Профессиональные ожидания репрезентируются на трех уровнях — позитивном, негативном и нейтральном. Позитивный характеризуется положительным отношением к получаемой профессии и желанием работать по ней, осведомленностью о профессиях, заинтересованность в ней, осознанность ценности и образования. Негативное — специальность скучная, однообразная, низкооплачиваемая, неинтересная, не востребованная в обществе. Нейтральное — выражается в неопределенности, незнании того, куда идти работать и стоит ли работать по специальности. Нейтральные профессиональные ожидания не имеют представления о содержании и специфике получаемой профессии.

В ходе проведения опроса выяснилось, что большинство респондентов имеют своего рода «микс» из профессиональных ожиданий. Часто студенты одновременно надеются на лучшее, к примеру, им нравится их специальность: они хотят пойти в магистратуру, но при этом они понимают, что можно столкнуться с проблемой трудоустройства.

Смешение всех типов профессиональных ожиданий — «микс» — можно проследить по ответам на следующие вопросы: «В каком ключе были ваши размышления?» и «Нравится ли вам получаемая специальность?». Ответы, данные на эти вопросы продемонстрированы на рисунке 1.

В каком ключе были Ваши размышления? (гуманитарные специальности)

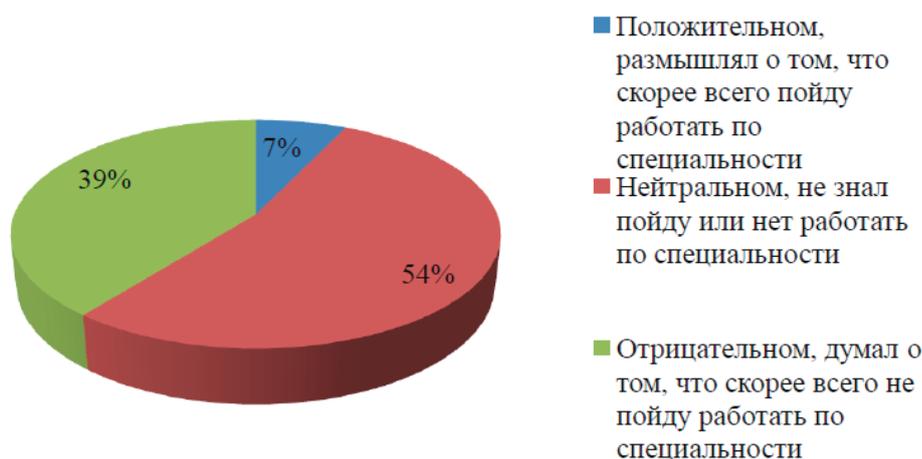

Рис. 1. Распределение ответов на вопрос: «В каком ключе были Ваши размышления?» (для гуманитарных специальностей)

53% студентов гуманитарного направления выбрали нейтральный ответ, не знали, пойдут или нет работать по специальности, 39% опрошенных выбрали отрицательный ответ, думали о том, что скорее все не пойдут работать по специальности. Можно

сделать вывод о том, что большинство студентов гуманитарных специальностей, учащих в университете, имели нейтральные профессиональные ожидания.

Наличие нейтральных тенденций подтверждает и ответ на вопрос: «Пойдете ли Вы работать

по специальности?» 67% студентов выбрали вариант: «Пока не решил».

Смещение ожиданий подтверждает и тот факт, что студенты, отвечая на следующий вопрос: «Нравится ли вам получаемая специальность?», выбрали положительный ответ (82,2%). Таким образом, несмотря на наличие у большинства студентов нейтральных ожиданий, им все же нравится получаемая ими профессия. С одной стороны, это можно списать на рациональный страх перед неизвестным будущим и сложностями, которые могут возникнуть с трудоустройством, с другой — это свидетельствует о том, что у студентов существуют латентные отрицательные ожидания. Это говорит о неуверенности, сомнениях, а точнее, о сломе в профессиональной ориентации, о том, что наличие нейтральных профессиональных ожиданий служит для студентов защитным механизмом. Дан-

ный «микс» существует и у представителей технических специальностей, но имеет несколько иное выражение.

Дальнейшая деформация профессионального планирования проявляется в смешении активных и пассивных позиций. Эта тенденция прослеживается в том, как студенты отвечают на следующие два вопроса: «Хорошо ли Вы учитесь» и «По-Вашему, хорошие оценки помогают при трудоустройстве?».

Очень часто молодые специалисты сталкиваются с такими проблемами, как полное расхождение требований, которые предъявляют работодатели с теми знаниями, которые они получили во время обучения в среднем специальном или высшем учебном заведении; неготовность приступить к работе после получения диплома, если у него отсутствует какой-либо опыт работы в желаемой должности.

Хорошо ли Вы учитесь?

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос: «Хорошо ли Вы учитесь?»

По-вашему, хорошие оценки помогают при трудоустройстве?

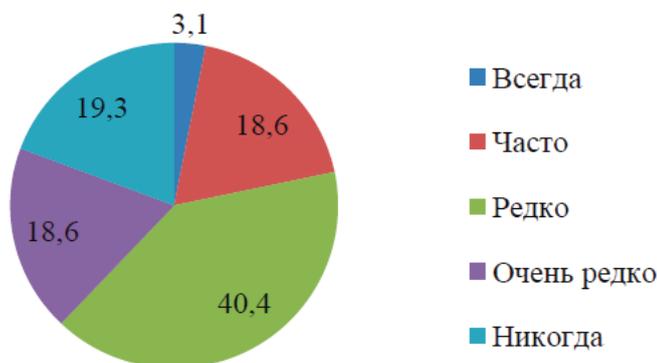

Рис. 3. Распределение ответов на вопрос: «По-Вашему, хорошие оценки помогают при трудоустройстве?»

Большинство респондентов отвечает, что учатся хорошо (60%), при этом они понимают, что хорошие оценки не помогают при трудоустройстве. Эта позиция высказывается даже активными студентами с хорошими отметками. Что неизбежно может повлечь за собой формирование искаженного восприятия, чувство «оторванности» и определенной беспомощности у студентов.

Современная молодежь зачастую безответственно относится к такому важному шагу, как выбор специальности. Вчерашние школьники посту-

пают в ссузы и вузы, руководствуясь не своими талантами или знаниями о профессии, а соображениями о сложности и качестве обучения и престиже профессии.

Ответы на вопрос: «Почему Вы поступили на данный факультет?» у студентов гуманитарных и технических специальностей несколько различаются. У респондентов технических специальностей при поступлении преобладала личная заинтересованность в своей профессии чаще, чем у гуманитарных (49% против 40%). Данные продемонстрированы на рисунках 4 и 5.

Почему Вы поступили на данный факультет? (гуманитарные специальности)

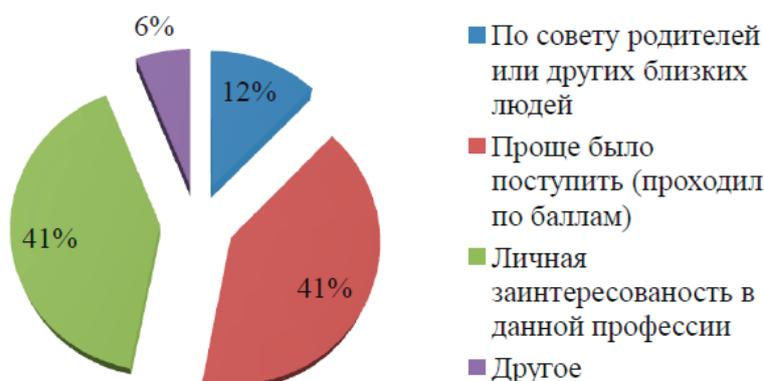

Рис. 4. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы поступили на данный факультет?» (для гуманитарных специальностей)

Почему Вы поступили на данный факультет ? (технические специальности)

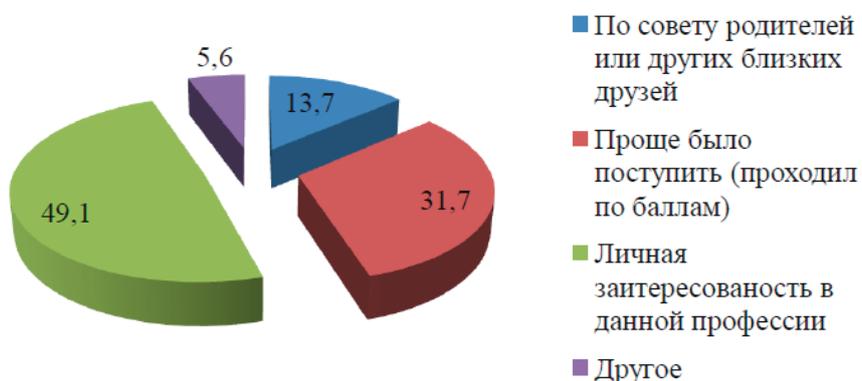

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Почему Вы поступили на данный факультет?» (для технических специальностей)

Большинство студентов технических специальностей задумывались о профессиональном будущем еще до университета (53,3%), гуманитарии выби-

рали данный ответ несколько реже (38,9%). Разница между студентами технических и гуманитарных направлений прослеживается и по ответам на во-

прос: «Задумывались ли Вы о будущей специальности, когда поступали в вуз?», отрицательный ответ выбрали лишь 16% обучаемых технических специальностей, у гуманитарных специальностей данный

ответ выбрали 39% респондентов. 33,5% обучаемых по техническим направлениям готовы работать по специальности, в то же время это лишь 25% представителей гуманитарных специальностей.

Задумывались ли Вы о будущей специальности когда поступали в вуз? (технические специальности)

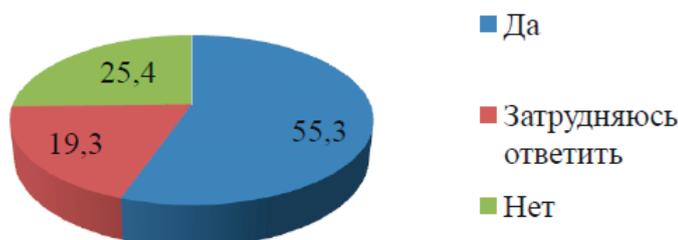

Рис. 6. Распределение ответов на вопрос: «Задумывались ли Вы о будущей специальности, когда поступали в вуз?» (для технических специальностей)

Можно сделать вывод о том, студенты технических специальностей чаще задумывались о своем будущем еще в школе, чем студенты гуманитар-

ных специальностей. Профессиональные ожидания у студентов технических специальностей выше и положительнее, чем у студентов-гуманитариев.

Задумывались ли Вы о будущей специальности когда поступали в вуз? (гуманитарные специальности)

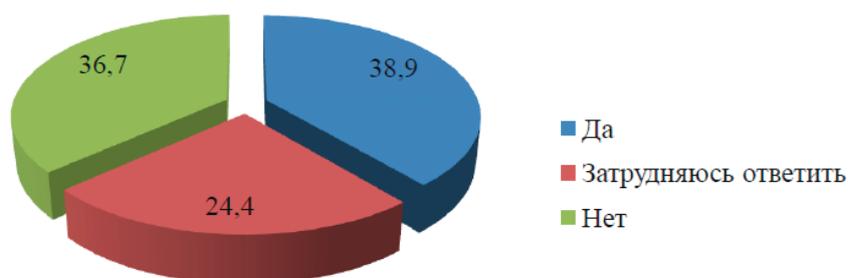

Рис. 7. Распределение ответов на вопрос: «Задумывались ли Вы о будущей специальности, когда поступали в вуз?» (для гуманитарных специальностей)

При этом следует констатировать, что средний показатель положительных профессиональных ожиданий не очень высокий и составляет всего 47,1%, что свидетельствует о том, что большинство студентов выбирают будущую специальность не осознанно. Объяснения тому, почему такое количество студентов на начальном этапе до вуза не имели конкретных профессиональных ожиданий, дает Н. М. Власов: «Раньше тоже такое встречалось, что студенты поступали «наобум». Данный кризис объясним рядом причин: во-первых, отсут-

ствии профориентационных курсов, где будущим студентам смогли бы сказать, какая профессия им подходит, а какая категорически нет, а во-вторых, отсутствие информации о востребованности профессий хотя бы на 10 лет вперед, чтобы выбрать со школы» [2].

К сожалению, во время обучения студенты не могут осуществить адекватную профессиональную самоидентификацию, чтобы понять, соответствуют ли их личные качества и психологические данные требованиям выбранной специальности.

Для более глубокого понимания причин, почему студенты не задумываются о своем будущем, помимо анализа вторичных данных по данной теме, был проведен фокус-опрос.

Респонденты отмечают, что на данный момент в школе очень сложно начать формировать положительные ожидания о будущем, в качестве основной причины называли ГИА и ЕГЭ.

Учащиеся нацеливаются на сдачу экзаменов, набор максимального количества баллов, а не на изучение предметов. В некоторых учебных заведениях ориентируются на самых слабых учеников, а знания остальных начинают ослабевать, тем самым формируются отрицательные профессиональные ожидания, заниженные требования к себе.

Опрашиваемые в фокус-группе отмечали, что некоторые преподаватели ориентируются на учеников, выбравших специализированный предмет, не обращая внимания на остальных учащихся, в связи с чем падает интерес остальных в группе к изучаемой дисциплине. Поэтому многие школьники выбирают не тот предмет, который им нужен, интересен, а тот, который проще сдать.

Можно предположить, что студенты технических специальностей имеют более положительные профессиональные ожидания, по сравнению со студентами гуманитарных специальностей, но на самом деле это верно лишь частично. Студенты технических специальностей имеют более положительную динамику лишь при ответах на начальные вопросы, при этом разница бывает не особенно существенной. Так, при ответе на восьмой вопрос: «Пойдете ли Вы работать по специальности?» разница составила 8,5%. В дальнейших ответах на вопросы разница между респондентами технических и гуманитарных специальностей уменьшается: при ответе на вопрос: «После окончания бакалавриата Вы пойдете в магистратуру?» ответ «да» выбрали 55% представителей гуманитарных специальностей против 33% студентов технических специальностей.

Значительное число ориентированных на продолжение обучения, видимо, объясняется тем, что лишь каждый десятый полагает, что получаемое образование не соответствует требованиям возможного работодателя.

Большинство опрашиваемых понимают возможные сложности при трудоустройстве, считая, что столкнутся с проблемой трудоустройства (58,4%), как и большинство выпускаемых (80%). Исходя из представленных данных можно говорить о том, что существует направленность на отрицательные профессиональные ожидания. Это связано с объективными проблемами и недостатками, которые сейчас существуют. Студенты же в своей

основе хотели бы вносить положительные профессиональные ожидания, это проявляется, во-первых, в том, что им нравится получаемая специальность, во-вторых, несмотря на то, что хорошие оценки, по мнению студентов, не важны работодателю, студенты все равно продолжают хорошо учиться, принимают участие в различных мероприятиях.

Затронем еще одну проблему — последствий ничегонеделания нашего государства (17 и 18 вопрос). Наличие у большой группы студентов отрицательных ожиданий начинает влиять на общество, формируя в нем «пессимистический» стереотип. Он достаточно опасен, потому что заранее несет в себе отрицательные профессиональные ожидания, и, к сожалению, в настоящее время этот стереотип весьма распространен. Это связано с тем, что он носит «вирусный» характер: предвзятое мнение одного студента со временем превращается у него в стереотип, в дальнейшем он начинает влиять на всю группу обучающихся вместе с ним. Хотя объективных оснований для такого стереотипа может и не быть, невозможность устройства по своей специальности может быть вызвана перегруженностью определенной профессиональной ниши. Поскольку такой «застой» может продолжаться довольно длительный период, то первоначальное предвзятое мнение нескольких студентов становится стереотипом в общественном сознании. А потом данный стереотип начинает существовать автономно и уже сам начинает влиять на формирование профессиональных ожиданий.

Основная причина, называемая студентами, из-за которой им сложно трудоустроиться, — это государство. Данную причину выбрали 73% опрошенных. В ходе фокус-группы мнения по данному вопросу, то есть виновато государство или нет, разделись на два противоположных полюса. Первая группа считала, что государство винят лишь ленивые студенты, которые сами не хотят, да и не могут обустроить свою жизнь в профессиональном ключе. Вторая группа считает, что государство действительно виновато, поскольку у него нет грамотного механизма регулирования образовательной среды. То есть государство своими действиями создало в общественном сознании установку на получение высшего образования, при этом не учитывая всех последствий своих действий.

Для получения однозначного ответа — виновата ли политика, проводимая государством в этой сфере, в том, что молодым специалистам сложно устроиться на работу, мы обратились к вторичному анализу данных. Так, Ю. В. Голисова в своей работе пишет следующее: «На деле часто такого не происходит, наоборот, капитал обесценивается, не принося ни малейшей выгоды и только усложняя жизнь тому, кто им владе-

ет. Таким образом, образуется отрицательный человеческий капитал» [3]. В целом, рассматривая современную систему высшего образования, следует констатировать один немаловажный факт: она не нацелена напрямую на практическое применение полученных знаний в экономике. С точки зрения общества массовизация высшего образования не несет каких-либо отрицательных последствий, она способствует повышению интеллектуального уровня, просвещению, гармонизации социума, развитию культуры и искусства и т. д. [3]. Но с точки зрения экономики, массовизация высшего образования опасна и деструктивна. Это связано с тем, что государство увеличивает процент образованных людей, не создавая для них рабочих мест. Схожая идея встречается и у авто-

ра другой статьи об избыточном образовании. Он пишет, что «раскрученный годами маховик никак не может остановиться, продуцируя маловостребованную и дорогую рабочую силу (не будем здесь говорить о людях, затративших на свое обучение значительные суммы, которые они не в состоянии будут вернуть даже частично)» [4].

В ходе проведения фокус-группы было высказано интересное мнение, что государство может быть и виновно в сложившейся ситуации, но не стоит исключать и других виновников, таких как вузы и предприятия (работодатели). Это касалось вопроса оторванности вузов от предприятий и, как следствие, от практической деятельности, в связи с чем, по мнению опрошенных, возникает проблема с трудоустройством.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Аналитический отчет по результатам социологического исследования удовлетворенности студентов качеством образовательного процесса в вузе в 2011–2012 году [Электронный ресурс]. URL: <http://psy-kons.ru/profkonsultirovanie/ozhidaniy.html/>.
2. Власов Н. М. Особенности профессионального самоопределения и трудоустройства российских студентов // *Власть*. 2011. № 4. С. 38–41.
3. Голиусова Ю. В. Избыточное образование как компонент отрицательного человеческого капитала // Развитие человеческого потенциала как условие и фактор модернизации России и ее регионов: сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Уфа, 19–20 ноября 2015 г.) / под ред. Р. М. Валиахметова, Г. Ф. Хилажевой. Уфа, 2015. С. 356–358.
4. Избыточное образование — проблема для экономики [Электронный ресурс]. URL: <http://vadim-galkin.ru/politics/izbytochnoe-obrazovanie-problema-dlya-ekonomiki/>.
5. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 872.
6. Словарь практического психолога / сост. С. Ю. Головин. Минск, 1998. С. 301.
7. Шалимова А. М. Социально-психологические факторы профессиональных ожиданий студентов-социологов : дис. ... д-ра психол. наук. Москва, 2014. С. 173.

REFERENCES

1. Analytical report on the results of a sociological study of student satisfaction with the quality of educational process at the university in 2011–2012. URL: <http://psy-kons.ru/profkonsultirovanie/ozhidaniy.html/>.
2. Vlasov, N. M. (2011) Features of professional self-determination and employment of Russian students. *Vlast*, 4, 38–41 (in Russian).
3. Goliusova, Yu.V. (2015) Excess education as a component of negative human capital. *Human potential development as a condition and factor of modernization of Russia and its regions*: collection of articles of the All-Russian Scientific and Practical Conference (Ufa, November 19–20, 2015) / ed. R. M. Valiakhmetov & G. F. Hilazheva. Ufa, 356–358 (in Russian).
4. Excess education is a problem for the economy. URL: <http://vadim-galkin.ru/politics/izbytochnoe-obrazovanie-problema-dlya-ekonomiki/>.
5. Ozhegov, S. I. (1992) Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow, 872 (in Russian).
6. Golovin, S. Yu. (1998) Dictionary of practical psychologist. Minsk, 301 (in Russian).
7. Shalimova, A. M. (2014) Socio-psychological factors of professional expectations of sociology students: doctoral dissertation. Moscow, 173 (in Russian).

Поступила в редакцию: 09 октября 2018 г.
Принята к печати: 21 октября 2018 г.

ДОХОДЫ НАСЕЛЕНИЯ АЛТАЙСКОГО КРАЯ: ГДЕ КОНЦЕНТРИРУЮТСЯ ВЫЗОВЫ И УГРОЗЫ?¹

А. М. Сергиенко

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Новосибирск, Россия)

В статье представлены результаты анализа вызовов и угроз в сфере доходов населения на примере Алтайского края. Рассмотрены теоретические и методические основы оценки угроз в сфере доходов населения, особый акцент сделан на анализе теоретических вопросов социальной и национальной безопасности. Дано авторское представление об индикаторах и критериях выявления вызовов и угроз в сфере доходов населения, выделены проблемы их измерения. На основе статистического анализа выявлены особенности динамики среднедушевых денежных и реальных доходов населения, среднемесячной номинальной и реальной заработной платы работников организаций, показателей неравенства по доходам и бедности в крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2010-х гг. Наряду с позитивными трендами в сфере доходов населения выявлены ключевые вызовы и угрозы. К таким вызовам и угрозам, ведущим к негативным последствиям для развития региона, относятся прежде всего низкая заработная плата, масштабная бедность и растущие неравенства. Показаны пути преодоления данных вызовов и угроз.

Ключевые слова: доходы населения, неравенство, бедность, вызовы, угрозы, агропромышленный регион.

INCOMES OF ALTAI TERRITORY POPULATION: WHERE DO CHALLENGES AND THREATS FOCUS?

A. M. Sergienko

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia)

The article presents the results of the analysis of challenges and threats in the population income sphere on the example of the Altai territory. The theoretical and methodical basis for the assessment of threats in the income sphere are considered. Special emphasis is made on the analysis of theoretical issues of social and national security. The author gives your own vision of the indicators and criteria for identifying the challenges and threats in the population income sphere, of the problems of their measurement. On the basis of statistical analysis, the features of the dynamics of per capita money and real incomes of the population, the average monthly nominal and real wages of employees, indicators of inequality in the population income and poverty in the Altai territory are revealed against the background of Russia and the regions of the Siberian Federal district for the period from the beginning of 2010. Along with the positive trends in the population income, the key challenges and threats are identified. Such challenges and threats, leading to negative consequences for the region development, include, first of all, low wages, large-scale poverty and growing inequalities. The ways of overcoming these challenges and threats are shown.

Keywords: population incomes, inequality, poverty, challenges, and threats, agro-industrial region.

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.174.1.1 (0325–2016–0008) «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17–117022250133–9.

Современный период в развитии экономики и социальной сферы России, а также ее регионов характеризуется, как известно, множественными внешними и внутренними вызовами и угрозами, часть которых концентрируется в сфере доходов населения. Масштабность и конфигурация вызовов и угроз в сфере доходов жителей регионов связана с геополитическими и социально-экономическими особенностями их развития [1–8], обусловленными в значительной мере таким драйвером, как человеческий потенциал региона [9–10], который, в свою очередь, зависит от уровня и качества жизни населения, определяемых во многом ситуацией в сфере доходов населения, их динамикой и характером распределения.

В данной статье на примере Алтайского края рассмотрим современное состояние характеристик сферы доходов населения как важнейшей составляющей уровня и качества жизни и на их основе выделим вызовы и угрозы безопасности социально-экономического развития региона в данной сфере.

Теоретические и методические основы выявления угроз в сфере доходов населения. Не претендуя на полноту освещения в данной статье теоретических основ оценки угроз безопасности устойчивому, сбалансированному развитию региона, представим здесь лишь отдельные аспекты, связанные со сферой доходов населения. В научной литературе можно встретить труды в области теории и эмпирического измерения такого рода угроз различной природы. Так, в работах С. В. Казанцева среди угроз безопасности экономического развития региона, наряду с демографическими угрозами (обезлюдения региона и присутствия иностранных мигрантов на рынке труда), угрозами экономического отставания от развитых стран и превращения регионов в сырьевой придаток мировой экономики, опасностями неравенства экономического развития субъектов РФ и влияния экономического спада и антироссийских санкций на их экономическое положение, различий в транспортной обустроенности территорий и рядом других внутренних и внешних угроз, автором выделяются также опасности разрыва в доходах населения [5, 11].

Безопасность в научной литературе обычно понимается как отсутствие угрозы и риска ее возникновения, как состояние защищенности объекта. Выделяются различные классификации видов безопасности, в том числе по сферам проявления (социальная, экономическая, политическая, техническая и проч.), по территории (международная, национальная, региональная и др.), по уровню реализации (личная, групповая, общественная). В частности, под социальной безопасностью одним из ведущих ученых в данной

области исследований У. Беком понимается «защищенность социальных субъектов от угроз, разрушающих их жизненно важные интересы, права и свободы, призванная поддерживать постоянное воспроизводство их жизнедеятельности и развития в рамках целостного сообщества» [12, с. 130]. Исследователи связывают проблемы обеспечения социальной стабильности с соблюдением и защитой социальных прав и свобод личности. Так, Г. Силласте рассматривает угрозы социальной безопасности как явления и процессы, вследствие возникновения и развития которых происходят резкие, возможно даже качественные негативные изменения в образе жизни, ущемляются жизненно важные социальные права личности (на жизнь, труд, профессию и гарантированную заработную плату, бесплатное здравоохранение, образование, доступный отдых) [13, с. 14].

Опираясь на теорию трансформационного пространства Т. Заславской [9], мы предлагаем понимать под социальной безопасностью совокупность условий жизнедеятельности населения при отсутствии социальных угроз, т. е. условий, определяющих его социальное положение в соответствии с нормами социального благополучия и способствующих развитию социальной структуры общества, ее социальных институтов и человеческого потенциала. В таком случае доходы населения и их распределение являются факторами формирования социальной безопасности, как, впрочем, и других составляющих безопасности (экономической, политической).

Одним из ключевых политических документов по угрозам безопасности страны является «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» [22]. В данной Стратегии под угрозами безопасности понимается совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нанесения ущерба национальным интересам; причем под последними понимаются объективно значимые потребности личности, общества и государства в обеспечении их защищенности и устойчивого развития. К национальным интересам на долгосрочную перспективу, стратегическим национальным приоритетам отнесено, в частности, повышение качества жизни российских граждан, а стратегическими целями обеспечения национальной безопасности в области повышения качества жизни являются, согласно Стратегии, развитие человеческого потенциала, удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей граждан, снижение уровня социального и имущественного неравенства, прежде всего, за счет роста доходов населения.

Среди угроз качеству жизни выделено, в частности, усиление дифференциации населения

по уровню доходов, а децильный коэффициент (соотношение доходов 10% наиболее обеспеченного населения и 10% наименее обеспеченного населения) отнесен к группе основных показателей оценки состояния национальной безопасности. Среди направлений, гарантирующих повышение качества жизни граждан, выделено, в частности, достойная оплата труда и достойное пенсионное обеспечение.

Опираясь на фундаментальные выводы по диагностике и оценке угроз развития региона, сконцентрированных в сфере доходов населения [1–9, 11, 14–15], и исходя из теории национальной безопасности и политических основ обеспечения национальной безопасности в России, в качестве основных индикаторов выявления угроз в сфере доходов населения региона выделим динамику и структуру его доходов, бедность и неравенство по доходам. Критериями выявления угроз в данном случае для региона могут стать, например, следующие характеристики явлений и процессов в данной сфере: снижение реальных доходов жителей региона, существенное отставание по среднедушевым доходам населения и их соотношению с прожиточным минимумом от аналогичных показателей по стране, регионам федерального округа; значительные территориальные различия по доходам в регионе, приводящие к угрозам масштабной миграции и демографического воспроизводства (между городом и селом, между сельскими районами); рост и масштабы различий между крайними децильными группами, превышение их нормативного уровня; рост бедности, превышение ее нормативного уровня, наличие голодающих; низкая доля и сокращение среднего класса; низкий (с позиции соотношения затрат и результатов) уровень заработной платы, масштабные задержки по выплате.

Как измерять индикаторы угроз по данным критериям? Как известно, качество измерения — одна из методологических проблем общественных наук. Для нас главным источником и методическим ориентиром для сравнительных исследований доходов населения в регионах страны является, прежде всего, государственная статистика, несмотря на все имеющиеся при этом погрешности и ограничения (отсутствие или слабый учет теневых доходов, часто небольшие объемы выборки, например, для бюджетных обследований домохозяйств и проч.).

Поскольку для оценки угроз особое значение имеет субъективная оценка их восприятия людьми (с учетом объективных условий), результаты социологических исследований используются как дополнительный альтернативный источник, поскольку они, во-первых, выборочны (не охва-

тывают все территории), не всегда репрезентативны для оценки ситуации на отдельных территориях и редко представляют собой ежегодный мониторинг.

В данной статье для оценки угроз в сфере доходов населения представим результаты анализа динамики среднедушевых и реальных денежных доходов населения. Поскольку именно заработная плата как основной источник доходов населения включена в оценку угроз национальной безопасности, проведем также анализ динамики среднемесячной номинальной и реальной заработной платы работников организаций региона. Для оценки неравенства по доходам воспользуемся децильным коэффициентом (соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения) и коэффициентом Джини (индекс концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным группам населения). Оценка бедности будет проведена на основе показателя доли населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума в общей численности населения.

Результаты исследования основаны на данных государственной статистики в 2010–2017 гг., в отдельных случаях мы обращаемся к анализу более ранних периодов для объяснения происходящих процессов и выявления более длинных трендов.

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная номинальная заработная плата. Начиная с 2011 г. Алтайский край компенсировал падение уровня среднедушевых доходов населения, вызванное глобальным экономическим кризисом (на 8,7–8,9 п. п. с 2008 г. до 2009–2010 гг.), более интенсивным восстановительным ростом доходов населения в сравнении с Россией и в еще большей степени — с регионами СФО, что отразилось на сокращении отставания от среднего по России и по СФО (табл.). За 2011–2017 гг. доходы в крае выросли в 2 раза по сравнению с 1,7 раза в РФ. В целом, несмотря на заметное сокращение с начала 2000-х гг. почти двукратной разницы с Россией и еще более сильное — в сравнении с регионами СФО, масштабы отставания края от России по доходам населения остались значительными (подробнее см.: [7, с. 230–235]). За 2011–2017 гг. данное отставание от среднего по России сократилось более чем на 12% (с 41,8% до 29,7%). В 2016 г. доходы в крае составляли уже 90,6% от уровня СФО против 73,5% в 2010 г. Позиции края по доходам населения в 2016 г. стали более сильными, чем у четырех регионов СФО (рис. 1), тогда как в 2010 г. край опережал по этому показателю только Республику Тыва.

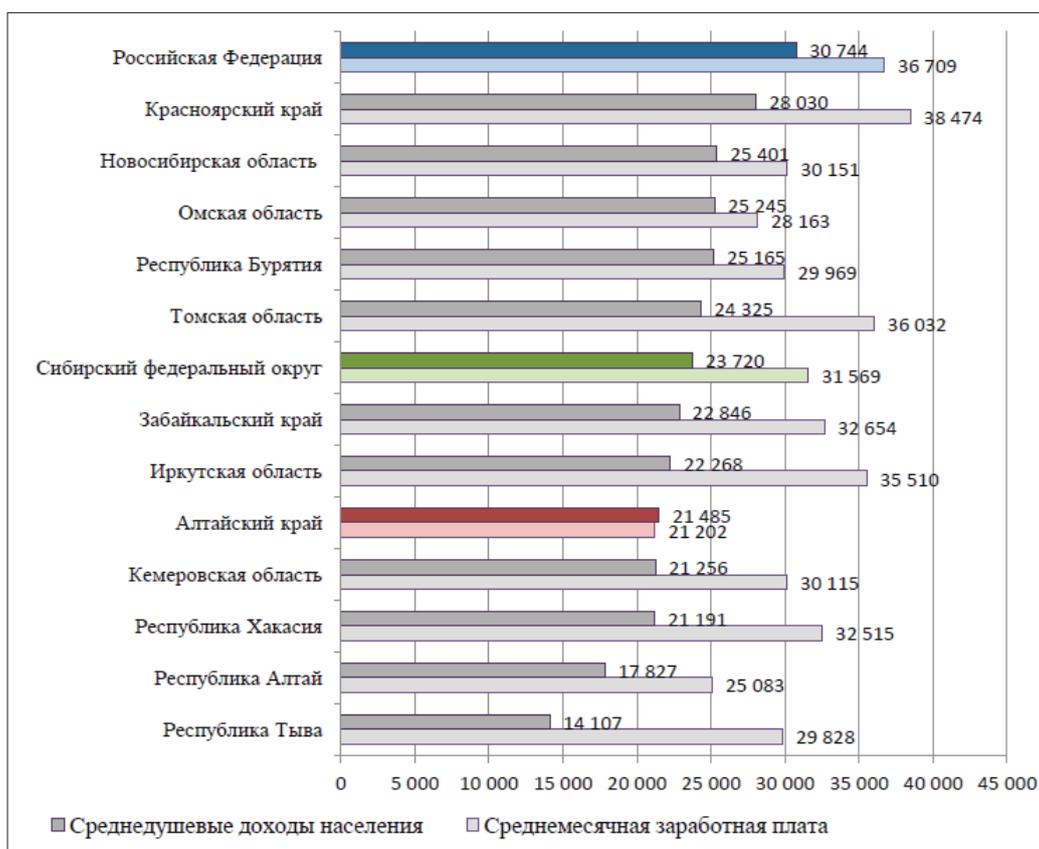

Рис. 1. Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций России, Сибирского федерального округа и его регионов в 2016 г., рублей

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 242–245.

Среднедушевые денежные доходы населения и среднемесячная начисленная зарплата работников организаций в 2010–2017 гг., руб. в месяц

	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017
<i>Доходы населения:</i>								
Российская Федерация	18958	20780	23221	25928	27766	30467	30744	31477
Сибирский федеральный округ	15007	16568	18474	20454	21490	23569	23720	...
Алтайский край	11029	12500	13617	15979	18434	20985	21485	22130
<i>Зарботная плата:</i>								
Российская Федерация	20952	23369	26629	29792	32495	34030	36709	39144
Сибирский федеральный округ	18658	20890	23789	26398	28347	29616	31569	...
Алтайский край	12051	13823	16010	18011	19456	20090	21202	22732

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 242–245; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 115; Социально-экономическое положение Алтайского края. 2017. Стат. докл. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 108–110.

За 2011–2017 гг. среднемесячная начисленная зарплата работников организаций Алтайского края выросла в 1,9 раза, почти такой же рост данного показателя наблюдался в стране

(табл.). Отставание по зарплате от страны сохраняется более весомым, чем по доходам, причем с начала 2010-х гг. его размеры почти не изменились. В 2017 г. среднемесячная начисленная за-

рабочая плата работников организаций края составляла 58,1% от средних значений по России (57,5% в 2010 г.). Наблюдалось некоторое сокращение отставания по данному показателю края от СФО (67,2% от уровня СФО в 2016 г. против 64,6% в 2010 г.). С начала «нулевых» Алтайский край занимает почти стабильно последнюю позицию в СФО с растущим отставанием по данному показателю от ближайшего соседа республики Алтай, одно из последних в стране [7, с. 230–235].

Реальные денежные доходы населения и реальная заработная плата. После значительного падения реальных доходов в кризисном 2009 г. (на 15,1%) все последующие годы до 2014 г. включительно в крае наблюдался прирост. В 2015–2017 гг. реальные доходы населения в крае «потеряли» от уровня предыдущего года 1,1; 4,8 и 1,5% соответственно, тогда как в России сокращение реальных доходов наблюдалось уже с 2014 г. и его масштабы были в среднем более значительными, отражая последние кризисные явления в экономике. В итоге рост реальных доходов жителей Алтайского края за рассматриваемые 2011–2017 гг. составил 116,4% в сравнении с 2010 г., тогда как в России они даже немного снизились (99,1%). Жители СФО также в среднем потеряли в доходах (99,4% в 2016 г. от уровня 2010 г.).

Реальная начисленная заработная плата работающих в экономике в Алтайском крае практически повторяет в своей динамике тренд реальных доходов [7, с. 235–239]. В 2011–2013 гг. реальная зарплата в крае ежегодно прирастала темпами выше среднего по стране и регионам СФО, но кризисные явления в экономике последних лет проявились в Алтайском крае более существенно. В 2014–2016 гг. годовая реальная зарплата в крае сокращалась, особенно значительно в 2015 г. (на 10%), и лишь в 2017 г. вновь наблюдался ее рост (103,5%), тогда как в России только в 2015 г. зафиксировано ее падение. Но в целом с начала 2010-х гг. реальная зарплата в Алтайском крае выросла чуть более значительно, чем в стране: на 12,8% против 11,2%.

Соотношение среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума. Динамика соотношения среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума (ПРМ) соответствующих социально-демографических групп более чувствительно отражает изменения уровня жизни, покупательной способности населения в сравнении с трендами реальных доходов и заработной платы.

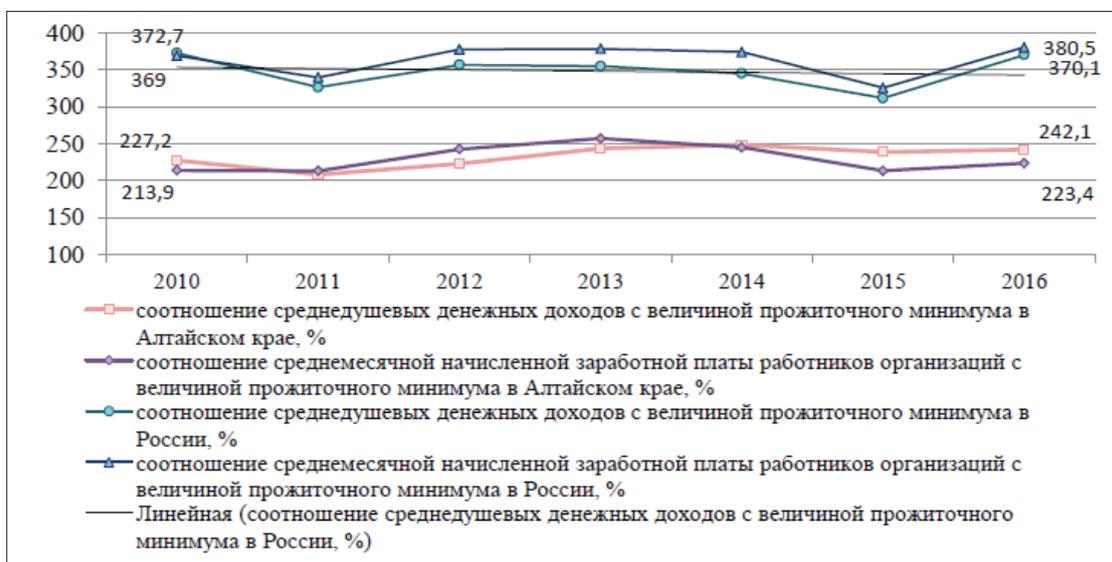

Рис. 2. Соотношение доходов населения и заработной платы работников организаций с величиной прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2010–2016 гг.*

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156

* С 2013 г. изменен порядок расчета величины прожиточного минимума Федеральным законом от 3 декабря 2012 г. № 233-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О прожиточном минимуме в Российской Федерации». Соотношение заработной платы с величиной прожиточного минимума рассчитано для населения трудоспособного возраста.

Покупательная способность доходов и заработной платы жителей края в 2010-х гг. «ведет себя» неустойчиво (рис. 2). В этот период сокращение доходов и заработной платы по отношению к ПРМ происходило дважды, причем в отличие от доходов, которые падали в 2011 г. (как отголосок глобального экономического кризиса 2008–2009 гг.) и в 2015 г., падение заработной платы происходило еще в 2014 г. Вместе с тем в те годы снижение покупательной способности доходов и заработной платы в крае было менее глубоким, чем в стране. В целом же за 2011–2016 гг. показатели покупательной способности доходов жителей края выросли на 14,9 п. п. (достигнув 2,42 бюджета ПРМ), заработной платы — на 9,5 п. п. от своей величины (до 2,23 бюджета ПРМ). В итоге отставание по этим показателям (особенно по доходам) от России в целом сократилось: в 2016 г. покупательная способность доходов жителей края составляла 65,4% от аналогичного показателя по стране (против 61% в 2010 г.), а заработной платы — 58,7% (58% в 2010 г.).

Дифференциация населения по доходам и динамика бедности.

Сдвиги в неравенстве по доходам. Период 2011–2014 гг. характеризовался продолжением восстановления прежних максимальных масштабов дифференциации, измеряемой по децильному коэффициенту, которые были достигнуты накануне

не глобального кризиса: 12,3 раза в 2008 и 2014 гг. (рис. 3)¹. В 2015 г. этот показатель в регионе, как и в стране, отразил процессы небольшого сокращения неравенства вследствие кризисных явлений в экономике, и в целом за 2016–2017 гг. эти значения не изменились (12 раз). Дифференциация доходов населения по данному показателю в Алтайском крае заметно меньше аналогичной в стране, но за 2011–2017 гг. разница в дифференциации между Россией и Алтайским краем сократилась до минимальных размеров за последние более чем десять лет — менее чем 1,3 раза.

Динамика коэффициента Джини (индекса концентрации доходов, отражающего степень неравномерности распределения доходов по отдельным социальным группам) соответствует обозначенным выше тенденциям децильного коэффициента (рис. 4). Результатом восстановленной (после глобального кризиса) тенденции данного коэффициента в 2010–2014 гг. стала вновь максимальная величина неравенства по доходам населения за последние почти 20 лет (38% в 2014 г.). Экономический кризис в 2015 г. слегка «пошатнул» растущий тренд социального расслоения (37,5). В 2016–2017 гг. наблюдались лишь незначительные колебания. В целом же за 2011–2017 гг. данный показатель вырос на 1,4 п. п. (на 3,9%, тогда как в стране сократился на 2,6%) и достиг уровня лишь на 3,4 п. п. ниже российского уровня.

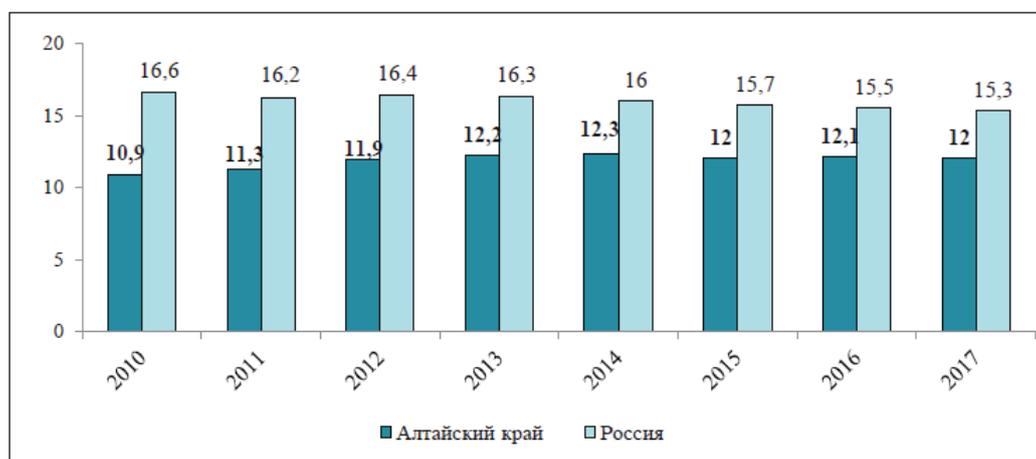

Рис. 3. Соотношение доходов 10% наиболее и 10% наименее обеспеченного населения (децильный коэффициент) в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., в размах

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 118; Алтайский край в цифрах. 2013–2017: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 41.

¹ Подробнее о бедности и неравенстве в Алтайском крае в сравнении с Россией с начала 1990-х гг. см.: [8, с. 239–255; 16, с. 200–204].

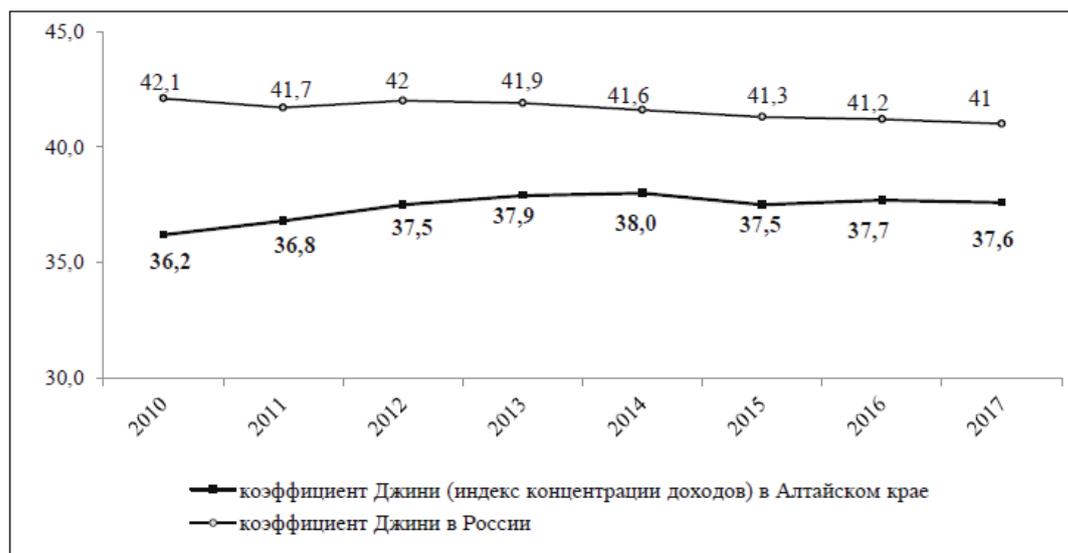

Рис. 4. Динамика концентрации доходов населения (коэффициент Джини) в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., %

Источник: Данные Росстат: стат. сб. «Регионы России. Социально-экономические показатели» за 2011–2017 гг. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1138623506156; Россия в цифрах. 2018: крат. стат. сб. / Росстат. М., 2018. С. 126; Алтайский край в цифрах. 2013–2017: крат. стат. сб. / Управление Федеральной службы государственной статистики по Алтайскому краю и Республике Алтай. Барнаул, 2018. С. 41.

Динамика бедности. За первые шесть лет в 2010-х гг. бедность в крае сократилась на 26,4% (с 23,9% в 2010 г. до 17,6% в 2016 г.), тогда как в России в целом, напротив, выросла на 5,6% (рис. 5). Причем сокращение бедности в крае происходило на протяжении всего рассматриваемого периода,

да, за исключением 2015 г. В тот кризисный год бедность в регионе выросла на 5% (до 17,9%), тогда как в стране почти на 19% (до 13,3%). В целом за 2011–2016 гг. бедность сократилась на 36%, тогда как в стране — на 6%.

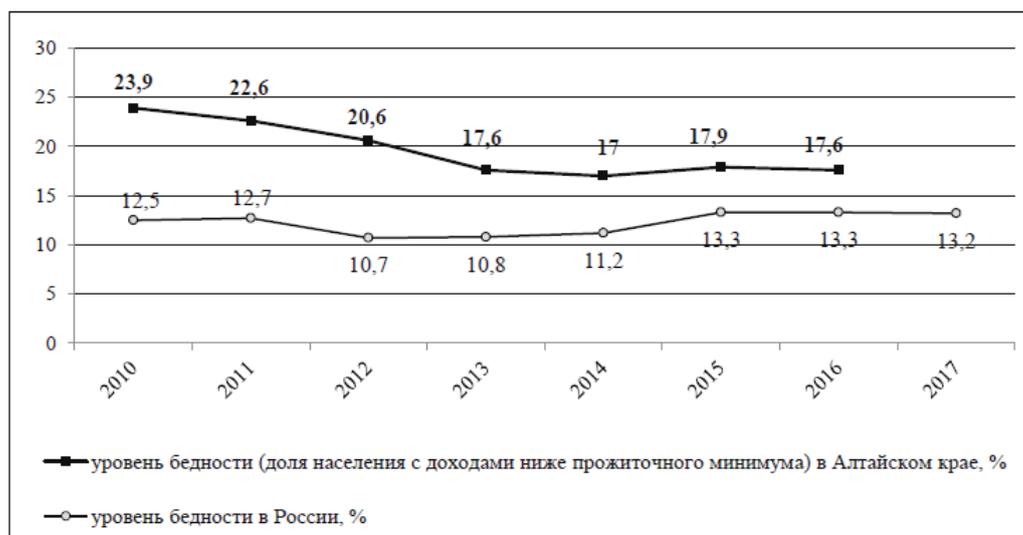

Рис. 5. Доля населения с доходами ниже прожиточного минимума в России и Алтайском крае в 2010–2017 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 280, 283.

В 2016 г. масштабы бедности в регионе уже только в 1,3 раза превышали российские в сравнении с почти двукратной разницей в 2010 г.

На фоне регионов СФО Алтайский край вместе с республикой Хакасия занимали в 2016 г. пятую и шестую позиции от наименьшего уровня бедности (в сравнении с предпоследней двенадцатой пози-

цией края в 2010 г.); соответственно население шести сибирских регионов живет беднее жителей края (рис. 6). В сравнении с 2015 г., когда население всех 12 регионов Сибирского федерального округа стало беднее, в 2016 г. продолжали беднеть жители только семи регионов, в остальных пяти, наряду с Алтайским краем, — бедность сократилась.

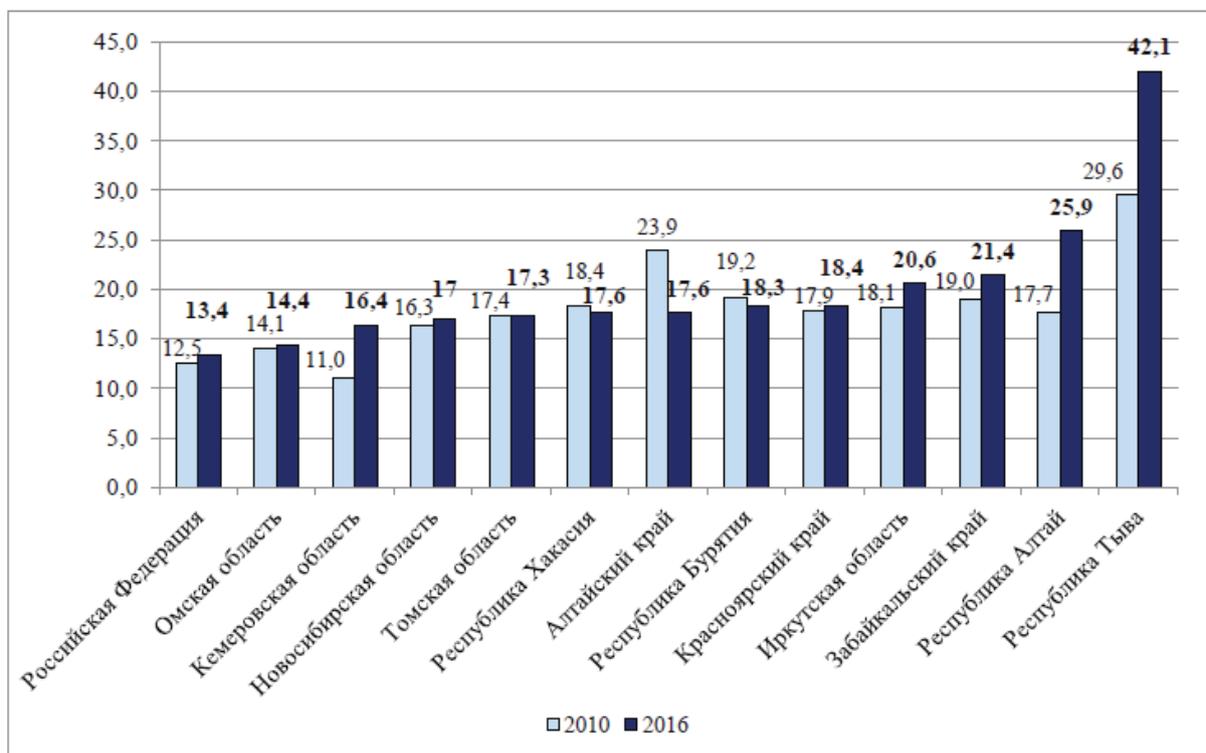

Рис. 6. Доля населения регионов Сибирского федерального округа и России с доходами ниже прожиточного минимума в 2010 и 2016 гг., %

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: стат. сб. / Росстат. М., 2017. С. 280, 283.

Заключение. О вызовах и угрозах в сфере доходов населения и государственной политике. Итак, анализ динамики и дифференциации доходов населения в Алтайском крае на фоне России и регионов Сибирского федерального округа за период с начала 2010-х гг. позволил выявить ряд позитивных трендов, среди них:

- более интенсивный, чем в стране в целом, рост среднедушевых доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы работников организаций края, что привело к сокращению отставания от среднероссийского уровня и усилению позиций в СФО по данным показателям;
- увеличение реальных доходов, тогда как в России в целом они даже сократились, и более значительный рост реальной заработной платы в сравнении со страной;

- чуть более существенное (чем в стране) увеличение соотношений среднедушевых денежных доходов населения и среднемесячной начисленной заработной платы с величиной прожиточного минимума и, как следствие, небольшое сокращение отставания по данным показателям от России;
- сохранение более низких показателей неравенств по доходам в сравнении со страной, значительное сокращение (почти на треть) масштабов бедности при незначительном уменьшении ее размеров в стране, существенное улучшение позиций по данному показателю на фоне регионов СФО.

Вместе с тем вызовами для края остаются значительные масштабы отставания от России по доходам (более чем на четверть в 2017 г.) и по ее соотношению с прожиточным минимумом. Особенно

угрожающими являются отставание от страны в целом по заработной плате (более чем на 40%), ее негативная динамика в соотношении с прожиточным минимумом с начала 2010-х гг., стабильно последняя позиция по зарплате в СФО и предпоследняя в стране. Обращают на себя особое внимание также продолжающиеся в текущем десятилетии процессы роста неравенств по доходам в крае (по децильному коэффициенту и коэффициенту Джини), что «идет в разрез» российским трендам на их сокращение. Результатом этого является значительное сокращение отставания по неравенствам от России, выход на близкие масштабы дифференциации по доходам. Кроме того, в крае остается еще высоким уровень бедности (17,6%), почти на треть выше среднероссийского показателя. В условиях роста социально-экономической мобильности населения все это приводит к росту миграционного оттока экономически активной части жителей края, особенно молодежи [7, с. 216–228; 17].

Все эти вызовы и угрозы устойчивому социально-экономическому развитию региона, сконцентрированные в сфере доходов его жителей, должны стать объектами особого внимания для органов государственного управления. При этом следует учитывать ограниченные возможности государственной статистики в измерении доходов населения, процессов бедности и неравенств по доходам. И, кроме того, необходимо принимать во внимание значительные территориальные неравенства по доходам населения, в том числе почти полуторакратное отставание российских сельских домохозяйств от городских [7, с. 247–255, 315–331; 18, с. 80–125].

Перспективные возможности роста реальных доходов, сокращения масштабов бедности и социально-экономических неравенств зависят от использования системных механизмов повышения уровня и качества жизни, стимулирования экономической активности, предпринимательства и формирования других социальных лифтов преодоления бедности, активной борьбе с социаль-

но-экономической поляризацией. Огромную роль в преодолении вызовов и угроз, укоренившихся в сфере доходов населения региона, играет государственная социальная политика, происходящие перераспределительные процессы в социально-экономической сфере в пользу низкодоходных слоев населения [7, с. 230–239; 16, с. 199–200]. В частности, одним из реализуемых в настоящее время государственных мер роста реальных доходов и сокращения бедности, которые должны отразиться в первую очередь на регионах с самыми низкими доходами населения, является повышение минимального размера заработной платы до уровня прожиточного минимума в регионе. Значительный эффект в таких регионах может быть получен и от сокращения теневой составляющей эффективной борьбы с коррупцией.

Преодоление вызовов и угроз, связанных с бедностью и неравенствами в регионах с высокой долей сельского населения, таких как Алтайский край, осложняется тем, что в условиях восходящей социальной мобильности, улучшения положения сельчан часто те, кто получает помощь, «поднимается из бедности», при удобном случае уезжает из села [17–21]. Российский опыт социально-экономической поддержки села показывает, что только материальной поддержки сельских жителей недостаточно, даже если она будет сравнительно значимой (как, например, это было сделано в программах привлечения молодых врачей и учителей в села, стимулирования начинающих фермеров). Помимо известных эффективных механизмов сокращения бедности и чрезмерных неравенств, которые можно применить ко всему российскому обществу (к примеру, постепенного введения прогрессивной шкалы налогообложения), политика на селе должна быть сфокусирована на стимулировании занятости и экономической активности, развитии социальной инфраструктуры и социальной поддержки силами государства с учетом интересов и развивающихся практик самого сельского сообщества.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Алиев У. Т. Экономический рост, уровень жизни и неравенство в нефтедобывающих странах постсоветского пространства // Уровень жизни населения регионов России. 2014. №2 (192). С. 97–108.
2. Бобков В. Межрегиональное неравенство уровня жизни: состояние и вектор развития // Экономист. 2012. №12. С. 46–58.
3. Глазырина И. П., Клевакина Е. А. Экономический рост и неравенство по доходам в регионах России // ЭКО. 2013. №11. С. 113–128.
4. Зубаревич Н., Хасанова Р. Регионы России: социальное развитие и демографические тенденции (по результатам регулярного Мониторинга ИНСАП РАНХиГС) // Экономическое развитие России. 2017. №7. С. 64–74.
5. Казанцев С. В. Защищенность экономики регионов России. Новосибирск, 2014. 180 с.

6. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедные страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой ; под ред. В. Автономова. М., 2015. 384 с.
7. Трансформационные процессы и формирование конкурентных преимуществ в Алтайском крае : колл. монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Новосибирск, 2017. 423 с.
8. Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края: социально-экономические и пространственные аспекты : коллективная монография / науч. ред. А. Я. Троцкий. Барнаул, 2013. 330 с.
9. Заславская Т. И. Избранные произведения : в 3 т. М., 2007. Т. 2. Трансформационный процесс в России. В поисках новой методологии. 591 с.
10. Перспективы и риски развития человеческого потенциала в Сибири / отв. ред. В. В. Кулешов. Новосибирск, 2014. 269 с.
11. Казанцев С. В. Опасность социально-экономического неравенства. Новосибирск, 2016. 70 с.
12. Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000. 384 с.
13. Силласте Г. Социальная безопасность личности, общества и государства // Безопасность Евразии. 2000. № 1. С. 7–31.
14. Гонтмахер Е. Ш. Российские социальные неравенства как фактор общественно-политической стабильности // Вопросы экономики. 2013. № 4. С. 68–81.
15. Казанцев С. В. Количественная оценка неравенства доходов в Российской Федерации. Новосибирск, 2017. 96 с.
16. Сергиенко А. М. Динамика и дифференциация доходов населения Алтайского края с начала рыночных реформ // Уровень жизни населения регионов России. 2016. № 1. С. 194–205.
17. Сергиенко А. М., Иванова О. А. Миграция сельской молодежи в аграрном регионе: тенденции и регуляторы // Регион: экономика и социология. 2018. № 1. С. 116–141.
18. Бедность сельской России в условиях модернизации экономики: процессы и механизмы формирования и преодоления : коллективная монография / под общ ред. А. М. Сергиенко. Барнаул, 2014. 330 с.
19. Davies A. Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities // Geographical Research. 2008. № 46. P. 162–171.
20. Min-Harris C. Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth // Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa 2000. P. 159–186.
21. Shucksmith M. Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. York, 2000. 63 p.
22. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации // Официальный сайт компании «КонсультантПлюс» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.consultant.ru/>.

REFERENCES

1. Aliyev, U. T. (2014) Economic growth, living standards and inequality in the oil-producing countries of the post-Soviet space. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 2 (192), 97–108 (in Russian).
2. Bobkov, V. (2012) Interregional inequality of living standards: state and vector of development. *Economist*, 12, 46–58 (in Russian).
3. Glazyrina, I. P. & Klevakina, E. A. (2013) Economic growth and income inequality in the regions of Russia. *EKO*, 11, 113–128 (in Russian).
4. Zubarevich, N. & Khasanova, R. (2017) Regions of Russia: social development and demographic trends (according to the results of regular monitoring of INSAP RANEPА). *Economic Development of Russia*, 7, 64–74 (in Russian).
5. Kazantsev, S. V. (2014) The security of the economy of the regions of Russia. Novosibirsk, 180 (in Russian).
6. Rainer, E. S. (2015) How rich countries have become rich, and why poor countries remain poor. Moscow, 384 (in Russian).
7. Transformational processes and the formation of competitive advantages in the Altai Territory: collective monograph (2017). Ed. A. Ya. Trotskovsky. Novosibirsk, 423 (in Russian).
8. Sustainable development of rural areas of the Altai Territory: socio-economic and spatial aspects: collective monograph (2013). Ed. A. Ya. Trotskovsky. Barnaul, 330 (in Russian).
9. Zaslavskaya, T. I. (2007) Selected Works: In 3 vols. Vol. 2. The transformation process in Russia. In search of a new methodology. Moscow, 591 (in Russian).
10. Prospects and risks of human development in Siberia (2014). Ed. V. V. Kuleshov. Novosibirsk, 269 (in Russian).
11. Kazantsev, S. V. (2016) The danger of socio-economic inequality. Novosibirsk, 70 (in Russian).

12. Bek, U. (2000) Risk Society. On the way to another modernity. Moscow, 384 (in Russian).
13. Sylaste, G. (2000) Social security of the individual, society and state. *Security of Eurasia*, 1, 7–31 (in Russian).
14. Gontmakher, E. Sh. (2013) Russian social inequalities as a factor of social and political stability. *Issues of Economics*, 4, 68–81 (in Russian).
15. Kazantsev, S. V. (2017) Quantitative assessment of income inequality in the Russian Federation. Novosibirsk, 96 (in Russian).
16. Sergienko, A. M. (2016) Dynamics and differentiation of incomes of the population of the Altai Territory since the beginning of market reforms. *The standard of living of the population of the regions of Russia*, 1, 194–205 (in Russian).
17. Sergienko, A. M. & Ivanova, O. A. (2018) Migration of rural youth in the agrarian region: trends and regulators. *Region: Economics and Sociology*, 1, 116–141 (in Russian).
18. Poverty of rural Russia in the context of the modernization of the economy: the processes and mechanisms of formation and overcoming: collective monograph (2014) Ed. A. M. Sergienko. Barnaul. 330 (in Russian).
19. Davies, A. (2008) Declining Youth In-migration in Rural Western Australia: the Role of Perceptions of Rural Employment and Lifestyle Opportunities. *Geographical Research*, 46, 162–171.
20. Min-Harris, C. (2000) Youth Migration and Poverty in Sub-Saharan Africa: Empowering the Rural Youth. *Topical Review Digest: Human Rights in Sub-Saharan Africa*, 159–186.
21. Shucksmith, M. (2000) Exclusive countryside? Social inclusion and regeneration in rural areas. York, 63.
22. National Security Strategy of the Russian Federation. URL: <http://www.consultant.ru/>.

Поступила в редакцию: 05 сентября 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.

К ВОПРОСУ О ВЫЗОВАХ И УГРОЗАХ РАЗВИТИЮ СЕЛЬСКОГО ХОЗЯЙСТВА АЛТАЙСКОГО КРАЯ В 1991–2017 гг.¹

М. А. Сундеева

Институт экономики и организации промышленного производства СО РАН
(Новосибирск, Россия)

Автором статьи предпринята попытка анализа вызовов и угроз развитию сельского хозяйства Алтайского края в 1991–2017 гг., связанных с институциональными изменениями в сельхозпроизводстве и формированием многоукладной аграрной экономики. При этом «вызовами и угрозами развитию» применительно к данной теме предлагается считать любой сбой в целенаправленном и поступательном движении в результате внешнего по отношению к изучаемому объекту (явлению) воздействия либо внутренних противоречий и диспропорций, составляющих его элементов.

В научной литературе, как правило, вызовы (угрозы)² развитию сельского хозяйства не связываются с изменением пропорций в производстве и реализации сельхозпродукции между различными категориями хозяйств. Актуальность изучения этой взаимосвязи, на наш взгляд, не вызывает сомнений, поскольку формирование многоукладного сельского хозяйства, приводит к изменениям в количестве и качестве ресурсов, структуре, объемах и темпах производства сельскохозяйственной продукции, которые в свою очередь, могут выступать в качестве вызовов (угроз) целенаправленному поступательному движению (развитию) отрасли.

Настоящая статья, не претендуя на комплексный анализ проблем экономической безопасности, раскрывает роль различных категорий хозяйств в производстве и реализации сельхозпродукции на разных этапах развития.

Проведена периодизация развития сельского хозяйства Алтайского края в 1991–2017 гг. Выделены три периода: трансформационного развития, стабилизации производства, восстановительного роста. Дана характеристика структуры производства и реализации сельхозпродукции по категориям хозяйств в эти периоды. Названы основные вызовы и угрозы развитию сельского хозяйства Алтайского края в 1991–2017 гг., обусловленные институциональными изменениями 1990-х гг. и развитием многоукладности.

Ключевые слова: Алтайский край, сельскохозяйственное производство, вызовы, угрозы.

ON CHALLENGES AND THREATS TO DEVELOPMENT OF AGRICULTURE OF THE ALTAI TERRITORY IN 1991–2017

M. A. Sundeeva

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy
of Sciences (Novosibirsk, Russia)

The author of the article attempts to analyze the challenges and threats to the development of agriculture in the Altai Territory in 1991–2017, associated with institutional changes in agricultural production and the formation of a mixed agrarian economy. At the same time, “challenges and threats to development” in relation to this topic are proposed to consider any failure in purposeful and progressive movement as a result of an external

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.174.1.1 (0325–2016–0008) «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17–117022250133–9.

² Понятия «вызовы» и «угрозы» в настоящем исследовании употребляются как синонимы.

impact on the object (phenomenon) under study or internal contradictions and disproportions that comprise its elements.

In the scientific literature, as a rule, the challenges (threats) to agricultural development are not associated with changes in proportions in the production and sale of agricultural products between different categories of farms. The relevance of the study of this relationship, in author's opinion, is beyond doubt, since the formation of multi-product agriculture leads to changes in the quantity and quality of resources, structure, volumes and rates of agricultural production, which in turn can act as challenges (threats) targeted forward movement (development) of the industry.

This article, without pretending to a comprehensive analysis of the problems of economic security, reveals the role of various categories of farms in the production and sale of agricultural products at different stages of development.

In the article a periodization of the development of agriculture in the Altai Territory in 1991–2017 is conducted. There are three periods: transformational development, stabilization of production, recovery growth. The characteristic of the structure of production and sales of agricultural products by categories of farms during these periods is given. The main challenges and threats to the development of agriculture in the Altai Territory in 1991–2017, caused by the institutional changes of the 1990s and the development of multi-structure, are defined.

Keywords: Altai Territory, agricultural production, challenges, threats.

К постановке проблемы. Сельское хозяйство, как известно, является одной из отраслей, наиболее подверженных разного рода вызовам³. В связи с этим в научном сообществе всегда уделялось особое внимание таким проблемам, как повышение эффективности использования земельных ресурсов, занятость сельского населения, повышение уровня материально-технической базы сельского хозяйства [1], а также связанным с ними социальным проблемам⁴. В качестве потенциальных вызовов развитию сельского хозяйства нельзя не упомянуть и действий со стороны системы управления, оказывающих в разные исторические

периоды большее или меньшее влияние на сложившуюся систему хозяйственных отношений.

С кардинальной сменой (плановых на рыночные)⁵ принципов, условий ведения хозяйства проблем, угрожающих целенаправленному поступательному развитию сельского хозяйства, не убавилось. Напротив, произошло заметное расширение списка вызовов и угроз, среди которых оказались теперь: разрыв хозяйственных связей, разрушение системы материально-технического обеспечения и заготовок, низкая платежеспособность; сокращение посевных площадей, численности занятых, основных производственных фондов и поголовья сельскохозяйственных животных (прежде всего в общественном секторе) и др. [3, с. 46]. Высокими оказались и социальные издержки рыночного функционирования отрасли, способствующие возникновению угрозы депривации сельских сообществ в условиях несостоятельности сельскохозяйственных предприятий [4, с. 230–245].

Среди вызовов (угроз) развитию сельского хозяйства Алтайского края в 1991–2017 гг. можно выделить следующие, возникающие последовательно или одновременно в одном или нескольких выделенных периодах:

- 1) изменение условий хозяйствования;
- 2) разгосударствление земли;
- 3) разукрупнение хозяйств;
- 4) неблагоприятная макроэкономическая ситуация;

³ Вызовы и угрозы развитию сельского хозяйства имеют различные формы проявления. Они могут быть связаны с изменениями климата, условий хозяйствования (например, смена социально-экономической политики), ресурсной базы (например, уменьшение численности населения, занятых сельхозпроизводством, опережающее выбытие основных фондов сельского хозяйства, сокращение площади сельскохозяйственных угодий, поголовья скота и др.). Понятия вызовов и угроз развитию раскрываются в контексте понимания развития как такового. Иными словами, от ответа на вопрос, что понимается под развитием, зависит ответ на вопрос, что считать вызовами и угрозами ему. Если рассматривать развитие как целенаправленное, поступательное движение, сопровождающееся переходом количества в качество и/или качества в количество, то угрозой (вызовом) развитию в определенном промежутке времени можно считать любой сбой в этом движении: нарушение ритма, замедление/ускорение темпа, изменение траектории и т. д., что, в конечном счете, сказывается на объемах и структуре сельхозпроизводства.

⁴ К ним относятся низкий уровень развития производственной сферы, концентрация бедности на селе, избыточная миграция населения и пр. [2].

⁵ Принципы, связанные, прежде всего, с введением института частной собственности на средства производства, либерализацией экономики и глобализации хозяйственной жизни.

- 5) сокращение ресурсной базы сельскохозяйственного производства;
- 6) изменение структуры производства продукции сельского хозяйства и др.

Следует сказать, что сельскохозяйственная проблематика никогда не была на периферии интереса отечественных ученых. С переходом на рыночные отношения обострился интерес к проблемам села вообще и сельхозпроизводства в частности. Достаточно ознакомиться с перечнем и тематикой научных конференций и симпозиумов этих лет для того, чтобы убедиться в широте поднимаемых наукой проблем [5].

Особое место в ряду научных исследований занимают работы, связанные с институциональными изменениями в сельскохозяйственном производстве¹. Институционализация новых форм хозяйствования как база для формирования многоукладной экономики подавалась идеологами рынка в качестве решения накопившихся проблем в сельхозпроизводстве. Однако в связи с тем, что «институты необязательно и даже далеко не всегда создаются для того, чтобы быть социально эффективными..., скорее для того, чтобы служить интересам тех, кто занимает позиции, позволяющие влиять на формирование новых правил» [4, с. 68], сельское хозяйство попало в так называемую институциональную ловушку, составляющую угрозу экономической безопасности страны.

Сельскохозяйственное производство в исследуемый период развивалось в условиях трансформации экономических отношений на фоне либерализации экономики и глобализации хозяйственной жизни. Эти общие условия вкупе с региональными особенностями определили специфику развития сельского хозяйства Алтайского края, проявившуюся, в частности, в наличии трех периодов, характеризующихся неодинаковой ролью сельскохозяйственных организаций, крестьянских (фермерских) хозяйств и хозяйств населения в производстве и реализации сельскохозяйственной продукции.

Трансформационный период развития сельского хозяйства Алтайского края. Период, охватывающий 1991–1997 гг., сопровождался процессами денационализации земли, деколлективизации сельхозпроизводства [7], имеющими своим следствием глубокий спад² (табл. 1) и изменение струк-

туры производства сельхозпродукции. В самой низкой точке (1997 г.) объем производства сельхозпродукции к уровню 1990 г. составил 62%³ (рис.).

Таблица 1

Среднегодовое производство основных видов сельскохозяйственной продукции в Алтайском крае (в хозяйствах всех категорий), тыс. тонн

	1986–1990 гг.	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.
Зерно (в весе после доработки)	5051,5	3160,7	3768,4	4100,1
Сахарная свекла (фабричная)	705,9	557,3	292,2	594,2
Подсолнечник	69,1	89,8	121,3	311,5
Скот и птица на убой (в убойном весе)	273,3	194,3	134,9	199,7
Молоко	1871,0	1497,5	1255,1	1391,1

Источник: данные Росстата, Госкомстата России, Госкомстата РСФСР, расчеты автора.

Существенное сокращение сельхозпроизводства в организациях на 58,9% (темпами 8,4% в среднем за год)⁴ и незначительное — в хозяйствах населения (на 1,3%)⁵ привели к увеличению удельного веса малых форм хозяйствования в валовой продукции. В 1991–1997 гг. доля хозяйств населения в производстве продукции сельского хозяйства края увеличилась с 22,1% (1985–1989 гг.) до 43,5% в среднем за год⁶. Удельный вес крестьянских (фермерских) хозяйств в этот период составил 3,0%^{7,8}.

Стабилизационный период развития сельского хозяйства Алтайского края. Период 1998–2004 гг. отличается некоторым оживлением и стабилизацией производства на уровне 80–90% к 1990 г. и, вместе с тем, закреплением тенденции на разукрупнение сельхозпроизводства.

¹ См., например, характеристику институциональных ловушек в российском аграрном секторе [4, с. 165–182] и институциональных рисков [6].

² Валовой сбор зерновых в этот период по сравнению с «дореформенным» не досчитался более чем каждой третьей тонны, сахарной свеклы — каждой пятой. На одну пятую часть сократилось также производство мяса и молока.

³ При этом объем продукции животноводства составил 50,6%, продукции растениеводства — 72,7%.

⁴ При отрицательных показателях прироста продукции растениеводства (–6,4% в среднем за год) и животноводства (–9,4%).

⁵ Прирост производства сельхозпродукции в крестьянских (фермерских) хозяйствах в 1993–1997 гг. был также отрицательным (–1,5% в среднем за год).

⁶ В производстве продукции растениеводства — с 12,8 до 45,2%, животноводства — с 28,3 до 41,2% в среднем за год.

⁷ В производстве продукции растениеводства — 4,4%, животноводства — 1,2%.

⁸ В производстве молока и мяса доля хозяйств населения равнялась 37,7%, в валовом сборе зерна доля крестьянских (фермерских) хозяйств — 6,2% в среднем за год.

Среднегодовые темпы прироста сельхозпродукции с отрицательных (в прошлом периоде) сменились на положительные. Прирост производства во всех категориях хозяйств составил 7,0%, в хозяйствах населения — 3,3%, сельскохозяйствен-

ных организациях — 8,0%, крестьянских хозяйствах — 47,2%.

В сельскохозяйственных организациях более быстрыми темпами (13,2% в среднем за год) прирастало производство продукции растениеводства⁹ (табл. 2).

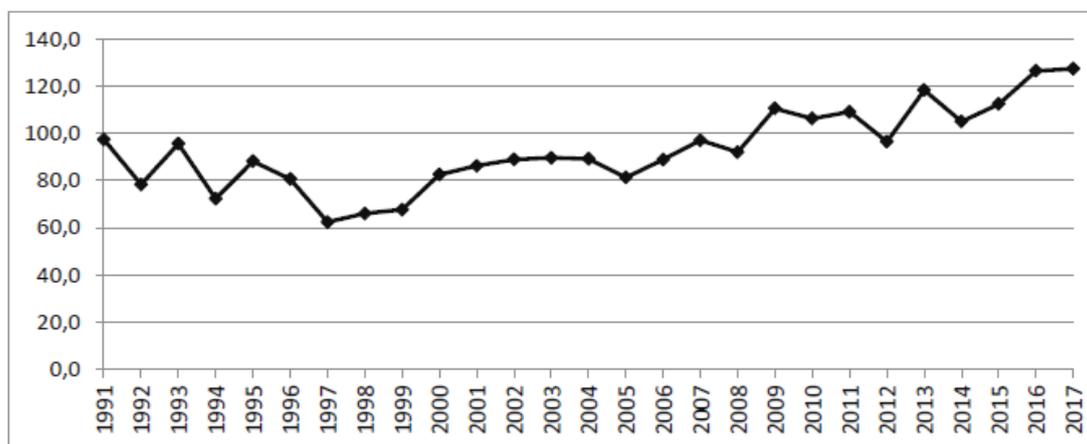

Рис. 1. Динамика производства продукции сельского хозяйства Алтайского края в 1990–2017 гг. в хозяйствах всех категорий, % к 1990 г.

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Таблица 2

Среднегодовое производство основной продукции растениеводства сельхозтоваропроизводителями Алтайского края в 1991–2017 гг., тыс. ц

	Зерно			Подсолнечник			Сахарная свекла		
	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.
Хозяйства всех категорий	31607,2	37683,5	41001,3	897,7	1213,4	3115,5	5572,7	2922,3	5941,6
Сельскохозяйственные организации	29612,6	32055,0	27311,5	834,2	1068,8	2039,2	5460,4	2851,2	4899,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	1961,7	5624,0	13681,5	46,9	138,7	1075,4	112,2	71,2	1041,8

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Животноводство же находилось в глубочайшем кризисе: почти в три раза сократилось среднегодовое производство скота и птицы на убой и более чем в полтора раза производство молока. И хотя хозяйства населения производство мяса и молока

нарастили (табл. 3), непропорциональное его падение в крупных и средних организациях не позволило приблизиться к уровню, характеризующему производство в 1991–1997 гг., не говоря уже о «до-реформенном» периоде (см. табл. 1).

⁹ Среднегодовое производство зерна здесь было самым высоким из всех трех периодов (32055 тыс. ц). Валовой сбор подсолнечника увеличился почти на треть.

Таблица 3

**Среднегодовое производство основной продукции животноводства
сельхозтоваропроизводителями Алтайского края в 1990–2017 гг., тыс. т**

	1991–1997 гг.		1998–2004 гг.		2005–2017 гг.	
	скот и птица (в живом весе)	молоко	скот и птица (в живом весе)	молоко	скот и птица (в живом весе)	молоко
Хозяйства всех категорий	298,3	1497,5	212,2	1255,1	291,9	1391,2
Сельскохозяйственные организации	182,6	914,9	67,7	580,5	117,3	572,0
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	3,3	18,0	3,7	18,6	7,9	42,1
Хозяйства населения	112,4	564,6	140,7	656,0	166,6	777,1

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Динамика структуры производства продукции сельского хозяйства в этот период характеризовалась уменьшением (по сравнению с предыдущим периодом) роли сельхозорганизаций (до 45,6%) и повышением — хозяйств населения (48%) и крестьянских (фермерских) хозяйств (6,4% в среднем за год)¹. В производстве животноводческой про-

дукции удельный вес сельхозорганизаций снизился с 57,6% (в предыдущем периоде) до 37,9%. Доля сельхозорганизаций в среднегодовом производстве мяса, молока и зерна сократилась с 61,2 до 31,9%, с 61,1 до 46,3%, с 93,7 до 85,1% соответственно (табл. 4).

Таблица 4

Удельный вес сельхозтоваропроизводителей в среднегодовом производстве основной продукции сельского хозяйства Алтайского края в 1991–2017 гг., %

	Скот и птица на убой			Молоко			Зерно		
	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.	1991–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.	1993–1997 гг.	1998–2004 гг.	2005–2017 гг.
Сельскохозяйственные организации	61,2	31,9	40,2	61,1	46,3	41,1	93,7	85,1	66,6
Крестьянские (фермерские) хозяйства и индивидуальные предприниматели	1,1	1,7	2,7	1,2	1,5	3,0	6,2	14,9	33,4
Хозяйства населения (граждане)	37,7	66,3	57,1	37,7	52,3	55,9	0,0	0,0	0,0

Источник: данные Росстата, расчеты автора.

Увеличение масштабов личного сектора сельхозпроизводства в этот и предыдущий период носил вынужденный характер [4, с. 172] и может рассматриваться ввиду специфики мелкотоварного производства как вызов развитию сельского хозяйства. Подобные процессы, однако, не являются особенностью развития сельского хозяйства в Алтайском крае, а характерны и для России в целом.

Период восстановительного роста сельского хозяйства Алтайского края. Период 2005–2017 гг. при всем многообразии составляющих его процес-

сов выделяется нами в отдельный и единый. Дело в том, что в эти годы прослеживается тенденция к росту производства, а наличие колебаний (сокращение-рост производства в 2005–2006, 2008–2009, 2010–2011, 2012–2013, 2014–2015 гг.) рассматривается в большей мере как отражение сильной зависимости от макроэкономических условий.

В 2005–2017 гг. при достаточно стабильном производстве сельхозпродукции в хозяйствах населения (прирост составил 0,2% в среднем за год) и более динамичном его развитии в сельхозорга-

¹ Увеличить свою долю в среднегодовом производстве сельскохозяйственной продукции более чем в 2 раза крестьянские (фермерские) хозяйства смогли за счет, прежде всего, наращивания производства продукции растениеводства среднегодовыми темпами в 50%, а хозяйства населения — за счет продукции животноводства (среднегодовыми темпами в 4,7%).

низациях и крестьянских (фермерских) хозяйствах (4,2 и 20,3% соответственно) общий объем сельскохозяйственного производства в крае превысил уровень 1990 г. на 29% (см. рис. 1, табл. 1 4)².

На этом этапе укрепили свои позиции в качестве сельхозтоваропроизводителей крестьянские (фермерские) хозяйства. Их доля в среднегодовом производстве сельскохозяйственной продукции увеличилась до 13,3%³. Доля хозяйств населения и сельскохозяйственных организаций — снизилась до 41,8 и 44,9% соответственно⁴.

Основными производителями *товарной продукции* на протяжении всего исследуемого периода оставались сельскохозяйственные организации. В 2005–2017 гг. ими реализовывалось 67,7% молока, 53,4% скота и птицы на убой, 67,2% зерна. В объеме произведенной сельхозорганизациями продукции доля реализованной составляла: молока — 91,8%, зерна — 61%.

Хозяйства населения увеличивали реализацию молока в течение анализируемого периода темпами (8% в среднем за год), опережающими производство. Вследствие чего товарность молока, произведенного в хозяйствах населения в 2005–2017 гг., по сравнению с предыдущим периодом повысилась почти в три раза (до 27,6%).

В крестьянских (фермерских) хозяйствах товарность основной производимой ими продукции — зерна — была сравнима с товарностью

в сельскохозяйственных организациях (59,4%), а товарность молока (68,6%) — меньше, чем в сельхозорганизациях, но больше, чем в хозяйствах населения.

Подытоживая вышеизложенное, отметим, что сельское хозяйство в Алтайском крае в 1991–2017 гг. в своем развитии прошло три этапа, отличающихся объемами, темпами, динамикой производства сельскохозяйственной продукции в различных категориях хозяйств. На протяжении всех трех этапов в производстве сельхозпродукции повышалась роль крестьянских (фермерских) хозяйств, достигнув своего максимума в последнем периоде. Хозяйства населения, по большей части вынужденно занимаясь производством сельскохозяйственной продукции, увеличивали свое участие в сельхозпроизводстве в течение двух периодов, а в третьем, показав сравнительно низкие среднегодовые темпы, оставили за собой чуть более двух пятых краевого объема сельхозпродукции. Сельскохозяйственные организации с течением времени потеряли статус главного производителя сельхозпродукции и сегодня за общественным сектором аграрного производства осталось менее половины всего объема.

Многоукладный характер сельхозпроизводства, проявившийся в выявленных автором более или менее устойчивых пропорциях между различными категориями хозяйств, помимо очевидных плюсов, заключающихся, в частности, в сравнительно высокой степени адаптивности к изменяющимся условиям хозяйствования (трансформации хозяйственных отношений, вступления России в ВТО, финансово-экономических кризисов и др.)⁵, имеет ряд минусов, составляющих сегодня основные вызовы (угрозы) развитию сельского хозяйства в долгосрочной перспективе:

- 1) ограниченный потенциал более или менее быстрого наращивания объемов производства;
- 2) наличие рисков производства некачественной продукции ввиду отсутствия контроля качества на всех этапах производства;
- 3) дальнейшее снижение количественного и качественного уровня ресурсной базы сельхозпроизводства (земли, кадров, основных фондов, поголовья сельскохозяйственных животных);
- 4) ограниченный потенциал внедрения в сельскохозяйственное производство новых технологий.

² Ежегодный прирост производства отдельных продуктов животноводства в хозяйствах всех категорий составил: мяса и молока соответственно 1,2 и 0,6% в среднем за год. При этом хозяйства населения, являясь основными производителями мяса (57,1% общего объема) и молока (55,9%), имели в целом по периоду незначительный прирост производства молока (0,8% в среднем за год) и отрицательный прирост производства мяса (–1,1%). Сельскохозяйственные организации, напротив, произведя 41,1% всего объема молока и 40,2% — мяса, характеризуются отрицательным приростом первого (–0,4% в среднем за год) и положительным приростом второго (6,6%). Крестьянские (фермерские) хозяйства увеличили свою долю в производстве зерна (до 33,4), подсолнечника (до 34,5), сахарной свеклы (до 17,5%).

³ В производстве продукции растениеводства — 24,7%, животноводства — 2,9%.

⁴ Доля хозяйств населения в производстве продукции растениеводства и животноводства снизилась до 28,8 и 56,1% соответственно. Доля сельскохозяйственных организаций в производстве продукции растениеводства снизилась до 48,4%, в производстве продукции животноводства — повысилась до 41,0%.

⁵ Более или менее высокая адаптационная способность хозяйственного механизма является одним из основных факторов сохранения хозяйства на переходных этапах развития экономики.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. АПК Алтайского края: состояние, проблемы и основные направления социально-экономического развития отрасли : монография / под ред. А. М. Зубахина, Н. М. Оскорбина, Е. И. Роговского. Барнаул, 2001. 130 с.
2. Проблемы управления социально-территориальным развитием аграрного сектора: тезисы докладов к Всесоюзной научно-практической конференции «Пути совершенствования управления социальным развитием аграрного сектора региона». Барнаул, 1987. 187 с.
3. О развитии рыночных реформ в Алтайском крае в 1992–1994 годах: доклад / Алтайский краевой комитет государственной статистики. Барнаул, 1995. 127 с.
4. Калугина З. И. Рыночная трансформация аграрного сектора России: Социологический дискурс. Новосибирск, 2015. 342 с.
5. Слепнев И. Н. Конференции по аграрной истории в 1992–1995 гг. // Крестьяноведение. Теория. История. Современность: ежегодник. 1996 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1996. С. 322–332.
6. Конькова О. В. Экономическая динамика и риски в сельском хозяйстве: вызовы для практики // Учет и статистика. 2014. № 1 (33). С. 69–73.
7. Никольский С. А. «Аграрная реформа» 1991–1995 гг. и проблема модернизации российской деревни // Крестьяноведение. Теория. История. Современность Ежегодник. 1996 / под ред. В. Данилова, Т. Шанина. М., 1996. С. 206–235.

REFERENCES

1. Agro-industrial complex of the Altai Territory: state, problems and main directions of the socio-economic development of the industry: monograph (2001) Ed. A. M. Zubakhin, N. M. Oskorbin & E. I. Rogovskiy. Barnaul, 130 (in Russian).
2. Kalugina, Z. I. (2015) Market Transformation of the Agrarian Sector of Russia: Sociological Discourse. Novosibirsk, 342 (in Russian).
3. Konkova, O. V. (2014) Economic dynamics and risks in agriculture: challenges for practice. *Accounting and statistics*, 1 (33), 69–73 (in Russian).
4. Nikolskiy, S. A. (1996) “Agrarian Reform” of 1991–1995. and the problem of modernization of the Russian village. *Peasant Studies. Theory. Story. Modernity Yearbook*. Ed. V. Danilova & T. Shanina. Moscow, 206–235 (in Russian).
5. On the development of market reforms in the Altai Territory in 1992–1994: report (1995) *Altai Regional Committee of State Statistics*. Barnaul, 127 (in Russian).
6. Problems of managing the socio-territorial development of the agricultural sector (1987) *Abstracts to the All-Union Scientific and Practical Conference “Ways to improve the management of social development of the agricultural sector of the region”* Barnaul, 187 (in Russian).
7. Slepnev, I. N. (1996) Conference on Agrarian History in 1992–1995. *Peasant Studies. Theory. Story. Modernity Yearbook*. Ed. V. Danilova & T. Shanina. Moscow, 322–332 (in Russian).

Поступила в редакцию: 24 сентября 2018 г.

Принята к печати: 07 ноября 2018 г.

ДИСБАЛАНСЫ В ПРОСТРАНСТВЕННОМ РАЗВИТИИ АЛТАЙСКОГО КРАЯ В КОНТЕКСТЕ РЕАЛИЗАЦИИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТРАТЕГИИ¹

А. Я. Троцкий, Ю. А. Перекаренко

Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия), Алтайский государственный университет (Барнаул)

В статье рассмотрены теоретические и прикладные аспекты проблемы формирования «территориальной проекции» долгосрочной Стратегии развития региона. Обобщен опыт пространственного стратегирования в Алтайском крае, дана оценка результативности проведенной работы с позиций увеличения степени сбалансированности регионального развития. Охарактеризован социально-экономический «портрет» каждой из четырех зон экономического роста края. Систематизированы внешние и внутренние риски и ограничения в демографическом и социально-экономическом развитии зон, выявлены и систематизированы общие и специфические конкурентные преимущества зон экономического роста. Рассмотрены недостатки и порождающие их причины в практике разработки пространственных аспектов Стратегии развития Алтайского края, даны рекомендации по совершенствованию формирования ее пространственного среза.

Ключевые слова: агропромышленный регион, стратегия развития, Алтайский край, зона экономического роста, сбалансированность развития экономики региона, риски и ограничения развития.

IMBALANCES IN THE ALTAI TERRITORY SPATIAL DEVELOPMENT IN CONTEXT OF LONG-TERM STRATEGY

A. Ya. Trotskovsky, Yu. A. Perekarenkova

Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia), Altai State University (Barnaul, Russia)

The article deals with the theoretical and applied aspects of “territorial projection” formation of the long-term development Strategy of the region.

The experience of spatial strategizing in the Altai territory is generalized, the evaluation of the effectiveness of the work carried out from the standpoint of increasing the degree of balance of regional development is given. The social and economic “portrait” of each of the region’s four zones of economic growth is characterized. External and internal risks and restrictions in demographic and social and economic development of the zones of economic growth are systematized. General and specific competitive advantages of this zones are revealed and systematized. The disadvantages and their causes in the practice of spatial aspects elaboration of the Altai territory development Strategy are considered. Also, the recommendations for improving the formation of its spatial section are given.

Keywords: agricultural region, strategy development, the Altai territory, area of economic growth, balanced economic development of a region, risks and limitations of the development.

Постановка проблемы. Дискуссии о необходимости разработки пространственных аспектов Стратегии развития страны и ее

регионов остались сегодня в прошлом. Анализ территориальной организации хозяйства и размещения населения является обязательной предпосыл-

¹ Статья подготовлена в рамках государственного задания ФАНО России по проекту XI.174.1.1 (0325–2016–0008) «Экономика Сибири и ее регионов в условиях внешних и внутренних вызовов и угроз: методология, тенденции, прогнозы» № АААА-А17–117022250133–9.

кой формирования и реализации научных основ региональной политики. В этом отношении в крае не раз предпринимались попытки зонирования территории для целей управления.

Одной из первых попыток была разработка в 1984 г. Центром по изучению проблем народонаселения Московского государственного университета основных направлений формирования единой системы населенных мест и их социального и демографического развития в Алтайском крае¹.

Широкое распространение получил структурно-территориальный анализ хозяйства края. Так, учеными ИЭОПП СО РАН на основе динамики социально-экономических процессов, степени использования стартового производственного потенциала, интегральных показателей экономической эффективности производства, источников формирования местных бюджетов и денежных доходов населения по результатам которого были выделены различные типы районов и городов края [2].

Построение классификаций и типологий административно-территориальных образований края по различным основаниям не ограничилось вышеуказанной работой. Укажем, для примера, на ряд работ новосибирских и алтайских ученых [3–5]. Написание названных работ было связано с решением ряда вопросов учета особенностей социально-экономического развития территорий в процессе стратегирования и в особенности — применительно к региональному уровню управления. Так, осталось неясным, в разрезе каких территориально-административных единиц должен быть разработан территориальный раздел региональной стратегии — городских округов и административных муниципальных образований либо более укрупненных территориальных единиц (ареалов, функциональных зон, территориальных округов).

В Алтайском крае, в частности, после формирования Стратегии развития края на период до 2025 г. [6] (далее — региональной Стратегии), было принято решение о разработке Стратегий развития четырех зон экономического роста: Южной, Юго-Восточной, Северо-Западной, Северо-Восточной².

Как следует из распоряжения главы администрации края, смысл такого шага заключался в двух

моментах: 1) реализация региональной стратегии посредством «привязки» ее к конкретным административно-территориальным единицам; 2) увеличение степени сбалансированности регионального развития.

Содержательный смысл конкретизации региональной Стратегии в целях ее скорейшей и эффективной реализации сомнений не вызывает. Дискуссионным в данном случае являются основания, по которым городские округа и муниципальные административные образования были отнесены к той либо иной зоне экономического роста. По крайней мере, на наш взгляд, никаких научно обоснованных критериев (за исключением территориальной близости) при формировании зон экономического роста не выдвигалось, а решение, как нам представляется, было во многом субъективным.

Неясно, в частности, почему в основу выделения зон экономического роста не были положены существующие в Алтайском крае наряду с муниципальными образованиями так называемые внутрирегиональные социально-экономические районы (управленческие округа) [10]. Между тем управленческие округа, на наш взгляд, являются инновационными и, главное, перспективным инструментом регионального управления, заслуживающим особого внимания.

Что же касается второй подцели — роста сбалансированности развития региона, то ее достижение, на наш взгляд, подразумевает иную, чем это реализовано в крае, ориентацию стратегий зон экономического роста.

Разработанные стратегические документы должны были, на наш взгляд, дать ответы на два вопроса:

- 1) какой именно потенциал муниципальных образований края должен быть задействован, чтобы обеспечить его гармоничное, сбалансированное³ развитие?
- 2) каковы должны быть эффективные механизмы обеспечения взаимодействия и координации деятельности местных органов власти в условиях существующей парадигмы территориального управления?

В настоящей статье нет однозначных ответов на поставленные вопросы. Ее цель в другом — дать общее представление о структуре социально-эко-

¹ Основные направления формирования единой системы населенных мест и их социального и демографического развития в Алтайском крае отражены в отчете. См. об этом [1].

² К настоящему времени утверждены Стратегии развития трех зон экономического роста края (Северо-Восточной, Северо-Западной и Юго-Восточной). Легализация разработанной Стратегии развития Южной зоны экономического роста не осуществлена до настоящего времени. Материалы разработанных документов были положены в основу настоящей статьи [7–9].

³ Определению сбалансированности регионального развития, соотношению этого понятия с понятиями устойчивости региональной системы, ее живучести, гармоничности, комплексности развития и т. д. посвящены сотни статей. Оценивая в целом подходы к определению сбалансированного регионального развития, его принципам, характеристикам, показателям, факторам отметим, что авторы весьма далеки от формирования общих взглядов и позиций на рассматриваемые проблемы. См., к примеру, [11–13].

номического пространства Алтайского края, имеющих подходы к оценке, практике использования элементов структуры социально-экономического пространства в целях стратегирования.

Без ответов на эти вопросы формирование и совершенствование «территориального блока» Стратегии социально-экономического развития региона будет затруднительно.

Социально-экономический портрет территориальных зон Алтайского края: общие и особенные черты, риски и ограничения развития. Пространственные аспекты разработки Стратегии развития Алтайского края, как отмечалось ранее, предполагают ее конкретизацию применительно к четырем территориальным зонам — Северо-Восточной, Юго-Восточной, Южной и Северо-Западной (рис.).

Таким образом, указанные территории выступают в качестве ключевых элементов пространственной организации края, обладающих определенным потенциалом для ускоренного развития. Рассмотрим их подробнее.

Северо-Восточная зона. Характеризуемая зона занимает особое место в социально-экономической жизни края. Площадь территории зоны составляет свыше 40 тыс. км², или 29% общей площади края. На территории зоны проживает каждый

второй житель края, что обуславливает существенно большую по сравнению с другими зонами края плотность населения (24,3 чел/км²).

В Северо-Восточной зоне имеются все предпосылки для ее ускоренного (по сравнению с другими зонами) развития, концентрации человеческого потенциала и экономической активности.

Зона характеризуется:

- выгодным геоэкономическим положением, определяемым близостью к промышленным и научным центрам Западной и Восточной Сибири;
- наличием транспортных коммуникаций федерального значения, обуславливающим прохождение по территории зоны основной части туристского потока, в т. ч. международного;
- наличием учреждений высшего образования различного профиля, объектов инновационной инфраструктуры.

Однако основным конкурентным преимуществом Северо-Восточной зоны является формирующаяся Барнаульская агломерация с диверсифицированной отраслевой структурой экономики, развитым сектором обрабатывающих производств с транспортно-логистическими и торгово-дистрибьютерскими функциями.

Состав и размещение территориальных зон Алтайского края

Отличительной особенностью зоны является сравнительно благополучная демографическая ситуация, характеризующаяся отсутствием депо-

пуляции населения. Несмотря на сохраняющееся отрицательное значение коэффициента естественного прироста населения, наметилась тенденция

его роста. Сказанное, впрочем, не исключает наличия общих для края демографических проблем, в частности, старения населения. Демографическое (и не только) относительное благополучие территории, как отмечалось ранее, во многом детерминировано центральным экономическо-географическим положением зоны (рис.) с соответствующей ему системой расселения. На территории зоны расположены 4 города и 16 сельских административных районов. «Лицо» системы расселения определяет формирующаяся Барнаульская агломерация. Муниципальные образования — сельские районы, входящие в состав Барнаульской агломерации, либо пригородные, характеризуются более высоким (по сравнению с сельской глубинкой) уровнем развития [14]. На долю Северо-Восточной зоны приходится 62% промышленного производства края.

Промышленность, дислоцированная в зоне, диверсифицирована и представлена различными базовыми отраслями и подотраслями. Важнейшие из них: производство кокса, железнодорожного подвижного состава, изделий из пластмасс, резинотехнических и асбестотехнических изделий, пищевой продукции, электронного и оптического оборудования, строительного кирпича, металлургического производства и продукция лесной и деревообрабатывающей промышленности.

Перспективы развития промышленности сдерживаются рядом общекраевых проблем, важнейшими из которых являются неполная загрузка производственных мощностей, высокая изношенность основных фондов в обрабатывающих производствах и энергетике, территориальная удаленность европейских рынков сбыта и др. Внешние риски и угрозы развитию промышленности в Северо-Восточной зоне обусловлены зависимостью ее экономики от конъюнктуры рынков и цен на сырье и продукцию, а также технологическим отставанием, усиливающимся в результате возможности удорожания импортируемых оборудования и технологий.

Заметна роль Северо-Восточной зоны в производстве сельхозпродукции: на долю зоны приходится треть ее краевого производства (зерновых и зернобобовых — 31%; гречихи — 34%, картофеля — 40%, овощей открытого грунта — 43%). По ряду сельскохозяйственных культур вклад зоны существенно выше — сахарной свеклы — 96%, льноволокна — 70%, яиц — 64%.

В животноводстве аграрный сектор зоны специализируется на свиноводстве, птицеводстве, мясном и, в меньшей мере, молочной скотоводстве (доля производства молока в краевом объеме составляет 27%). Получили также развитие в зоне коневодство, пчеловодство, рыбное хозяй-

ство. Значительные площади сельскохозяйственных угодий вкупе с относительно благополучными природно-климатическими условиями являются предпосылкой дальнейшего развития аграрного сектора зоны.

Внешние риски для развития сельхозпроизводства как в целом по краю, так и на рассматриваемой территории, связаны с тем, что край отнесен к зоне неустойчивого земледелия.

Объем душевых инвестиций в рассматриваемой зоне сравнительно высокий: 61,4% от всех инвестиций региона при 50% проживающих в зоне жителей края. Сложившаяся ситуация отчасти объясняется концентрацией в зоне промышленного производства.

Риски в развитии инвестиционной сферы аналогичны для всех зон края и связаны со снижением доступности финансовых средств, необходимых хозяйствующим субъектам для обеспечения и активизации инвестиционного процесса.

Подытоживая краткий анализ развития Северо-Восточной зоны, отметим относительно более высокие (по отношению к другим зонам края) перспективы ее опережающего роста. Однако на этом пути существуют серьезные препоны в виде внутренних рисков и угроз¹. Главные среди них, нашедшие отражение в Стратегии развития зоны:

- недостаточные темпы технологической модернизации промышленного и аграрного производств;
- наличие инфраструктурных ограничений;
- низкие показатели инвестиционной активности и темпы диверсификации экономики моногородов;
- неполная загрузка производственных мощностей;
- ограниченные финансовые возможности региональных инвесторов для реализации крупных инвестиционных проектов;
- высокая транспортная составляющая в конечной цене реализации на европейских рынках сбыта;
- высокая изношенность основных фондов в промышленном производстве, ЖКХ;
- территориальная диспропорция в темпах промышленного и сельскохозяйственного производства, средней заработной платы, инвестиционной активности;
- отставание темпов роста сельскохозяйственного производства в отдаленных от краевого центра территориях.

¹ Достаточно беглого взгляда на перечень внутренних рисков и угроз развитию зоны, чтобы понять их во многом общекраевой характер. См. подробнее [8].

Будущее зоны во многом связано с перспективами развития Барнаульской агломерации, использованием имеющегося потенциала импортозамещения, роста мирового спроса на продовольствие, значительного научного потенциала вузов, академической науки и НИИ; повышения инвестиционной привлекательности территории зоны за счет снижения инфраструктурных ограничений и т. д.²

Юго-Восточная зона. Вторая по величине и степени освоенности территориальная зона, занимающая 17,5% общей площади региона. Численность жителей — 420,8 тыс. чел. (17,7% населения региона), плотность населения — 14,3 чел/км². На территории зоны расположены 2 города (Бийск и Белокуриха) и 12 сельских районов (см. рис.).

Конкурентные преимущества зоны связаны с ее благоприятным геоэкономическим положением, обусловленным близостью к развитым регионам Казахстана, а также специализацией входящих в состав зоны городов: г. Бийска — второго по величине города края — наукограда, обеспечивающего высокий уровень прикладной науки; г. Белокурихи — всероссийской здравницы, краевого центра оздоровительного туризма.

Высокий потенциал земельных, водных минеральных и рекреационных ресурсов позволил хозяйствующим субъектам Юго-Восточной зоны удерживать устойчивые позиции на ряде продуктовых рынков России, сохранить лидирующие позиции на российском биофармацевтическом рынке, сформировать заметный туристический сектор.

Демографическая ситуация в зоне, можно сказать, типовая: коэффициент смертности превышает коэффициент рождаемости (депопуляция населения). При этом естественная убыль населения выше общекраевой; высокий миграционный отток имеет тенденцию к снижению. Общее сокращение численности населения зоны происходит на фоне роста демографической нагрузки и сохранения диспропорций в ее половозрастной структуре.

Структура экономики может быть охарактеризована как несбалансированная, со значительной долей низкорентабельных отраслей промышленности. Наряду с этим получили развитие ряд инновационных производств (кластеров) в г. Бийске, характеризующихся высокой производительностью труда. Базовыми отраслями промышленности являются химическая, пищевая и деревообрабатывающая. Развитию промышленности в зоне присущи большие территориальные диспропорции: 3/4 промышленного производства обеспечивается предприятиями г. Бийска.

Доля производства сельхозпродукции в краевом выпуске составляет 22%, несколько больше, чем в Южной и Северо-Западной зонах. Доля производства зерновых культур в краевом объеме одна из самых низких — 18%, а гречихи — одна из самых высоких — 50%. Заметен вклад аграриев зоны в производство овса (более 30%) и льна-долгунца (30%). В зоне развито животноводство (выращивание КРС), а также свиноводство, овцеводство, козоводство, коневодство, пчеловодство. Отличительной особенностью зоны является большая доля выпуска сельхозпродукции организациями. Доля фермеров в производстве сельхозпродукции по сравнению с другими зонами невелика, но имеет тенденцию к росту.

Инвестиционный климат в Юго-Восточной зоне может быть оценен как относительно благоприятный: душевой объем инвестиций превышает среднекраевой показатель на 20%. Доля зоны в общем объеме капитальных вложений края — 13%, при этом на зону приходится 16% общекраевого выпуска товаров и услуг.

Благоприятный инвестиционный климат в зоне обеспечивается в том числе за счет инвестиций в рекреационную сферу, следствием чего является рост инвестиционной активности. В этом — специфика инвестиционного климата зоны. Напротив, так же, как и в других территориальных зонах края, здесь имеет место высокая дифференциация муниципальных образований зоны по объему инвестиций на душу населения.

В числе внутренних рисков и угроз социально-экономическому развитию Юго-Восточной зоны авторы Стратегии выделяют следующие:

- тенденция снижения численности трудоспособного населения;
- диспропорции на рынке труда;
- низкая эффективность социально и инженерной инфраструктуры;
- недиверсифицированность рынка туристических услуг и проблемы транспортной доступности;
- наличие дифференциации в развитии потребительского рынка на территории зоны;
- недостаточная диверсифицированность экономики;
- неоптимальная организационно-производственная структура агропромышленного комплекса;
- проблемы развития энергетики;
- высокая дифференциация муниципальных образований по уровню эффективности экономики [9].

Внешние риски и угрозы развитию зоны также не отличаются оригинальностью. Среди них недостаточная доступность заемных ресурсов, не-

² Правомерно, на наш взгляд, отнести указанные перспективы развития ко всем без исключения зонам края.

стабильность цен на сельскохозяйственную продукцию и конкуренция со стороны других регионов России.

Потенциальные возможности развития аграрного сектора зоны связаны с участием дислоцированных на ее территории предприятий в импортозамещении, развитии скотоводства, выращивании овощей в закрытом грунте и возведении современных складов для их хранения.

Северо-Западная зона. Зона занимает достаточно большую площадь, составляющую 26,2% общей площади региона, и опережает по этому показателю Юго-Восточную зону. Вместе с тем Северо-Западная зона — одна из наименее заселенных. В зоне проживает около 361 тыс. чел. (15,1% населения).

Самая низкая плотность населения зоны (8,1 чел/км²) объясняется отсутствием на ее территории больших и крупных городов. В зоне имеются три малых города (Камень-на-Оби, Славгород, Яровое) и 15 сельских административных районов (см. рис.).

Конкурентные преимущества зоны обусловлены наличием развитой автомобильной сети, железнодорожных и водных путей сообщения. Важнейшие транспортные магистрали, проходящие по территории зоны, вкуче с близостью к крупным рынкам сбыта сельхозпродукции¹ и значительными мощностями по переработке сельхозпродукции обеспечивают перспективу развития аграрного сектора зоны. Кроме того, в зоне сосредоточен значительный рекреационный и оздоровительный потенциал.

Демографическая сфера Северо-Западной зоны характеризуется как проблемная (депопуляция населения, тенденция его старения).

В малых городах зоны расположены предприятия пищевой, перерабатывающей, деревообрабатывающей, химической промышленности, стройиндустрии. Промышленность в целом характеризуется невысоким уровнем и масштабами развития. На долю зоны приходится 6,9% промышленного производства края. Промышленные предприятия маломощные, характеризующиеся слабой инвестиционной активностью и привлекательностью, существенным износом основных средств.

Зона имеет четко выраженную аграрную направленность экономики. Площадь сельскохозяйственных угодий свыше трети всех угодий края (35,1%), доля производства сельхозпродукции в краевом выпуске — 21,1%.

Животноводство представлено скотоводством и птицеводством. Вклад в краевое производство мяса и субпродуктов — 6,5%, молока — 27,5%. Доля производства цельномолочной продукции в краевом выпуске — 7,8%, сыров и сырных продуктов — 14,7%.

Развитое растениеводство позволяет аграрному сектору зоны занимать заметное место в производстве в крае муки, зерновых и зернобобовых культур (20% краевое производство).

Развитие экономики зоны существенно сдерживается слабой инвестиционной активностью — душевые инвестиции более чем в 2 раза ниже среднекраевых; удельный вес инвестиций, приходящихся на зону, в общих инвестициях края имеет тенденцию к снижению.

Низкая инвестиционная привлекательность и активность хозяйствующих субъектов зоны имеет многочисленные негативные последствия, представляющие для развития зоны риски и угрозы. В их числе:

- недостаточные темпы технологической модернизации аграрного и промышленного производства;
- недостаточно высокая эффективность сельскохозяйственного производства;
- недостаточные темпы жилищного строительства;
- отставание темпов развития инженерной и транспортной инфраструктуры от потребности в развитии производственного и жилищного строительства;
- недостаточный уровень развития материально-технической базы учреждений социальной сферы [7].

В конечном счете, все это приводит к снижению численности населения и дефициту квалифицированных специалистов в экономике и социальной сфере.

Южная зона. Зона занимает вторую по величине площадь территории края (6026 тыс. га, или 27,4% территории края), почти в три раза при этом уступая Северо-Восточной зоне в плотности населения (8,55 чел/км²). Численность населения зоны составляет 392,9 тыс. чел. (16,6% населения региона). На территории зоны расположен г. Рубцовск и 14 сельских административных районов (см. рис.).

Конкурентные преимущества зоны обусловлены приграничным и транзитным положением. Природные агроклиматические условия зоны благоприятствуют развитию сельского хозяйства, а наличие крупного города (находящегося сегодня в трудном положении) с его производственной базой, промышленными площадками, транспортной инфраструктурой — возрождению промышлен-

¹ Нельзя не отметить при этом усиливающуюся конкуренцию за рынки сбыта сельхозпродукции со стороны Казахстана.

ленности (при создании необходимых для этого условий).

Южная зона характеризуется в целом сравнительно неблагоприятной демографической ситуацией. Это проявляется в депопуляции населения, его высоком миграционном оттоке, сравнительно старой возрастной структуре (средний возраст — 41,5 года), существенном половом диспаритете (112 женщин на 100 мужчин).

Коэффициент рождаемости ниже среднего по региону (соответственно, 12,1 против 13,2‰). Естественная убыль в итоге превышает показатели по краю (соответственно, -3,7% и -1,2%).

На зону приходится порядка 12–13% годового валового выпуска промышленной продукции. Базовые отрасли промышленности — обрабатывающая, добывающая, пищевая, лесоперерабатывающая. Размещение промышленных предприятий, как и в других зонах, характеризуется территориальными диспропорциями.

Аграрный сектор Южной зоны получил должное развитие: доля производства сельскохозяйственной продукции в краевом выпуске составляет 21,5%, а площадь сельхозугодий — 26,7% площади угодий края. Заметную роль играет аграрный сектор зоны в производстве ряда видов сельхозпродукции: подсолнечника (41% в краевом выпуске), зерновых и зернобобовых культур (21,9%). Производство зерновых служит сырьевой базой для производства в зоне макаронной продукции: ее доля в краевом выпуске составляет 60%. Основу животноводства составляет молочное скотоводство. Кроме того, в зоне развиты овцеводство и козоводство, пчеловодство, пантовое оленеводство и мараловодство.

Для инвестиционного климата в зоне характерны тенденции, присущие в целом краю — незначительное снижение душевых инвестиций за последние годы. Инвестиционная активность в зоне тормозится рядом факторов, среди которых высокие транзитные издержки, длительные сроки доставки продукции железнодорожным транспортом, высокая конкуренция со стороны Казахстана.

Внешние риски развития зоны по сравнению с другими территориальными образованиями не имеют ярко выраженных особенностей. То же самое можно сказать и о внутренних рисках и угрозах развитию зоны. В их числе:

- снижение численности трудоспособного населения;
- диспропорции на рынке труда;
- высокая дифференциация муниципальных образований по уровню и качеству жизни населения;
- высокий уровень теневой экономики;

- дефицит высококвалифицированных кадров;
- транспортная труднодоступность территории, плохое состояние транспортно-логистического комплекса, неразвитая транспортная инфраструктура;
- низкий уровень инвестиционной активности и инвестиционной привлекательности;
- недостаточное количество предприятий агропромышленного комплекса, которые производят продукцию с высокой добавленной стоимостью;
- деградация сельскохозяйственных угодий из-за использования устаревших технологий обработки почвы;
- неэффективная практика ирригации, обуславливающая засоление, несолюдение севооборотов и несбалансированное внесение удобрений, ведущее к потере плодородия, загрязнению почв, водоемов [15, с. 58–59].

В качестве перспективных направлений развития Южной зоны авторы Стратегии предлагают известные механизмы: проведение курса на импортозамещение, развитие института частно-государственного партнерства, диверсификацию экономики, развитие туристско-рекреационного комплекса.

Подведем некоторые итоги. Итак, насколько удачной и продуктивной оказалась идея реализации и конкретизации Стратегии развития региона посредством разработки Стратегий развития его территориальных зон?

С нашей точки зрения, полученный в крае опыт стратегирования характеризуется рядом недостатков. Многие из них порождены системой организации научно-исследовательской работы и, прежде всего, отсутствием единой методологии и методики диагностирования проблем социально-экономического развития для всех территориальных зон, «отягощенной» спецификой подхода различных авторов к формированию стратегий, выполненных к тому же с большим разрывом во времени и, главное, без учета во всех четырех Стратегиях анализа внутризональных и межзональных взаимосвязей.

В результате структура разработанных стратегических документов (формулировка целей и задач, сроков и этапов реализации стратегии зон, разработка многовариантного сценария их развития и т. д.) внешне имеет одинаковый вид, диагностика же проблем фактически не отражает, с одной стороны общих для всего края, а с другой — присущих исключительно данной территориальной зоне особенностей развития. Очевиден явный «перекос» в сторону общих для всего края особенностей и направлений социально-экономического развития территориальных зон в ущерб раскрытию их специфики.

По-видимому, ситуация имеет объективный характер: специфика развития зоны по сравнению с особенностями развития края выражена гораздо слабее. Так, для всех зон характерно аграрное производство, проблемы развития которого, как известно, имеют системный характер для всего АПК (инвестиционная недостаточность, ухудшение состояния сельскохозяйственных земель, неразвитость транспортной и социальной инфраструктуры сельских населенных пунктов, низкий уровень доходности и высокая закредитованность сельскохозяйственных товаропроизводителей и др.). Доминанта общих проблем над специфическими характерна и для промышленности, где набор отраслей, дислоцированных на территории зоны, во многом идентичен. Там же, где имеется явно выраженная для края отраслевая специфика (металлургическое производство с Северо-Восточной зоне), особенности состояния промышленности в Стратегии развития зоны не раскрыты.

Немаловажно также и то, что использование в Стратегиях «среднезональных» показателей социально-экономического развития при наличии существенной территориальной дифференциации (в том числе по линии «город-село»), не отражает реалий и, на наш взгляд, не может «сработать» на повышение эффективности Стратегии как инструмента территориального управления.

Отсутствие изначально заданного единого алгоритма анализа социально-экономического развития (при, естественно, определенной авторской свободе в приоритетном рассмотрении тех или иных задач, выборе методики анализа) привело к несопоставимости результатов. Это касается как перечня задач, так и способов их решения (при заметных различиях в глубине проработки вопросов в различных документах). К примеру, оценка вклада зон в социально-экономическое развитие края сделана не во всех разработанных Стратегиях, а использование различных показателей государственной и ведомственной статистики для анализа состояния экономики и социальной сферы территории не позволяет увидеть степень выраженности рассматриваемых проблем в каждой из зон.

Бесспорно, просматривается формальная взаимосвязь разработанных стратегических документов со Стратегией развития Алтайского края, но при этом, по нашему мнению, оказалось утерянным целостное видение региона, пропорций и диспропорций его пространственного развития¹.

¹ Этот момент был «усилен» просчетами со стороны разработчиков отдельных зональных стратегий (в частности, ряд целевых показателей и индикаторов Стратегии развития Южной зоны не корреспондирует с показателями краевой Стратегии).

С учетом сказанного использовать полученные разработки как научную основу политики повышения сбалансированности пространственного развития региона, на наш взгляд, затруднительно.

Один из наиболее дискуссионных моментов связан с выбором территориальных единиц, положенных в основу пространственного раздела Стратегии развития края. Обязательным условием выделения такой территориальной единицы (округа, зоны и т. д.) является не только общность местоположения, но и теснота экономических и социальных связей между территориями. С этих позиций более предпочтительно по сравнению с рассмотренными зонами было бы использование территориально-производственных округов.

К вопросу выделения территориальных единиц можно подойти и с другой, практической стороны. Территории, составляющие «костяк» пространственного среза региона, должны пройти, на наш взгляд, практическую «обкатку», своеобразную проверку на целостность и взаимосвязанность. С позиции рациональной организации регионального управления было бы целесообразно, по нашему мнению, использовать управленческие округа края².

Идея выделения управленческих округов региона, по нашему мнению, опирается на плано-управленческую концепцию экономического районирования, получившую широкое распространение к середине 20-х гг. прошлого века, благодаря работам представителей так называемой школы Госплана (И. Г. Александрова, К. Д. Егорова, Г. М. Кржижановского и др.). Естественно, что упомянутая концепция экономического районирования формировалась применительно к директивно-плановой экономике, рассматривающей район как «своеобразную, по возможности законченную территорию страны, которая благодаря комбинациям природных особенностей, культурных накоплений прошлого времени и населения с его подготовкой к производственной деятельности представляла бы одно из звеньев общей цепи народного хозяйства...» [18, с. 55].

Сегодняшняя ситуация принципиально иная. Главное ее отличие с позиции нашего исследования — отсутствие иерархической вертикальной структуры социально-экономических районов. Отношения федеральных и региональных властей,

² Экономические и социальные особенности управленческих округов Алтайского края охарактеризованы в «Экономической энциклопедии регионов России. Алтайский край» [16, с. 111–129]. В 2014 г. постановлением администрации края управленческие округа были отменены [17].

а также органов местного самоуправления строятся не на началах соподчинения и директивы, а на определении компетенции каждого из звеньев управления, разделении и взаимном делегировании полномочий путем принятия соглашений. Ее прямым следствием, особенно на этапе становления новой системы отношений, является актуализация на уровне региона координации действий органов исполнительной власти края, территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, органов местного самоуправления, ориентированная на повышение эффективности управления социально-экономическим развитием территории.

Управленческие округа в отличие от достаточно произвольного выделения рассмотренных выше территориальных зон формировались в результате социально-экономического районирования³, с учетом не только экономической, но и социальной целостности (законченности) территории, ее тяготения к определенным центрам — социально-экономическим узлам и ядрам, сложившейся системы расселения населения, социальной инфраструктуры, нашедшей свое отражение в формировании в регионе медицинских и образовательных округов и в этом смысле они (округа) являются более адекватным объектом территориального стратегирования.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Научный отчет Центра по изучению проблем народонаселения МГУ. М., 1984. 94 с.
2. Концепция развития Алтайского края на перспективу до 2005 года. Новосибирск, 1996. С. 464–471.
3. Федосеев В. И. Комплексная типология сельских районов Алтайского края. Новосибирск, 1987.
4. Троцкий А. Я. Социально-территориальная структура региона: строение и основные тенденции трансформации. Новосибирск, 1997.
5. Чертов Н. А. Стратегия самодостаточного развития агропромышленного региона. Новосибирск, 2003.
6. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Алтайского края до 2025 г. : закон Алтайского края от 21 ноября 2012 года № 86-ЗС [Электронный ресурс]. URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf/ (дата обращения: 09.06.2018).
7. Об утверждении стратегии развития Северо-Западной зоны Алтайского края на период до 2025 г. : постановление администрации Алтайского края от 14.10.2014 № 474 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423852814/> (дата обращения: 15.05.2018).
8. Об утверждении стратегии развития Северо-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г. : постановление администрации Алтайского края от 19.10.2016 № 12 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432844288/> (дата обращения: 15.05.2018).
9. Об утверждении стратегии развития Юго-Восточной зоны Алтайского края на период до 2025 г. : постановление администрации Алтайского края от 22.08.2016 № 288 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441632304/> (дата обращения: 15.05.2018).
10. О внедрении предметно-зонального (проблемно-объектного) метода государственного управления в Алтайском крае : постановление Администрации Алтайского края от 3 сентября 2009 г. № 383 // Алтайская правда. 2009. 14 окт.
11. Сироткина Н. В., Лисовцева Л. Н., Воронцова И. Н., Гончаров А. Ю. Проблемы сбалансированного развития региона: теоретические и практические аспекты. Воронеж, 2014. 223 с.
12. Смолеев С. В. Сбалансированное и комплексное развитие региона // Социально-экономические явления и процессы. 2013. № 8 [Электронный ресурс]. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannoe-i-kompleksnoe-razvitiye-regiona/> (дата обращения: 10.06.2018).
13. Бочко В. С. Ускоряющие и сдерживающие факторы скоординированного и сбалансированного развития территорий // Экономика региона. 2015. № 1. С. 39–52.
14. Троцкий А. Я., Мищенко И. В. Пространственные аспекты развития социально-экономической среды сельских территорий Алтайского края: методика, результаты, регулирование : монография. Барнаул, 2013. 176 с.

³ Теоретическое обоснование социально-экономического районирования и его отличие от экономического районирования было дано С. Я. Ныммик еще в 80-х гг. прошлого века. Социально-экономическое районирование, по его мнению, проводится, начиная с внутриобластного районирования и подчиненных ему более низких таксономических ступеней районирования с учетом большой значимости системы расселения [19].

15. Разработка стратегии социально-экономического развития Южной зоны Алтайского края : отчет о научно-исследовательской работе / Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». СПб., 2017.

16. Экономическая энциклопедия регионов России. Алтайский край / редкол.: Ф. И. Шамхалов (гл. ред.) и др. ; ред. кол. тома: Главное управление экономики и инвестиций Алтайского края; вступительное слово: Губернатор Алтайского края А. Б. Карлин; НПО «Экономика». М., 2012. 477 с.

17. О признании утратившими силу некоторых правовых актов Администрации края : постановление администрации Алтайского края от 17 января 2014 г. № 16 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460221088/> (дата обращения: 20.05.2018).

18. Экономическое районирование России: доклад на 2 сессии Госплана ВЦИК // Вопросы экономического районирования СССР. М., 1957. С. 52–63.

19. Ныммик С. Я. Социально-экономическое районирование (на примере Эстонской ССР) // Ученые записки Тартуского университета. 1981. Вып. 578. С. 30.

REFERENCES

1. Scientific report of the Center for the Study of Population Problems of Moscow State University (1984) Moscow. 94 (in Russian).

2. The concept of the development of the Altai Territory in the future until 2005 (1996) Novosibirsk. 464–471.

3. Fedoseev, V. I. (1987) Complex typology of rural areas of the Altai Territory. Novosibirsk (in Russian).

4. Trotskovsky, A. Ya. (1997) Socio-territorial structure of the region: the structure and the main trends of transformation. Novosibirsk (in Russian).

5. Chertov, N. A. (2003) The strategy of self-sufficient development of the agro-industrial region. Novosibirsk (in Russian).

6. On approval of the strategy of socio-economic development of the Altai Territory to 2025: the law of the Altai Territory of November 21, 2012 No. 86-ZS. URL: http://www.econom22.ru/upload/iblock/f3c/Zakon86-zs_121121.pdf/.

7. On approval of the development strategy of the North-Western zone of the Altai Territory for the period until 2025: Decree of the Administration of the Altai Territory of 14.10.2014 No. 474. URL: <http://docs.cntd.ru/document/423852814/>.

8. On approval of the development strategy of the North-Eastern zone of the Altai Territory for the period until 2025: Decree of the Administration of the Altai Territory of October 19, 2016 No. 12. URL: <http://docs.cntd.ru/document/432844288/>.

9. On approval of the development strategy of the South-Eastern zone of the Altai Territory for the period until 2025: Decree of the Administration of the Altai Territory dated August 22, 2016 No. 268. URL: <http://docs.cntd.ru/document/441632304/>.

10. On the implementation of the subject-zonal (problem-object) method of government in the Altai Territory: Resolution of the Administration of the Altai Territory of September 3, 2009 No 383 (2009) *Altayskaya Pravda*, Oct 14 (in Russian).

11. Sirotkina, N. V., Lisovtseva, L. N., Vorontsova, I. N. & Goncharov A. Yu. (2014) Problems of balanced development of the region: theoretical and practical aspects. Voronezh, 223 (in Russian).

12. Smoleev, S. V. (2013) Balanced and integrated development of the region. *Socio-economic phenomena and processes*, 8. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sbalansirovannoe-i-kompleksnoe-razvitie-regiona/>.

13. Bochko, V. S. (2015) Accelerating and limiting factors of coordinated and balanced development of territories. *Economy of the region*, 1, 39–52.

14. Trotskovsky, A. Ya. & Mishchenko, I. V. (2013) Spatial aspects of the development of the socio-economic environment of rural areas of the Altai Territory: methods, results, regulation: monograph. Barnaul, 176 (in Russian).

15. Development of a strategy for the socio-economic development of the Southern zone of the Altai Territory: a report on research work (2017) National Research University Higher School of Economics. St. Petersburg (in Russian).

16. Economic encyclopedia of the regions of Russia. Altai Krai (2012) Ed: F. I. Shamkhalov et al., General Directorate of Economics and Investment of the Altai Territory; opening remarks: Governor of the Altai Territory A. B. Carlin. Moscow, 477 (in Russian).

17. Concerning the recognition as invalid of some legal acts of the Administration of the Territory: Resolution of the Administration of the Altai Territory of January 17, 2014 No. 16. URL: <http://docs.cntd.ru/document/460221088/>.

18. Economic zoning of Russia: report on the 2 session of the State Planning Committee of the Central Executive Committee (1957) *Questions of economic zoning of the USSR*. Moscow, 52–63 (in Russian).

19. Nymmik, S. Ya. (1981) Socio-economic zoning (on the example of the Estonian SSR). *Uchenye zapiski of Tartu University*, 578, 30 (in Russian).

Поступила в редакцию: 09 сентября 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.

МНОГОМЕРНАЯ ФАКТОРНАЯ СЕГМЕНТАЦИЯ ДОЛИ РЫНКА ТРУДА С УЧАСТИЕМ СТУДЕНТОВ

О. А. Шавандина¹, Г. Н. Макушева², О. В. Харинова³, Т. Г. Шарикова²

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия)

³ООО «СтройАльянс» (Барнаул, Россия)

В статье обоснована необходимость сегментации доли рынка труда, участниками которого выступают студенты дневной формы обучения. Авторами предложено измерение базового рынка и представлен частный случай сетки многомерного факторного сегментирования, основанной на атрибутах (факторах) 1-го уровня оптимизационной модели. Анализ полученных сегментов выявил некоторые особенности отношений различных групп потребителей к факторам, влияющим на трудоустройство студентов. Авторы дополнили сегментацию рынка труда оценкой согласованности мнений экспертов (студентов), попавших в периметр анкетирования.

Ключевые слова: студенты, трудоустройство студентов, рынок труда, сегментация доли рынка труда, факторы, влияющие на долю студентов, совмещающих обучение и работу, коэффициент трудоустройства, коэффициент конкордации.

MULTIDIMENSIONAL FACTOR SEGMENTATION OF LABOR MARKET SHARE WITH THE PARTICIPATION OF STUDENTS

O. A. Shavandina¹, G. N. Makusheva², O. V. Harinova³, T. G. Sharikova²

¹Altai State University (Barnaul, Russia)

²I. I. Polzunov Altai State Technical University (Barnaul, Russia)

³ООО StroyAlliance (Barnaul, Russia)

In the article, the need of segmentation of the share of labor market with full-time students as participants is explained. The authors propose a measurement method of the base market, and present a special case of multidimensional factor segmentation grids based on attributes (factors) of the 1st level of the optimization model. The analysis of the obtained segments revealed some features of the relations of different groups of consumers to the factors influencing the employment of students. The authors supplemented the segmentation of the labor market by assessing the consistency of the opinions of experts (students) who fell into the object of the survey.

Keywords: students, studentsemployment, labor market, segmentation of market share of labour, the factors influencing the proportion of students combining studies with work, employment coefficient, coefficient of concordance.

Основная тенденция в развитии системы высшего образования в Российской Федерации в области гуманитарных наук — это сокращение количества бюджетных мест и повсеместное распространение платного образования. Появление направлений подготовки специалистов только на коммерческой основе, высокая плата за обучение, незначительный размер стипендии, необходи-

мость оплачивать аренду жилья, низкие доходы родителей и др. привело к тому, что студенты очного отделения вузов вынуждены совмещать обучение с работой. По результатам исследования НИУ ВШЭ в аналитическом докладе «Российская молодежь: образование и наука» за 2017 г. приводятся данные, в соответствии с которыми более 50% студентов высших учебных заведений России совмещают

учебу и работу, при этом основная их часть трудится не по специальности в режиме как полного, так и неполного рабочего дня [11]. Современный рынок труда предоставляет обучающимся такую возможность, так как получили развитие такие виды деятельности как удаленная работа, частичная занятость, работа по гибкому графику и др. [10].

Ранее в статье, опубликованной в журнале «Экономика устойчивого развития» (№ 2, 2018 г.), авторами были представлены наиболее значимые факторы, влияющие на трудоустройство студентов. Данные атрибуты/факторы первого и второго уровня были получены и объединены в группы по результатам опроса (анкетирования). Периметр анкетирования включал студентов дневного отделения юридического и экономического факультетов вузов Алтайского края. Используя полученные данные, авторы построили целевую функцию (1) для расчета коэффициента трудоустройства студентов очной формы обучения:

$$Z_1 = 4,3 \cdot x_1 + 4,2 \cdot x_2 + 3,9 \cdot x_3 + 2,3 \cdot x_4 + 3,7 \cdot x_5. \quad (1)$$

Наибольшее значение коэффициента трудоустройства свидетельствует о том, что совмещают учебу с работой студенты не только выпускного, но и младших курсов. Наибольшее слагаемое в значении целевой функции Z_1 обуславливает соответствующую значимость рассматриваемого фактора,

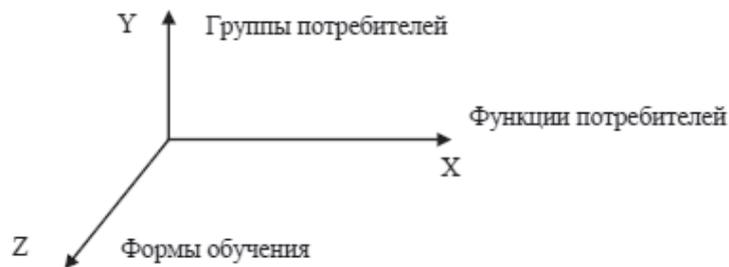

Рис. 1. Измерение базового рынка

В общем случае под «функциями потребителей» будем понимать факторы, влияющие на долю студентов и выпускников, совмещающих обучение в вузе с работой. Атрибуты/факторы 1-го уровня использовались при построении оптимизационной модели и являются основой макросегментации:

X_{11} — «плата за обучение»;

X_{12} — «материальная независимость»;

X_{13} — «получение опыта работы, в том числе по специальности»;

X_{14} — «самореализация»;

X_{15} — «удовлетворение собственных потребностей».

Чтобы выполнить сегментирование по «группам потребителей», можно использовать различ-

воздействуя на который, можно существенно влиять на коэффициент трудоустройства [11].

Указанная оптимизационная модель может быть использована для многомерной факторной сегментации рынка труда, участниками которого являются студенты юридического и экономического факультетов дневной формы обучения и совмещающие обучение в вузе с работой.

Проведение сегментации обусловлено следующими причинами:

- обеспечивается лучшее понимание природы конкурентной борьбы, исходя из этого, легче выбирать рыночные сегменты для их освоения и определять, какими характеристиками должны обладать в нашем случае услуги для завоевания конкурентных преимуществ;
- необходимостью использования ограниченных ресурсов по наиболее выгодным направлениям;
- обеспечивается лучшее понимание нужд потребителей-студентов, совмещающих обучение в вузе с трудовой деятельностью;
- необходимостью разработки комплекса мероприятий, направленных на продвижение студентов и выпускников на рынке труда.

Начать многомерную факторную сегментацию авторы предлагают с определения базового рынка, измерение которого представлено на рисунке 1.

ные критерии: географический, социально-экономический, демографический, психологический, поведенческий и пр. В данном исследовании группировка потребителей выполняется по направлениям (профилям) подготовки или специальностям. Таким образом, на оси Y в общем случае можно выделить большое количество показателей:

— Y_1 — «юриспруденция» — студенты, обучающиеся по направлению подготовки «юриспруденция»;

— Y_2 — «экономика» — студенты экономического факультета, получающие образование по направлению подготовки «экономика»;

— Y_3 — «экономическая безопасность» — студенты, обучающиеся на экономическом фа-

культете по специальности «экономическая безопасность»;

— и пр.

Количество групп потребителей является конечным и обуславливает многомерность сегментации.

Критерием сегментирования по оси Z в данной работе выступает «форма обучения»:

- «дневное обучение» (Z_1) — студенты дневной формы обучения;
- «очно-заочное обучение» (Z_2) — студенты очно-заочной формы обучения;
- «заочное обучение» (Z_3) — студенты, обучающиеся заочно;
- «дистанционное обучение» (Z_4) — студенты дистанционной формы обучения.

Данная сетка макросегментирования будет иметь общий вид и может быть детализирована по различным показателям, например, по факторам 2-го уровня (по оси X), по профилям внутри направлений подготовки (государственно-правовой, гражданско-правовой, уголовно-правовой профили соответствующие направлению подготовки «юриспруденция», по оси Y).

В данной работе исследование проводится по результатам анкетирования, периметр которого определен множеством студентов дневной формы обучения направлений подготовки «юриспруденция» и «экономика». В этом случае сетка макросегментирования может быть представлена в виде (рис. 2).

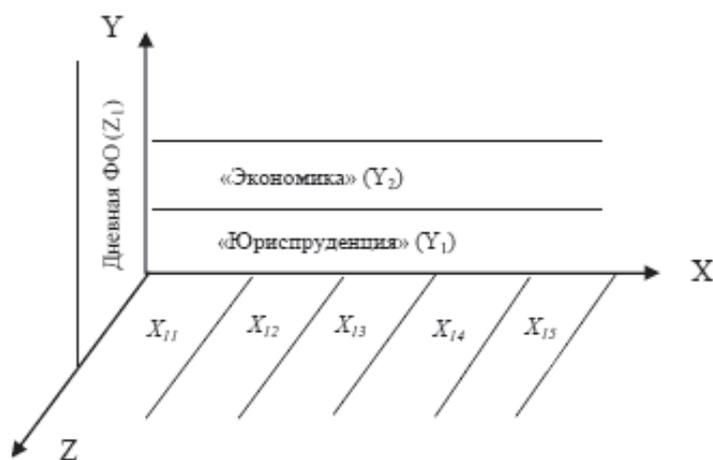

Рис. 2. Частный случай сетки многомерного факторного сегментирования

Рассмотрим особенности полученных сегментов. Результаты анкетирования студентов дневной формы обучения представлены в таблице и отража-

ют зависимость между направлением подготовки обучающихся и выпускников и важнейшими мотивами их трудоустройства.

Отношение потребителей к факторам, влияющим на трудоустройство, %

Наименование показателя	Плата за обучение (X_{11})	Материальная независимость (X_{12})	Получение опыта работы (X_{13})	Самореализация (X_{14})	Удовлетворение собственных потребностей (X_{15})
Направление подготовки «юриспруденция» (Y_1)	23,5	22,7	21,9	12,1	19,8
Направление подготовки «экономика» (Y_2)	22,9	22,9	20,1	13,2	20,9

Более 23% студентов юридического факультета имеют в качестве базовой потребности при трудоустройстве «плату за обучение». Кроме того, будущие юристы, совмещая обучение в вузе с работой, достаточно сильно мотивированы на «материальную независимость» и «получение опыта работы, в том числе по специальности». Уровень базовой потребности незначительно превышает степень мотивации по указанным факторам — на 0,8 и 1,6% соответственно.

Чуть менее 23% обучающихся направления подготовки «экономика», совмещая работу с учебой в вузе, выделяют в качестве базовой потребности сразу два фактора, считая их равноценными: «плата за обучение» и «материальная независимость». Около 21% студентов указанной группы при принятии решения о трудоустройстве мотивированы на «удовлетворение собственных потребностей», считая данный фактор более значимым по сравнению с атрибутом «по-

лучение опыта работы, в том числе по специальности».

Менее всего студенты, совмещая обучение в вузе с трудовой деятельностью, которые попали в периметр анкетирования, думают о «самореализации». По мнению авторов, это обусловлено тем, что самореализация — это сложный и длительный процесс, заключающийся в осознании собственного потенциала и в его воплощении в выбранном виде профессиональной деятельности в будущем. Реализация заложенных способностей, согласно концепции иерархии потребностей А. Маслоу, представляет собой наивысшую потребность личности и чтобы указанная потребность возникла, индивидум должен удовлетворить первоначально потребности низшего порядка [12].

Таким образом, анализ факторов, влияющих на трудоустройство студентов, с использованием вышепредложенной оптимизационной модели и сегментация множества, состоящего из студентов, попавших в периметр анкетирования, позволяют выявить наиболее существенные факторы/атрибуты, установить их рейтинг для каждой формы обучения, а также для каждого направления или специальности.

Однако данная модель не дает возможности для определения связи между измеряемыми величинами или факторами/атрибутами. С этой целью авторы предлагают дополнить оптимизационное моделирование оценкой согласованности мнений студентов, совмещающих обучение в вузе с работой. Коэффициенты множественной корреляции (конкордации), отражая зависимость между количественными и качественными признаками однородных объектов, характеризует насколько сильно согласуются или расходятся мнения, в нашем случае, студентов дневного формы обучения по оцениваемым факторам.

Для определения согласованности мнений студентов по факторам, влияющим на трудоустройство, используем коэффициент конкордации Кендалла, который можно рассчитать по формуле

$$W = \frac{12 \cdot S}{m^2 \cdot k \cdot (k^2 - 1)}, \quad (4)$$

где m — число экспертов в группе;

k — число факторов ($k=5$);

S — сумма квадратов разностей рангов (отклонений от среднего).

Используя возможности Microsoft Office Excel, были рассчитаны коэффициенты конкордации Кендалла для студентов, обучающихся по направлению «Юриспруденция» (W_1) и на экономических направлениях и специальностях (W_2): $W_1=0,68$ и $W_2=0,66$.

Полученные значения коэффициентов множественной корреляции находится в пределах от 0,6 до 0,8 ($0,6 < W < 0,8$), это свидетельствует о достаточно сильной согласованности экспертов (студентов). С большой долей вероятности можно предположить, что в каждой рассматриваемой группе студентов действительно присутствует общность мнений. Кроме того, если внутри групп опрошенных студентов существуют коалиции, то обобщенные мнения коалиций не противоположны друг другу.

Таким образом, для сегментирования доли рынка труда с участием студентов дневной формы обучения в данной работе авторами были использованы факторы 1-го уровня. Однако методы корреляционного анализа могут быть дополнены коэффициентами ранговой корреляции, а сегментация доли рынка труда может быть детализирована за счет факторов 2-го уровня. Кроме этого, статистическое исследование должно быть расширено и на другие формы обучения, а именно заочную, очно-заочную, дистанционную. С другой стороны, периметр анкетирования может определяться образовательным учреждением, либо студенты всех направлений (профилей и специальностей) и форм обучения, либо студенты определенного факультета, либо студенты одного из направлений (профиля или специальности) и пр. При принятии решения о периметре исследования вуз руководствуется своими стратегическими направлениями, целевыми показателями и прочими задачами, решение которых связано в той или иной мере с трудоустройством студентов и выпускников. Комплексное многомерное и многофакторное статистическое исследование позволит образовательному учреждению оптимизировать процесс обучения с целью адаптации вуза ко все возрастающему числу студентов, занятых трудовой деятельностью.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Andrush A. The Reverse Synergy: Another Way of Thinking // International Journal of Economic Practices and Theories. 2012. Vol. 2. № 2.
2. Dvořáková L., Zborková Ji. Integration of Sustainable Development at Enterprise Level. Procedia Engineering, 2014, vol. 69, pp. 686–695. DOI: 10.1016/j.proeng.2014.03.043.
3. Hull J. C. Risk Management and Financial Institutions. Wiley, 2015. 742 p.

4. Затонский А. В., Сиротина Н. А. Прогнозирование экономических систем по модели на основе регрессионного дифференциального уравнения // Экономика и математические методы. 2014. Т. 50. № 1. С. 91–99.
5. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.gks.ru>.
6. Родионова А. В. Трудовая занятость студентов в контексте обучения (на примере Санкт-Петербурга) // Теория и практика общественного развития. 2011. № 7.
7. Shavandina O., Makusheva G., Sulipov R., Kholodenko Yu. Rating Analysis of Identified Segments of a Corporate Organization // Revista Espacios; Vol. 38 (No 51) 2017. P. 5–19.
8. Харченко В. С. Совмещение работы и учебы в вузе: новые практики или новые смыслы // Вопросы образования. 2013. № 3.
9. Шавандина О. А. Технологии оценивания компетенций // Вестник Академии экономики и права им. У. А. Джолдасбекова. № 1. Т. 2. Спецвыпуск «Перспективы развития науки в современном мире»: материалы II международной научно-практической конференции, 3 марта 2017 г. / сост.: В. В. Хан, Р. Б. Ержаханова. Талдыкорган, 2017. С. 243–246.
10. Шавандина О. А., Макушева Г. Н. Востребованные профессии в свете приоритетных направлений модернизации экономики России // Экономика. Профессия. Бизнес. 2016. Спецвып. 2. С. 102–105.
11. Макушева Г. Н., Шавандина О. А., Харина О. В. Анализ факторов, влияющих на долю студентов, совмещающих обучение в вузе с трудовой деятельностью // Экономика устойчивого развития. 2018. № 2 (34). С. 213–218.
12. Маслоу А. Корпоративный менеджмент Abraham H. Maslow. Motivation and Personality (2nd ed.) N. Y., 1970; СПб., 1999. С. 316.

REFERENCES

1. Andrush, A. (2012) The Reverse Synergy: Another Way of Thinking. *International Journal of Economic Practices and Theories*, vol. 2, No 2.
2. Dvořáková, L. & Zborková, Ji. (2014) Integration of Sustainable Development at Enterprise Level. *Procedia Engineering*, 69, 686–695. DOI: 10.1016/j.proeng.2014.03.043.
3. Hull, J. C. (2015) Risk Management and Financial Institutions. Wiley, 742.
4. Zatonsky, A. V. & Sirotina N. A. (2014) Forecasting of economic systems on the basis of regression differential equation. *Economics and mathematical methods*, vol. 50, No. 1, 91–99 (in Russian).
5. Official website of the Federal state statistics service. URL: <http://www.gks.ru/> (in Russian).
6. Rodionova, A. V. (2011) Employment of students in the context of training (case study on St. Petersburg). *Theory and practice of social development*, 7 (in Russian).
7. Shavandina, O., Makusheva, G., Sulipov, R. & Kholodenko, Yu. (2017) Rating Analysis of Identified Segments of a Corporate Organization. *Revista Espacio*, vol. 38 (No 51), 5–19.
8. Kharchenko, V. S. (2013) Combining work and study at the University: new practices or new meanings. *Issues of education*, 3 (in Russian).
9. Shavandina, O. A. (2017) Technology assessment competencies. *Multi-profile educational-scientific-production journal "Herald of the Academy of Economics and law. U. A. Dzholdasbekov"*, No. 1, vol. 2. Special issue "Prospects for the development of science in the modern world": Proceedings of the II International scientific-practical conference, March 3, 2017, comp. V. V. Han & R. B. Erzhanova. Taldykorgan, 243–246 (in Russian).
10. Shavandina, O. A. & Makusheva, G. N. (2016) Demanded professions in the light of the priority directions of modernization of the Russian economy. *Economics. Profession. Business: annual scientific journal*, special issue 2, 102–105 (in Russian).
11. Makusheva, G. N., Shavandina, O. A & Harinova O. V. (2018) Analysis of factors affecting the proportion of students who combine education in high school with work. *Economics of sustainable development: regional scientific journal*, 2 (34), 213–218 (in Russian).
12. Maslow, A. (1999) Corporate management Abraham H. Maslow. Motivation and Personality (2nd ed.) New York: Harper&Row; Saint Petersburg, 316 (in Russian).

Поступила в редакцию: 12 сентября 2018 г.

Принята к печати: 11 октября 2018 г.

АНАЛИЗ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА МАКРОКОМПЕТЕНЦИЙ В КОНТЕКСТЕ ФОРМИРОВАНИЯ ЦЕПОЧЕК СОЗДАНИЯ ДОБАВЛЕННОЙ СТОИМОСТИ В ЭКОНОМИКЕ АЛТАЙСКОГО КРАЯ¹

А. Ю. Юдинцев¹, О. В. Величко², Г. Н. Трошкина¹

¹Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия)

²Министерство экономического развития Алтайского края (Барнаул, Россия)

В статье развивается гипотеза, согласно которой участие предприятий Алтайского края в глобальных цепочках создания добавленной стоимости является фактором повышения эффективности экономики региона. В качестве основы и объекта исследования выступила информация о выданных субъектам Алтайского края патентах на изобретения, полезные модели и промышленные образцы, что позволяет исследовать инновационный потенциал организаций и предприятий региона. В качестве метрической системы для классификации инновационных потенциалов макрокомпетенций организаций и предприятий Алтайского края было использовано Страсбургское соглашение 1971 г. о Международной патентной классификации (МПК). Проведенный анализ инновационных потенциалов макрокомпетенций в контексте формирования цепочек создания добавленной стоимости в экономике Алтайского края позволил выявить их структурно-динамические характеристики. В итоге были выделены территориальные, отраслевые и организационные очаги локализации инновационных потенциалов макрокомпетенций, на основе которых в рамках научно-технической и экономической региональной политики целесообразно развивать конкурентоспособные производства для включения в высокие технологические переделы глобальных цепочек создания добавленной стоимости.

Ключевые слова: инновационный потенциал, макрокомпетенции, цепочки создания добавленной стоимости, экономика Алтайского края.

ANALYSIS OF INNOVATION POTENTIAL OF MICROCOMMERCE IN CONTEXT OF THE FORMATION OF CHAINS OF ADDED VALUE CREATION IN ECONOMY OF THE ALTAI TERRITORY

A. Yu. Yudinsev¹, O. V. Velichko², G. N. Troshkina¹

¹Altai state university (Barnaul, Russia)

²Ministry of economic development of Altai Krai (Barnaul, Russia)

The article develops the hypothesis that the participation of enterprises of the Altai territory in global value chains is a factor in improving the efficiency of the regional economy. The basis and object of the research was the information on patents for inventions, utility models and industrial designs issued to the subjects of the Altai territory, which allows to explore the innovative potential of organizations and enterprises of the region. The Strasbourg agreement of 1971 on the international patent classification (IPC) is used as a metric system for the classification of innovative potentials of macro-competence of organizations and enterprises of the Altai territory.

¹ Статья подготовлена при поддержке РФФИ. Научный проект № 18-010-00593. «Исследование глобальных цепочек создания добавленной стоимости как фактора повышения эффективности экономики региона».

The analysis of innovative potentials of macro-competence in the context of the formation of value chains in the economy of the Altai territory allowed to identify their structural and dynamic characteristics. Thus, territorial, sectoral and organizational centers of localization of innovative potential of macro-competence were identified, on the basis of which it is advisable to develop competitive production within the framework of scientific, technical and economic regional policy for inclusion in the high technological redistribution of global value chains.

Keywords: innovation potential, macro-competence, value chains, economy of the Altai territory.

Исследование глобальных цепочек создания добавленной стоимости как фактора повышения эффективности экономики региона ориентировано на выявление и формирование ключевых конкурентных преимуществ у предприятий Алтайского края, которые могут быть интегрированы и использованы в рамках международного разделения труда. При этом, как показано в исследовании наших коллег по гранту, «... в современной России стратегическим приоритетом структурной экономической политики, обеспечивающей устойчивый и интенсивный рост, должно стать развитие конкурентоспособных производств, включенных в глобальные цепочки создания добавленной стоимости на основе инноваций и технологий высоких переделов. Как показывают статистика и исследования, именно институциональные носители интеллектуального капитала, одновременно выступающие ключевыми стейкхолдерами технологических цепочек, представляют доминирующие интересы в современной экономике» [3, с. 53].

Таким образом, чрезвычайно актуальным вопросом с теоретической и практической точки зрения становится исследование инновационных потенциалов макрокомпетенций субъектов в экономике Алтайского края. Для разработки и проведения эффективной региональной экономической политики в части структурных изменений и наращивания научно-технического потенциала необходимо выявить так называемые точки роста, обладающие инновационным и конкурентоспособным потенциалом для включения в глобальные и национальные цепочки создания добавленной стоимости.

Оценка инновационных потенциалов может быть эффективно реализована на основе анализа патентной активности экономических субъектов. В качестве метрической системы для классификации инновационных потенциалов макрокомпетенций было использовано Страсбургское соглашение 1971 г. о Международной патентной классификации (МПК) [4]. Классификация, являясь средством для единообразного в международном масштабе классифицирования патентных документов, представляет собой эффективный инструмент для патентных ведомств и других потребителей, осуще-

ствляющих поиск патентных документов с целью установления новизны и оценки вклада изобретателя и неочевидности заявленного технического решения (включая оценку технической прогрессивности и полезного результата или полезности) [1].

Важным назначением МПК, кроме того, является: а) служить инструментом для упорядоченного хранения патентных документов, что облегчает доступ к содержащейся в них технической и правовой информации; б) быть основой для избирательного распределения информации среди потребителей патентной информации; в) быть основой для определения уровня техники в отдельных областях; г) быть основой для получения статистических данных в области промышленной собственности, что в свою очередь позволит определять уровень развития различных отраслей техники.

Международная патентная классификация охватывает все области знаний, объекты которых могут подлежать защите охраняемыми документами, и разделена на восемь разделов. В качестве единицы анализа в статье выбраны патенты и разделы Международной патентной классификации, характеризующие инновационные потенциалы экономических субъектов на уровне их макрокомпетенций (соответствует категории макротехнологий и связано с их компетентностным наполнением) последующим направлениям:

Раздел А — Удовлетворение жизненных потребностей человека;

Раздел В — Различные технологические процессы, транспортирование;

Раздел С — Химия; Металлургия;

Раздел D — Текстиль; Бумага;

Раздел E — Строительство; Горное дело;

Раздел F — Машиностроение; Освещение; Отопление; Двигатели и Насосы, Оружие и Боеприпасы; Взрывные работы;

Раздел G — Физика;

Раздел H — Электричество.

Разделы представляют собой высший уровень иерархии Международной патентной классификации, которые, в свою очередь, делятся на классы, подклассы, основные группы и подгруппы [1].

Для анализа патентной активности субъектов Алтайского края был использован реестр

патентов Алтайского края за период 2014 г. — по II кв. 2017 г. [1] и реестр кластеров Алтайского края [2]. Структура реестра патентов: Патентообладатель, Дата публикации патента, Код классификатора МПК, Место регистрации (Город, населенный пункт). Анализ инновационных потенциалов макрокомпетенций в экономике Алтайского края проведен в программе Microsoft Office Excel.

Анализ структуры и динамики патентной активности в Алтайском крае за период 2014 г. — по II кв. 2017 г. Динамика общей патентной активности в Алтайском крае по годам показала серьезное снижение общего количества зарегистрированных патентов с 292 до 126 за период 2014 г. — II кв. 2017 г., что характеризует уменьшение инновационных потенциалов экономических субъектов (рис. 1).

Рис. 1. Количество зарегистрированных патентов в Алтайском крае за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Для понимания структуры динамики патентной активности большое значение имеет анализ патентообладателей (рис. 2). Наибольшую патентную активность за период 2014 г. — II кв. 2017 г. де-

монстрируют вузы (394 патента) и частные лица (257 патентов), далее идут коммерческие организации (169 патентов) и лишь на 4-м месте — научные учреждения (48 патентов).

Рис. 2. Распределение количества патентов по патентообладателям Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

При этом явным лидером по патентной активности среди вузов Алтайского края (рис. 3) является Алтайский государственный технический университет им. И. И. Ползунова (212 патентов), далее примерно одинаковую патентную активность демонстрируют Алтайский государственный универ-

ситет (71 патент) и Алтайский государственный медицинский университет (68 патентов), практически на порядок меньше показатель Алтайского государственного аграрного университета (40 патентов) и замыкает данный список Алтайская государственная академия образования (3 патента).

Рис. 3. Распределение количества патентов по вузам Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

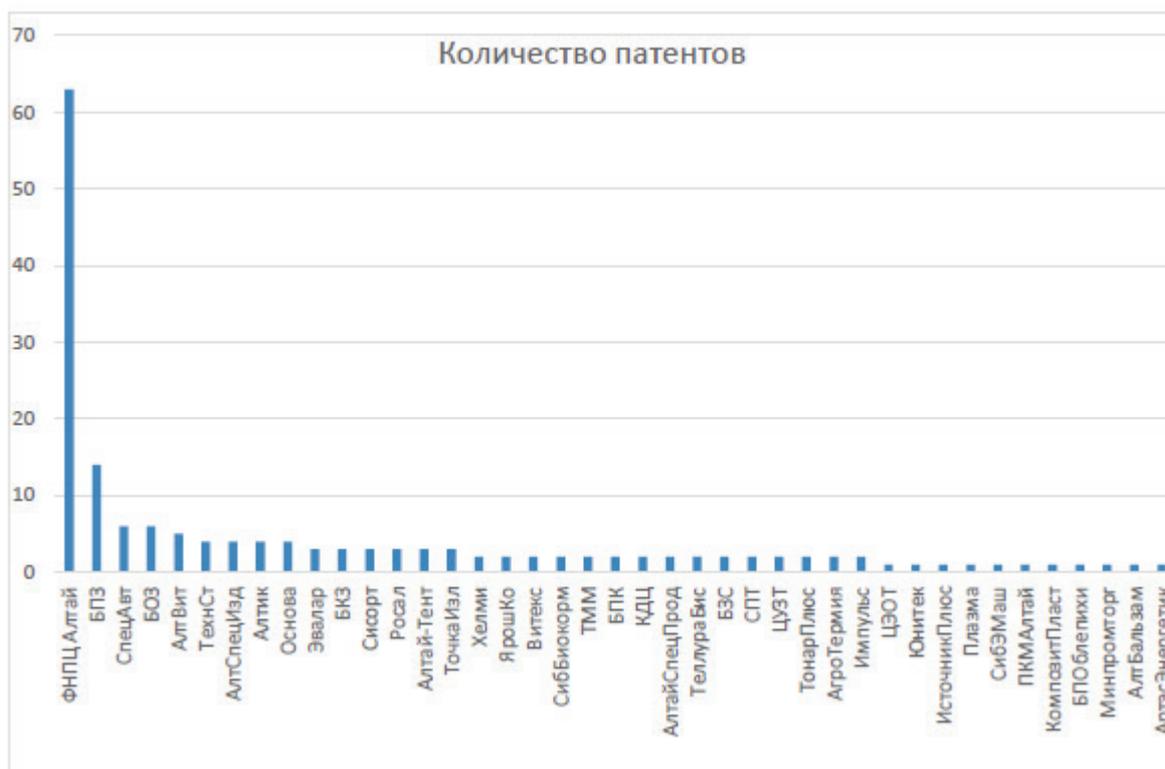

Рис. 4. Патентная активность организаций и предприятий Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Следует отметить, что среди НИИ за период 2014 г. — II кв. 2017 г. лидирует ГНУ «Всероссийский научно-исследовательский институт пантового оленеводства Российской академии сельскохозяйственных наук» (25 патентов), также выделим ФГБУ «Институт проблем химико-энергетических технологий Сибирского отделения РАН» (11 патентов), далее идут ФГБУ «Федеральный центр травматологии, ортопедии и эндопротезирования» Министерства здравоохранения Российской Федерации (5 патентов) и ГНУ «Сибирский научно-исследовательский институт сыроделия Россельхозакадемии» (3 патента), ГНУ «Алтайский научно-исследовательский институт животноводства и ветеринарии» Российской академии сельскохозяйственных наук (2 патента), Федеральное государственное бюджетное учреждение «Научно-исследовательский институт фармакологии имени Е. Д. Гольдбер-

га» Сибирского отделения Российской академии медицинских наук (1 патент), ФГБУН «Институт водных и экологических проблем» Сибирского отделения Российской академии наук (1 патент).

Среди организаций и предприятий Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г. (рис. 4) явным лидером выступает ОАО ФНПЦ «Алтай» (63 патента), также следует отметить ЗАО «Барнаульский патронный завод» (14 патентов).

Особенностью патентной активности в Алтайском крае является тот факт, что подавляющее большинство патентов зарегистрированы субъектами, представляющими Барнаул (657 патентов) и наукоград Бийск (171 патент), в которых сосредоточен основной экономический, производственный и научно-технический потенциал региона, на все другие города и населенные пункты в совокупности приходится лишь 40 патентов (рис. 5).

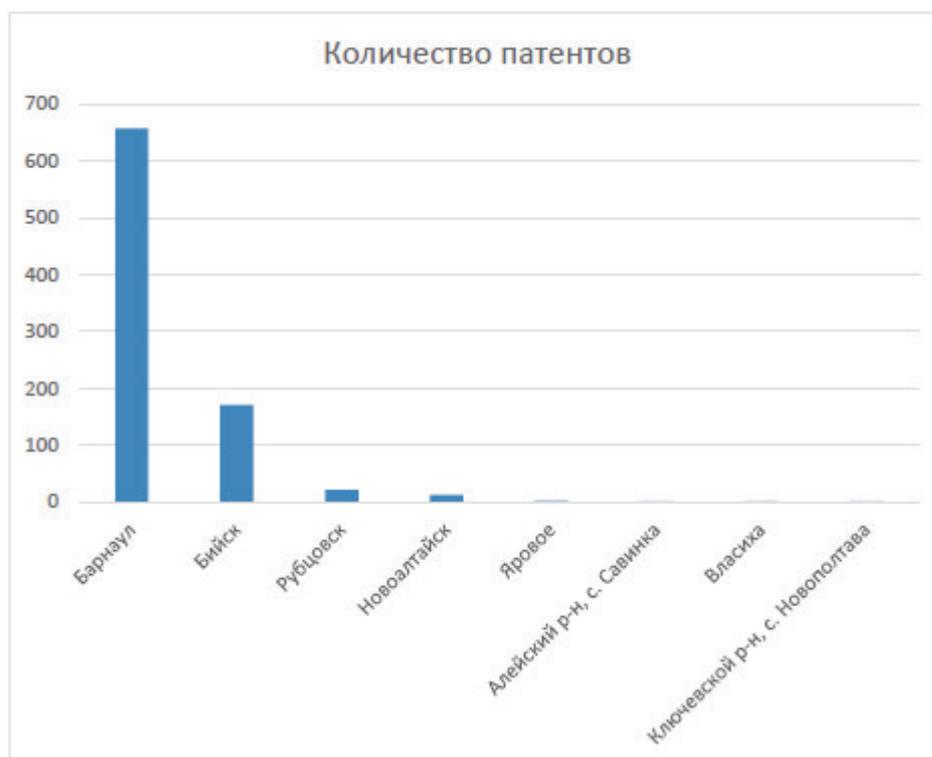

Рис. 5. Локализация патентов по городам и населенным пунктам Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Распределение патентов по макрокомпетенциям за период 2014 г. — II кв. 2017 г. также подтверждает снижение общего количества зарегистрированных патентов по всем макрокомпетенциям, что характеризует уменьшение инновационных потенциалов экономических субъектов (рис. 6).

Для понимания инновационных точек потенциального экономического развития, имеющих стратегическое значение для региона, на основе патентной активности необходимо ранжировать распределение количества патентов по макрокомпетенциям за период 2014 г. — II кв. 2017 г. (рис. 7).

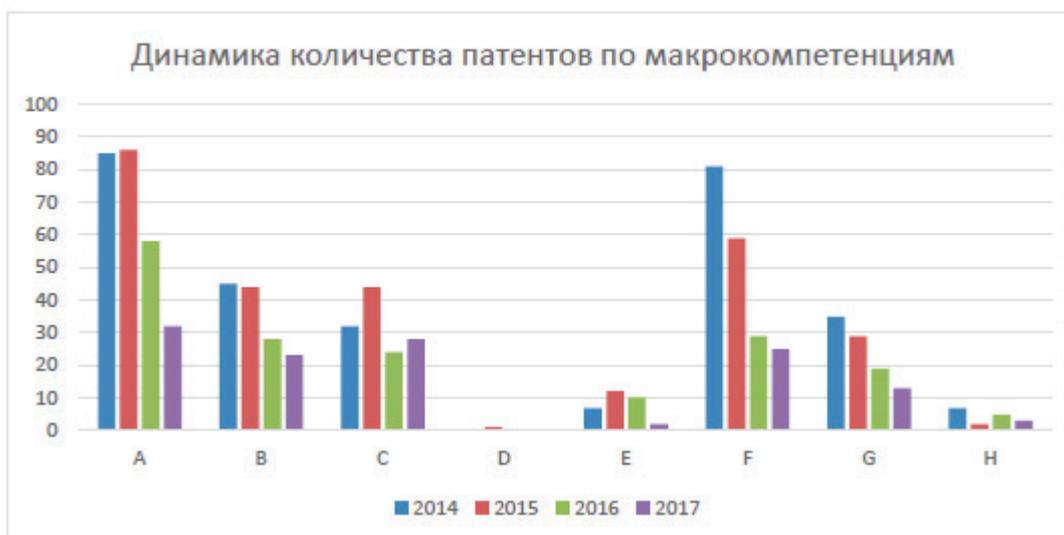

Рис. 6. Динамика количества патентов по макрокомпетенциям Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Рис. 7. Распределение патентов по макрокомпетенциям Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Раздел А — Удовлетворение жизненных потребностей человека (261 патент);

Раздел F — Машиностроение; Освещение; Отопление; Двигатели и Насосы, Оружие и Боеприпасы; Взрывные работы (194 патента);

Раздел В — Различные технологические процессы, транспортирование (140 патентов);

Раздел С — Химия; Металлургия (128 патентов);

Раздел G — Физика (96 патентов);

Раздел E — Строительство; Горное дело (31 патент);

Раздел H — Электричество (17 патентов);

Раздел D — Текстиль; Бумага (1 патент).

В завершение анализа целесообразно рассмотреть, как локализована патентная активность в кластерах Алтайского края, выступающих своеобразными территориально-отраслевыми аттракторами развития технологически и хозяйственно взаимосвязанных производств (рис. 8).

Рис. 8. Локализация патентов по кластерам Алтайского края за период 2014 г. — II кв. 2017 г.

Наиболее патентно активным, как показывает статистика, за период 2014 г. — II кв. 2017 г. является Алтайский биофармацевтический кластер (88 патентов). Далее идут другие организации и предприятия, не входящие в кластеры (80 патентов). Предприятиями Алтайского полимерного композитного кластера за этот период зарегистрировано 9 патентов, а предприятиями Алтайского кластера аграрного машиностроения — 3 патента. Алтайский кластер энергомашиностроения и энергоэффективных технологий и Барнаульский промышленный химический кластер за рассматриваемый период вообще не зарегистрировали ни одного патента.

Таким образом, во-первых, за период 2014 г. — II кв. 2017 г. в Алтайском крае наблюдается снижение общей патентной активности с 292 до 126 патентов, что существенно уменьшает экономическое пространство для развития инновационных потенциалов макрокомпетенций хозяйствующих субъектов, которые бы могли быть эффективно интегрированы в глобальные цепочки создания добавленной стоимости, особенно в их высокие технологические передель.

Во-вторых, патентная активность за период 2014 г. — II кв. 2017 г. в Алтайском крае очень сильно локализована территориально (в двух городах — Барнауле и наукограде Бийске), причем большая часть патентов зарегистрирована в вузах, что для эффективного включения в глобальные и национальные цепочки создания добавленной стоимости требует интенсификации процессов вертикальной интеграции с производством.

В-третьих, наибольшая патентная активность, характеризующая высокий инновационный потенциал предприятий по развитию макрокомпе-

тенций, зафиксирована на ОАО ФНПЦ «Алтай» (63 патента), а также на ЗАО «Барнаульский патронный завод» (14 патентов). Таким образом, по сути, на данных предприятиях имеются достаточно серьезные инновационные и производственные потенциалы развития макрокомпетенций для эффективной интеграции в существующие и новые глобальные и национальные цепочки создания добавленной стоимости.

В-четвертых, распределение патентов по макрокомпетенциям за период 2014 г. — II кв. 2017 г. позволяет сформулировать стратегические приоритеты по развитию технологий и производств в экономике Алтайского края. На этой основе Правительству Алтайского края можно рекомендовать обратить особое внимание на инновационные потенциалы по формированию макрокомпетенций в сфере следующих технологий:

- удовлетворения жизненных потребностей человека;
- машиностроение; освещение; отопление; двигатели и насосы, оружие и боеприпасы; взрывные работы;
- различные технологические процессы, транспортирование;
- химия; металлургия;
- физика.

Для эффективной реализации выявленных инновационных потенциалов макрокомпетенций в организациях и предприятиях Алтайского края необходимо формирование благоприятных институциональных условий [3] для их интегрирования в глобальные и национальные цепочки создания добавленной стоимости.

В-пятых, процессы интеграции новых конкурентоспособных технологий и производств

в глобальные и национальные цепочки создания добавленной стоимости целесообразно развивать на базе уже сформированных кластеров и их инфраструктуры. Особенно следует отметить высокие инновационные потенциалы макрокомпетенций, созданные в рамках организаций и предприятий Алтайского биофармацевтического кластера, Алтайского полимерного композитного кластера и Алтайского кластера аграрного машиностроения.

В целях дальнейшего анализа инновационного потенциала организаций и предприятий Ал-

тайского края по формированию макрокомпетенций для эффективного участия в глобальных и национальных цепочках создания добавленной стоимости необходимо разработать и внедрить государственную систему мониторинга коммерциализации инноваций и оценки их эффективности. Причем данная система мониторинга и оценки должна быть сформирована на основе цифровых технологий и в режиме online, что обеспечит гибкое и оперативное принятие стратегических управленческих решений по вопросам экономической политики и развития инноваций.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Информационно-поисковая система ФГБУ «Федеральный институт промышленной собственности» [Электронный ресурс]. URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/inform_resources/inform_retrieval_system (дата обращения: 16.10.2018).
2. Официальный сайт КГБУ «Алтайский центр кластерного развития» [Электронный ресурс]. URL: <http://ackr22.ru/klasteryi/> (дата обращения: 16.10.2018).
3. Самсонов Р. А., Бочаров С. Н. Ответственность стейкхолдеров при формировании глобальных цепочек создания добавленной стоимости // *Управленец*. 2018. Т. 9. № 4. С. 53–65.
4. Страсбургское соглашение 1971 года о Международной патентной классификации (Заключено в г. Страсбурге 24.03.1971).

REFERENCES

1. Information retrieval system of Federal state budgetary institution “Federal Institute of industrial property”. URL: http://www1.fips.ru/wps/wcm/connect/content_ru/ru/inform_resources/inform_retrieval_system.
2. The official website of the territorial state institution “Altai center of cluster development”. URL: <http://ackr22.ru/klasteryi/>.
3. Samsonov, R. A. & Bocharov, S. N. (2018) Responsibility of stakeholders in the formation of global value chains. *Manager*, Vol. 9, No. 4, 53–65.
4. Strasbourg agreement of 1971 on the international patent classification (concluded in Strasbourg, March, 24 1971).

Поступила в редакцию: 04 ноября 2018 г.

Принята к печати: 19 ноября 2018 г.

НАШИ АВТОРЫ

OUR AUTHORS

Беляев Виктор Иванович, доктор экономических наук, профессор кафедры экономики предпринимательства и маркетинга Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: belyaevvi@mail.ru.

Бородин Владимир Андреевич, доктор экономических наук, профессор, советник ректора Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: vab4788@mail.ru.

Величко Ольга Владимировна, главный специалист отдела трансфера и коммерциализации технологий Министерства экономического развития Алтайского края (Барнаул, Россия), e-mail: olga.velichlo19@yandex.ru.

Домалатов Ержан Багданович, докторант Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: erjan_1991.91@mail.ru.

Дубина Игорь Николаевич, доктор экономических наук, профессор кафедры применения математических методов в экономике и планировании Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия), профессор кафедры международной экономики, математических методов и бизнес-информатики Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: igor_dubina@yahoo.com. ORCIDID: 0000-0002-6241-0932.

Крышка Виктор Иванович, кандидат экономических наук, доцент кафедры экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kryshka@mail.ru. ORCIDID: 0000-0002-3817-9662.

Кузнецова Ольга Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры управления персоналом и социально-экономических отношений Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: olgav.kuznecova@yandex.ru.

Куртешева Василия Николаевна, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: kurtешева.vasilya@yandex.ru.

Кылгыдай Ай-кыс Чамдаловна, научный сотрудник лаборатории «Региональная экономика» Тувинского института комплексного освоения природных ресурсов СО РАН (Кызыл, Россия), e-mail: aikys_k@mail.ru.

Макушева Галина Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры высшей математики Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: makusheva2005@yandex.ru.

Мищенко Инна Витальевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: mis.iv@mail.ru. ORCIDID: 0000-0002-6871-6668.

Неупокоев Михаил Юрьевич, магистрант Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: neupokoev.1023@mail.ru.

Перекаренкова Юлия Александровна, научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Россия), старший преподаватель кафедры экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: perekarenkova@mail.ru. ORCIDID: 0000-0002-9572-3716.

Сабына Елена Николаевна, кандидат экономических наук, доцент кафедры региональной экономики и управления Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: sabynaen@mail.ru.

Сергиенко Алие Мустафаевна, доктор социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Барнаул, Россия), e-mail: a.m.sergienko@mail.ru. ORCIDID: 0000-0002-8615-7329.

Сундеева Марина Александровна, инженер Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Барнаул, Россия), e-mail: sundeevamarina@yandex.ru.

Троцкий Александр Яковлевич, доктор социологических наук, профессор, заведующий лабораторией Института экономики и организации промышленного производства СО РАН (Новосибирск, Рос-

сия), заведующий кафедрой экономической теории Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: trotskovskiy@dc.asu.ru. ORCIDID: 0000-0002-3233-8570.

Трошкина Галина Николаевна, кандидат технических наук, доцент кафедры прикладной информатики в экономике, государственном и муниципальном управлении Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: G_troshkina@mail.ru

Тургинбаева Ардак Несипбековна, доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой менеджмента и маркетинга Казахского национального университета им. Аль-Фараби (Алматы, Казахстан), e-mail: turginan@gmail.com.

Харинова Ольга Васильевна, кандидат экономических наук, главный бухгалтер ООО «СтройАльянс» (Барнаул, Россия), e-mail: olga81_alianc@mail.ru.

Шавандина Ольга Александровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: shao07@rambler.ru.

Шарикова Татьяна Геннадьевна, кандидат технических наук, доцент кафедры высшей математики Алтайского государственного технического университета им. И. И. Ползунова (Барнаул, Россия), e-mail: tgs_xx@rambler.ru.

Шунина Ольга Александровна, старший преподаватель кафедры финансов и кредита Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: shunina2009@mail.ru.

Юдинцев Алексей Юрьевич, кандидат физико-математических наук, доцент кафедры прикладной информатики в экономике, государственном и муниципальном управлении Алтайского государственного университета (Барнаул, Россия), e-mail: A_yudintsev@mail.ru

ПРАВИЛА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СТАТЕЙ В НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ «ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС»

ARTICLE SUBMISSION GUIDELINES FOR "ECONOMICS. PROFESSION. BUSINESS"

Статья представляется в электронном варианте по адресу ef@asu.ru:

- название файла по фамилии автора или первого из авторов.
- используется одна из последних версий текстового редактора WORD.
- объем публикации не должен превышать 20 000 знаков (0,5 п. л.), включая список литературы, сведения об авторах и иллюстрации; для кандидатов и докторов наук объем публикаций не должен превышать 40 000 знаков (1,0 п. л.). Минимальный объем статьи составляет 12 000 знаков (0,3 п. л.).
- публикации принимаются на русском и английском языках.
- рукопись должна быть подписана всеми авторами на последней странице.

1. Структура статьи:

- индекс УДК, который проставляется в левом верхнем углу первой страницы рукописи;
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на русском языке (например, И. И. Иванов, Алтайский государственный университет (Барнаул, Россия));
- название статьи, аннотация на русском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на русском языке (от 5 до 10 слов);
- инициалы и фамилия автора, место работы автора (с указанием города и страны) на английском языке (например, I. I. Ivanov, Altai State University (Barnaul, Russia));
- название статьи, аннотация на английском языке (объем аннотации от 1000 до 1600 знаков без пробелов), ключевые слова к публикации на английском языке (от 5 до 10 слов);
- собственно текст статьи;
- библиографический список;
- таблицы с заголовками;
- рисунки с подписями;
- сведения об авторах (фамилия, имя, отчество, ученая степень и звание, должность, место работы, телефон для связи), адрес с указанием почтового индекса, электронный адрес (e-mail) и ORCID ID (при наличии).

2. Для основных текстов на английском языке сначала указываются инициалы и фамилия автора, название статьи, аннотация, ключевые слова к публикации на английском языке, затем все то же самое на русском языке.

3. По содержанию в тексте должны присутствовать:

- вводная часть (введение), содержащая обзор современных публикаций по данной тематике, в том числе зарубежных авторов, и четко формулирующая актуальность и цель работы;
- описание методов и методик проводимого исследования;
- полученные результаты и их обсуждение;
- заключительная часть (заключение) с выводами по работе.

4. Требования к тексту, представленному в WORD:

- формат А4 (21x30 см);
 - используемые версии текстового редактора — MS Word 2003 и выше (таблицы и рисунки — MS Word, MS Excel, Corel Draw 12, 13);
-

- интервал между строками — 1,5;
- шрифт — гарнитура Times New Roman;
- размер шрифта — 14 кегль;
- все поля по 2 см;
- текст неформатированный;
- текст должен быть разбит на абзацы, но без абзацных отступов;
- без переносов;
- возможно выделение текста шрифтами (жирный, курсив, изменение размера шрифта);
- возможно употребление спецсимволов (% и др.).

5. Библиографический список кириллицей оформляется следующим образом:

а) статьи в периодических изданиях:

Ермолина Л. Т. Откуда у парня афганская грусть? // Алтайская правда. 2001. № 2. С. 2–5.

б) монографии, учебники и учебные пособия:

Антонян Ю. М. Преступность в федеральных округах России. М. : Статут, 2012. С. 117;

в) сборники статей и труды конференций:

Горшков, В. Г. О некоторых подходах к решению экономических и организационных проблем промышленных предприятий. — Барнаул : Издательство Алтайского университета, 2004. 168 с.;

г) электронные источники:

Гужвенко Ю. Н. В Алтайском крае активно действует казахская диаспора. URL: <http://www.ferghana.ru/article.php?id=5196/> (дата обращения: 05.10.2008).

Гиперссылку необходимо всегда заканчивать знаком «/».

Ссылки на цитируемую литературу даются в тексте цифрами в квадратных скобках, здесь же указываются цитируемые страницы: [1, с. 15; 2, с. 45]. Сам список литературы под заголовком «Библиографический список» приводится после основного текста в порядке цитирования (один пункт списка — одно наименование). Один и тот же источник в библиографическом списке указывается один раз, в тексте статьи при повторной ссылке указывается в квадратных скобках номер, который использовался первый раз.

При оформлении списка литературы использовать длинное тире (одновременное нажатие клавиш «ctrl» и «-»).

При оформлении списка литературы латиницей учитывать алфавитный порядок английского языка.

6. Требования к рисункам (схемам, графикам, диаграммам) и таблицам:

- рисунки должны иметь подписи;
- таблицы должны иметь заголовки;
- сокращения должны быть объяснены;
- сканированные изображения не принимаются;
- размер шрифта в рисунках и таблицах — не менее 10 кегля;
- не допускается использование заливки, цвет контуров — черный.

7. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку (в том числе изменять заголовки и сокращать тексты) без согласования с авторами и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки. При соответствующей доработке статья может быть опубликована. Отклоненные редколлегией журнала статьи авторам не возвращаются.

ЭКОНОМИКА. ПРОФЕССИЯ. БИЗНЕС

2018. № 4

Журнал зарегистрирован
в Управлении Федеральной службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций
по Алтайскому краю и Республике Алтай
(Управление Роскомнадзора по Алтайскому краю и Республике Алтай).
Свидетельство о регистрации ПИ №ТУ22-00576 от 20 ноября 2015 г.

Литературный редактор *С. И. Тесленко*

Подготовка оригинал-макета *О. В. Майер*

Свободная цена

Подписано в печать 10.12.2018.
Формат 60×84/8. Бумага офсетная.
Усл.-печ. л. 12,1. Тираж 500 экз. Заказ 537.

Типография Алтайского государственного университета
656099 Барнаул, ул. Димитрова, 66
